[Polaris]

БИТВА

ЧУДОВИЩ

Приключения в микромире

Том 1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гигантские пауки и крошечные люди, кровопролитные битвы муравьев, отчаянные сражения микробов, путешествия внутри человеческого тела и невообразимые вселенные, заключенные в атомах — проникновение в микромир издавна было заветной мечтой фантастов.

Антология «Битва чудовищ» начинает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире». В антологию вошли произведения 1890-х — 1920-х гг.

- Содержание
  - М. Составитель Фоменко
    -
    - Альбер Бленар. Лилипуты[1]
      -
      - I
      - II
      - III
      - IV
  - Джеймс Барр. Мир испаряющейся капли[2]
    -
      -
      - I
      - II
      - III
      - IV
      - V
      - VI
      - VII
  - Морган Робертсон. Битва чудовищ[4]
  - Алексей Ачкасов. Путешествие эльфа[6]
  - В. Ланцев. Путешествие внутри атома[7]
  - Рэй Каммингс. Девушка из золотого атома[10]
    -
      -
      - Вселенная в атоме
      - Путь в кольцо
      - Сорок восемь часов спустя
      - Лильда
      - Мир в кольце
      - «Я должен вернуться…»
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10

Содержание

М. Фоменко Составитель
Битва чудовищ. Приключения в микромире. Том I

М. Составитель Фоменко

Альбер Бленар. Лилипуты[1]

Илл. Г. Фитингофа

I

Развитие естествознания, стремление человека изучить все процессы окружающего нас мира было причиной появления и расцвета научной фантастики. Она ставила себе две задачи: в живой, образной форме рассказать читателю о том, что нас окружает, и дать представление о силах природы и о том, как эти силы могут быть использованы наукой и техникой. Произведения Ж. Верна как раз выполняли вторую задачу, а печатаемые ниже отрывки из романа французского писателя А. Бленара «Лилипуты» являются блестящим по своему остроумию примером выполнения первой задачи — показа окружающей нас природы.

Видоизменив классический сюжет романа Д. Свифта «Путешествие Гулливера», А. Бленар в виде рассказа о необычайных приключениях миниатюрных людей сообщает читателю немало поучительных сведений из области естествознания. В своем романе А. Бленар заставляет читателя с новой и неожиданной точки зрения смотреть на окружающий мир: жизнь и поведение муравьев, необычайные органические процессы, совершающиеся в растении и т. д. В этом — основное значение романа — красочной главы из беллетристического природоведения.

«Лилипуты» были написаны 40 лет назад. С того времени наука далеко ушла вперед, обогатилась новыми открытиями и во многом исправила прежние ошибочные воззрения на окружающую нас природу. О поведении муравьев, о физиологии растений можно было бы рассказать больше, чем было известно А. Бленару, но, несмотря на это, его роман нужно признать ценным и не потерявшим своего значения первым опытом живого рассказа о жизни под микроскопом.

Председатель ученого «сверх-психического общества» в провинциальном французском городке Перпиньяне доктор Параду получил от флорентийского ученого Аль-Гаррика краткое сообщение, поразившее его своей необычайностью:

«С удовольствием спешу сообщить вам, что мною открыта возможность по желанию уменьшать размеры человеческого тела. Благоволите поделиться моим открытием с вашими товарищами по ученому обществу. Быть может, они согласятся посетить меня,

чтобы непосредственно ознакомиться с открытием».

Приглашение было принято с воодушевлением и трое членов общества были командированы во Флоренцию для практического изучения замечательного открытия. Это были: председатель доктор Параду, вице-председатель Солейя, по профессии оптик, и секретарь общества дантист Камарэ. Они были радушно встречены Аль-Гарриком и его молодой женой Тильдой, которые в первом же разговоре сообщили им интересные подробности об открытии.

Как часто бывает, случай навел ученого на его открытие. В течение 2–3 лет он желает, однако, сохранить его в тайне, чтобы иметь возможность пополнить и усовершенствовать. Доктор и его друзья должны были обязаться честным словом не делать никаких попыток проникнуть в секрет открытия, и тогда Аль-Гаррик сообщил им, что может уменьшать размеры не только людей, но и всех предметов, находящихся при них. Он советует им запастись всевозможными инструментами: лупой, очками, термометром, фотографическим аппаратом.

— Наконец, — добавил ученый, — необходимо захватить с собою оружие.

— Оружие! — изумился Солейя.

— Ну, разумеется: когда вы превратитесь в лилипутов, вам придется защищаться против множества таких врагов, на которых вы сейчас и внимания не обращаете.

Гости поднялись с хозяином в лабораторию взглянуть на аппарат, обещающий столь изумительные возможности. Та часть его, которая доступна была обозрению Параду и его спутников, представляла собою огромный стеклянный колокол, под которым могло поместиться 4–5 человек. Он стоял посреди комнаты на толстой подставке из полированного стекла. Колокол имел приспособление для поднятия и опускания. Два спирально закрученных медных провода вели от вершины колокола в соседнюю комнату.

— Электричество? — спросил Параду.

— Секрет! — ответил Аль-Гаррик. — Доступ в соседнюю комнату вам безусловно воспрещен, не забудьте! Вы не вправе переступать ее порога.

II

Первый опыт был назначен на другой же день. Трое французов взобрались под колокол аппарата в сопровождении Тильды, хранившей все время глубокое молчание. Вскоре французы почувствовали, что стеклянный пол скользит у них под

ногами.

— Камарэ! — воскликнул Параду. — Старайтесь сохранить равновесие! Если вы упадете, то разобьете ваши фотографические приборы! Поставьте их на землю и делайте, как я: раз, два, раз, два… поднимайте ноги и ступайте ими тверже!

Камарэ наклонился, чтобы поставить свой треножник и камеру на стеклянную площадку. В эту минуту сильный толчок бросил его на пол и заставил перекувырнуться.

— Черт бы побрал вашего ученого с его адской выдумкой! — закричал он.

Аль-Гаррик должен был, конечно, предупредить их и научить сохранять равновесие. Что же Тильда? Молодая женщина удалялась, бесстрастная и неподвижная, как статуя, словно ничего не видя и ничем не интересуясь. Очевидно, старый ученый хотел дать гостям возможность вдосталь подивиться всему происходящему.

Колебания почвы были все же довольно медленны, и падение не могло быть опасным. Несколько привыкнув, не трудно было сохранить равновесие.

Камарэ, треножник и шляпа его, очутившиеся на полу, колеблются теперь на стеклянной площадке, как на волнах моря. И еще странная вещь: они отдаляются друг от друга. Заинтригованный доктор Параду хотел дать себе отчет в этих странных явлениях, но был опрокинут на землю.

Оправившись, доктор бросился к шляпе фотографа.

Тут новое необычайное явление приковало к себе его внимание. Шероховатости стеклянной площадки, все увеличивавшиеся, приняли теперь необыкновенные размеры. Поверхность площадки казалась холмистой равниной.

Солейя сделал не менее важное открытие: доктор опрокинулся потому, что наткнулся на огромный булыжник. Но ведь этого булыжника не было в колоколе, когда они вошли в него! Кто же положил его?

— Наблюдайте за шляпой, — сказал доктор своим друзьям.

Головной убор дантиста представлял вместилище явлений, достойных высокого внимания ученых людей. Казалось, шляпа лежала на прозрачной жидкости, которая разливалась далеко вокруг и увлекала за собой трех друзей. Как ни пытались они подойти к магической шляпе, все оставались на прежнем расстоянии от нее.

— Взгляните, — сказал Камарэ, — можно думать, что из-под моей шляпы вытекает расплавленное стекло.

— Друг мой, — возразил доктор, — посмотрите себе под ноги: то же самое!

Действительно, из-под каждого предмета, казалось, вытекало море расплавленного стекла.

— Можете вы объяснить это? — спросил дантист.

— Очень просто, — отвечал Солейя. — Мы подвержены той же иллюзии, которая заставляет нас думать, что земля неподвижна, а солнце обращается вокруг нее. Здесь нам кажется, что стеклянная площадка увеличивается и движется, тогда как в действительности она остается неподвижной, а сами мы уменьшаемся.

— Но почему стекло как бы разливается из-под шляпы? — заметил Камарэ.

— Потому что шляпа беспрестанно уменьшается и мы замечаем вокруг нее новые части стекла, до сих пор скрытые от нас. Этим же объясняется и то, почему мы удаляемся друг от друга. Поверхность стекла, разделяющая нас, увеличивается сообразно уменьшению наших тел, которые нам кажутся неизмененными.

Вдруг движение прекратилось.

— Кончено, — сказал Параду, — мы приведены в тысячную долю нашей нормальной величины. — Затем, вынув часы, он добавил: — Прошло не более получаса с тех пор, как мы вошли в колокол.

— Вы говорите, что мы сделались в тысячу раз менее обыкновенного, милый доктор? Но взгляните на меня, на Солейя, на себя, на мою шляпу. Все имеет прежние размеры!

— Иллюзия! — отвечал Параду. — Все то, что уменьшилось, кажется вам обыкновенного размера, а то, что осталось неизменным, кажется увеличенным.

— Значит, все увеличилось, потому что не увеличилось! — вскричал, смеясь, дантист. — Туманная философия!

Поверхность стеклянной площадки, обыкновенно ровной и гладкой, представляла теперь шероховатости, борозды, теряющиеся вдали рытвины. Трудно было двигаться по этой неровной поверхности. Что касается краев колокола, то они отдалились на расстояние не менее километра. Позади стекла можно было заметить в бесконечной дали меблировку лаборатории. Но мебель приняла такие огромные размеры, что ее невозможно было узнать. Кроме того, все казалось погруженным в какой-то желтоватый туман. Солейя напомнил доктору о булыжнике, причинившем его падение.

— Пойдем посмотрим, — сказал Параду. — Это меня чрезвычайно интересует. Откуда он мог взяться?

Булыжник успел вырасти с того времени, когда доктор споткнулся о него. Он находился в трех километрах и походил

теперь на огромную глыбу. Подошли, начали разглядывать. Глыба была прозрачна и имела углы и полированную поверхность, свойственную кристаллам.

— Но это кристалл кварца! — вскричал доктор.

— Кварца? — повторил оптик. — Кто мог его сюда принести?

Вдруг Параду ударил себя по лбу. Его широкое лицо расцвело улыбкой. Решение загадки было найдено!

— Друзья мои, — вскричал он, — ведь это песчинка, которую мы принесли на подошве сапог!

— И вы могли споткнуться о песчинку! — засмеялся Камарэ. Доктор посоветовал дантисту воспользоваться неподвижностью почвы, чтобы сфотографировать камень.

— Хорошо, — ответил Камарэ, — встаньте на него: он вам послужит пьедесталом. — Дантист поднял с полу камеру и треножник. Его спутники взобрались на скалу.

— Не двигайтесь же! — сказал им Камарэ.

В эту минуту сильный толчок поколебал глыбу и друзья едва не упали на землю.

— Внимание, господа! — сказал Солейя. — Мы принимаем прежнюю величину.

— Тысяча бомб! — проворчал дантист. — Я не успел снять фотографию!

Сложив свой прибор, он взвалил все на спину.

— Терпение! — сказал доктор. — Все успеется в другой раз.

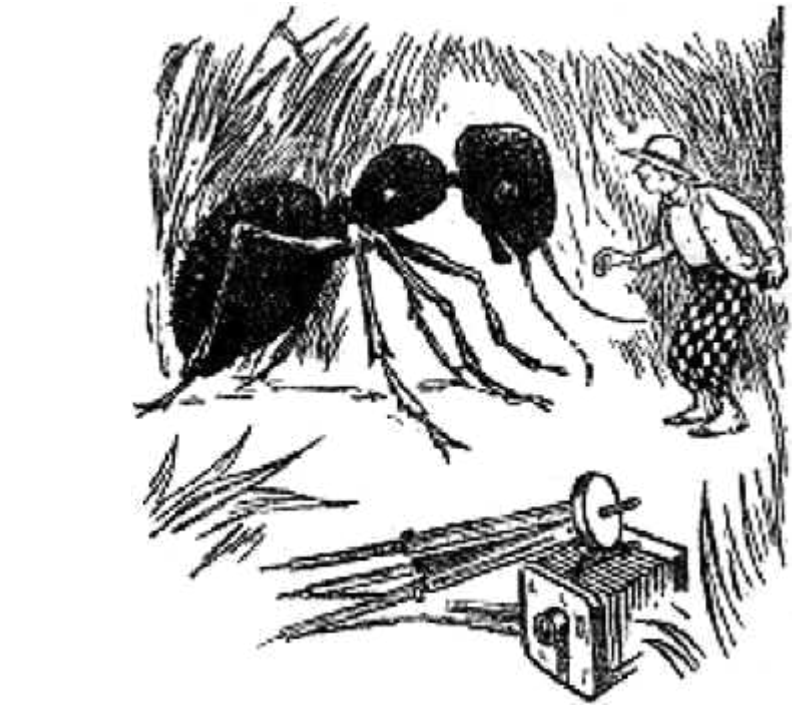
Когда первый опыт был окончен и трое французов вернулись к своим нормальным размерам, они чувствовали себя в первые минуты словно разбуженными от глубокого сна. Вскоре, однако, они совершенно оправились от этого недомогания.

III

Вскоре они опять проделали опыт и, в уменьшенном виде — совершили путешествие по парку, окружавшему дом Аль-Гаррика.

Здесь они случайно встретились с муравьем.

— Смотрите, — крикнул оптик, — муравей! Какое огромное животное! — Насекомое величиною с доброго быка казалось доисторическим чудовищем или обитателем неведомой планеты. Муравей направился прямо к путешественникам, словно не подозревая об их присутствии.



— Да он слеп! — вскричал Камарэ.

— Вовсе нет, — отвечал Солейя, — но поле его зрения очень ограничено. Подвигаясь по незнакомой дороге, муравей всегда идет нерешительно, медленно и осторожно.

Между тем насекомое подошло уже так близко, что его можно было разглядеть во всех деталях. Камарэ, с любопытством разглядывавший голову муравья, вдруг спросил:

— Не можете ли вы мне сказать, где находятся уши и нос у муравья? Я их никогда не нахожу.

— У муравья нет ни ушей, ни носа, — отвечал оптик. — Орган слуха заключается в щупальцах или, может быть, в ногах.

— Чем же муравьи обоняют, если не имеют носа?

— Неизвестно.

— Ну, я открою это, — сказал дантист. — При следующем путешествии я захвачу табаку, обсыплю им все тело муравья и тогда увижу, чем он нюхает!..

Между тем муравей медленно подвигался вперед. Параду предложил на всякий случай следовать за ним. Не прошло и 10 минут, как лес остался позади. Они вступили на широкую равнину, окаймленную со всех сторон деревьями. В средине возвышался холм конической формы, похожий на потухший вулкан. Путешественники остановились и стали держать совет, вернуться ли им в лес или отправиться за муравьем далее по равнине. Муравей, казалось, направлялся к холму. Решено было последовать за ним.

Почва имела странный вид. Она была так изрыта, словно тысячи ручьев пересекали ее во всех направлениях. Доктор был поражен этим и старался разгадать, что могло быть причиной странного вида земли. Но никакая догадка не удовлетворяла его.

Муравей подвигался вперед. Вдруг путешественники заметили другого муравья, потом третьего, наконец целый караван, подвигавшийся гуськом. Муравьи стекались со всех концов и все направились к холму.

— Я понимаю, — сказал доктор самому себе, — этот холм представляет собой вход в муравейник. Почва изрыта тоже муравьями.

— Это муравейник? — спросил Солейя.

— Да — отвечал Параду, — мы идем прямо в муравейник!

— О, друзья, нам надо спасаться, — вскричал Камарэ, — муравьи съедят нас!

— Наоборот, друг мой, надо идти вперед. Мы увидим нечто необычайное.

Четверть часа спустя путешественники добрались до подошвы холма. Это был необъятный земляной конус, похожий на вулкан, кратер которого представлял вход в муравейник. Тысячи муравьев карабкались по склонам конуса и исчезали в зияющем отверстии; толпы других выходили изнутри и спускались вниз.

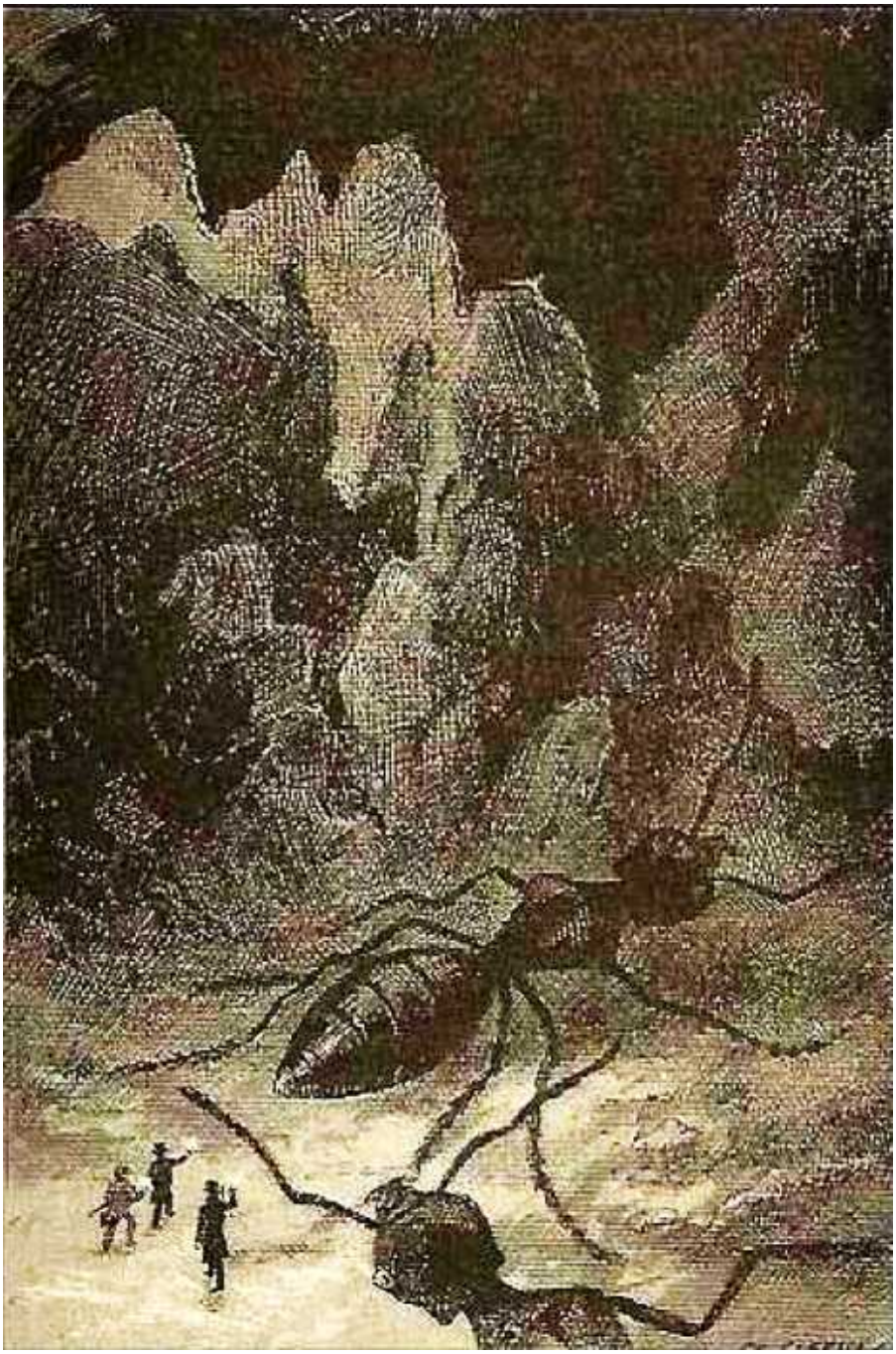
— Что если войти в муравейник? — спросил доктор у своих спутников.

— Конечно, — отвечал Солейя.

— И я согласен, — сказал дантист. — Эти муравьи кажутся мне совсем ручными и кроткими.

Однако путешественникам пришлось переменить свое мнение, когда через несколько минут им довелось быть участниками муравьиного сражения. Крупные красные муравьи напали на жилище черных муравьев, храбро защищавшихся от нападения.

Наши путешественники добрались до поля битвы близ муравейника. Через его вход появлялись беспрерывно все новые батальоны муравьев, готовые защищать свое жилище от врага. Во главе армии выделялись большеголовые муравьи, которых легко было узнать по их огромным размерам. Позади них маленькие муравьи с удивительным мужеством защищались против толстых красных муравьев — неприятелей. Но что могло сделать мужество против силы? Скоро ряды большеголовых смешались, и маленькие черные муравьи убежали.



Целые полчаса путешественники созерцали это печальное зрелище с высоты холмика, находившегося у входа в муравейник. Батальоны красных муравьев беспрестанно возобновлялись, готовые к новой борьбе. Бедные маленькие муравьи, осажденные со всех сторон, исчезали и оказывали уже слабое сопротивление.

Борьба закончилась. Победоносная армия проникла внутрь муравейника.

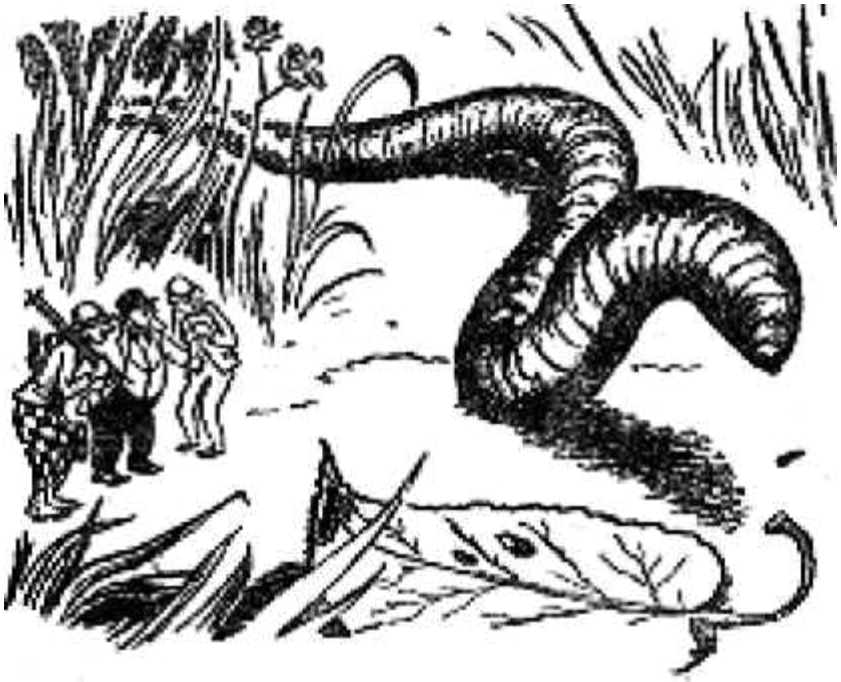
— Что же, войдем туда? — спросил Камарэ.

— Бесполезно, — отвечал Солейя. — Победители ограничатся тем, что заберут куколок и унесут их к себе. Смотрите, — добавил он, указывая вдаль, — вот более интересное зрелище! Побежденные муравьи покидают свои жилища и бегут на равнину!..

В самом деле, направив свои зрительные трубки туда, куда указывал оптик, трое друзей заметили побежденных муравьев, которые толпами убегали через другое отверстие. Но красные муравьи уже заметили эту хитрость и ринулись навстречу беглецам. Путешественники последовали за ними, желая присутствовать при новом зрелище. Когда они достигли второго отверстия муравейника, битва снова закипела с удвоенной яростью. Но шансы борьбы были далеко неравны. Перед стремительной атакой толстых красных муравьев черные должны были отступить и покинуть свою драгоценную ношу. Через несколько минут толстые красные муравьи одержали полную победу. Повсюду на земле валялись трупы побежденных.

— Все кончено, — сказал Солейя, — мы можем вернуться теперь на нашу стеклянную площадь. Пойдемте скорее вот по этому направлению!..

Параду указал пальцем на видневшуюся вдали рощицу деревьев, и все отправились по указанному направлению. По дороге пришлось перейти через поле, где происходила битва. Всюду валялись изуродованные тела бойцов. Пройдя сотню метров, они достигли места, где бой еще продолжался. В узком пространстве между скалами два красных муравья преследовали десять черных муравьев, которые несли во рту куколок. Чувствуя свое превосходство, черные муравьи мужественно отражали врагов. Путешественники подошли ближе. В эту минуту красные муравьи бросились на черных и схватили двух из них, намереваясь перекусить им шею. Страшная ярость овладела тогда дантистом. Он вытащил револьвер и выстрелил в красных муравьев, проделав это так быстро, что ни доктор, ни оптик не успели помешать ему.



— Неосторожный! — вскричал доктор. — Скорее спасайтесь, друзья мои!

Но было уже поздно. Со всех сторон появились муравьи. Трудно было состязаться с ними в быстроте.

— Прислонимся спиной к утесам, — сказал Параду. — У нас есть оружие, которым мы отразим нападение.

Муравьи окружили товарищей, которых ранил Камарэ. В их группе было заметно чрезвычайное волнение.

— Минута решительная! — сказал доктор. — Сейчас мы узнаем, каковы намерения муравьев! — Не успел он докончить фразы, как огромные насекомые бросились на людей. По их свирепому виду, по беспорядочным движениям щупальцев и дрожанию тела нетрудно было угадать их намерение. Прислонившись к скале, держа в каждой руке по револьверу, путешественники ожидали врагов. Муравьи, не имея понятия о разрушительной силе человеческого оружия, уверенно приближались, собираясь мгновенно уничтожить неосторожных, осмелившихся напасть на них. Раздались три выстрела и трое муравьев покатились на землю. Испуганные непривычными звуками, нападавшие приостановились.

— Я вижу вдали грот! — вскричал Камарэ. — Укроемся в нем!

Это было спасением, потому что на открытом месте защита была невозможна. Грот находился в 50 шагах. Путешественники,

пользуясь замешательством врагов, поспешили в это убежище. Муравьи снова бросились вперед. Но снова раздались три выстрела и трое муравьев упали на землю. Разъяренные муравьи прошли по трупам товарищей и бешено бросились на людей, но последние успели уже проникнуть в грот. Вход был очень узок и защищаться здесь было нетрудно. Войдя в грот, путешественники сейчас же заметили две огромные муравьиные головы, торчащие у отверстия, и выстрелили. Два трупа очутились у самого входа в грот и послужили препятствием для остальных муравьев. Снова две головы показались в отверстии. Две пули покончили с смельчаками, трупы которых увеличили баррикаду у входа. Больше муравьи не показывались.

Друзья вздохнули свободнее.

— Я думаю, что они оставят нас теперь в покое, — сказал оптик, заряжая револьвер. — Кажется, никого нет вблизи. Однако, милый Камарэ, вы поставили нас в критическое положение! Смотрите, — вдруг вскричал он, — муравьи расчищают наше укрепление!

В самом деле, трупы муравьев, загромождавшие вход, мало-помалу удалялись усилиями осаждающих. Солейя взобрался на выступ утеса, чтобы разглядеть, что происходит вне грота, и был охвачен ужасом: на всем пространстве, какое только мог охватить глаз, кишели миллионы муравьев.

— Мы пропали! — вскричал он.

— Мы спасены! — отвечал доктор и, вынув из кармана флакон, показал его спутникам. — Бутылка с хлороформом! Его пары смертельны для насекомых. Я вылью все содержимое бутылки на трупы муравьев у входа и ни один из врагов не осмелится нас побеспокоить.

Сказано — сделано. Эффект был неожиданный. Со своего наблюдательного поста оптик увидел, что муравьи быстро удалились.

— Мы спасены, — вскричал доктор, — все муравьи…

Он не докончил фразы; заметив, что оба его спутника без чувств упали на землю, хотел броситься к ним на помощь, но в тот же момент почувствовал слабость, приложил обе руки к горячему лбу и упал навзничь.

Когда путешественники пришли в себя, они находились уже под стеклянным колоколом в лаборатории Аль-Гаррика и почти достигли натуральной величины. У них сохранилось только смутное воспоминание о трагических событиях и опасностях, пережитых в гроте.

IV

— Сегодня вы посетите внутренность розового куста. Вы войдете туда через корень, а выйдете по листу или по цветку, — сообщил французам Аль-Гаррик на другое утро.

Друзья захватили скафандры и вошли под колокол. Уменьшение совершилось быстро и скоро глазам путешественников представилась огромная масса, похожая на цепь гор с разветвлениями.

— Вот и корень! — вскричал доктор. — Нужно проникнуть внутрь его.

— Превосходно, доктор! — сказал дантист. — А позвольте спросить, какова истинная вышина розового куста?

— Около полуметра.

— А каково наше уменьшение?

— Аль-Гаррик сказал, что довел уменьшение до десятимиллионной доли натуральной величины.

— Помножьте же 0,5 метра на 10 миллионов. Что получится?

— Ну, получится 5.000.000 метров.

— Или 5,000 километров! Так вы полагаете, доктор, что мы можем сделать такой путь в 2 часа?

— Ах, вот что! — воскликнул доктор. — Ну, милый Камарэ, идите смело! Клянусь вам, что через два часа вы будете на последнем листочке.

— Каким образом?

— Идите и увидите!

Пришлось углубиться под землю, что вовсе не было столь трудным делом, как казалось сначала. Благодаря своей чрезвычайной миниатюрности эти крошечные люди могли свободно проходить среди мельчайших частиц, из которых состояла почва сада. Каждая из этих частиц казалась им огромной глыбой; нагроможденные в беспорядке одна на другую, они образовали между собой род расселин, где можно было с удобством двигаться.

— Стойте! — вскрикнул Параду. — Мы уже у цели! Вот конец корешка; видите ли вы углубления в нем? Это разбитые и обнаженные клеточки. Живее, друзья мои, проникнем внутрь корня!

Путешественники достигли верхней перегородки, откуда нужно было пробраться внутрь одной из разбитых клеточек. Доктор в сопровождении своих двух товарищей прыгнул в глубину клеточки и вскричал:

— За дело! Надо разрушить перегородку, чтобы пробраться в соседнюю клеточку! — Он первый ударил топором по перегородке. После нескольких ударов было пробито отверстие, откуда хлынул поток жидкости.

— Эге, пора надеть скафандры! — вскричал доктор. — Ну, друзья, облачайтесь!

Через 5 минут приготовления закончились и путешественники храбро вступили в волны жидкости. Она была более плотной и вязкой, чем чистая вода, так что двигаться в ней было труднее. Друзья добрались до стены, противоположной входному отверстию. Тут доктор остановился.

— Пробьем новую брешь, — предложил он и сделал два сильных удара топором.

— Теперь слушайте внимательно! — продолжал Параду.

— Ничего не слышите?

— Ничего!

— Пойдем дальше!

Вдруг в одной из клеток Солейя услышал легкий шум. Он сейчас же позвал доктора, который поспешил приложить свою голову к указанному месту.

— Наконец-то! — вскричал он, просияв.

Сильным ударом топора он проломил стенку клетки и пошел прямо по направлению шума. Пришлось разломать несколько клеточных стенок, пока он не попал в клетку, где шум слышался так сильно, что друзья с трудом могли переговариваться.

— Теперь, — сказал доктор, — нужно свернуть каучуковые трубки, чтобы они не болтались в беспорядке; потом нужно привязать себя друг к другу веревкой. Готовы?

Параду сильно ударил топором в стенку, которая полуоткрылась. Путешественники были подхвачены каким-то потоком.

Что произошло затем — трудно описать. Все путешествие в розовом кусте походило на страшный кошмар. Прижавшись друг к другу, онемев от страха, оглушенные шумом воды путешественники, казалось, оцепенели на все время этого фантастического путешествия. Через полчаса шум ручья стал стихать.

— Сейчас, вероятно, мы остановимся, — сказал Параду.

— Кажется, мы приехали в один из листьев.

Действительно, через минуту путешественники наткнулись на стенки большой трубы, развязали веревку, развернули каучуковые трубки и таким образом вернули себе относительную свободу действий.

— Что теперь делать? — спросил Камарэ.

— Выйдем отсюда, — ответил доктор. — Наш запас воздуха начинает истощаться. Дышать становится трудно. Надо поторопиться.

— Отдохнем немного, — сказал оптик, — это дикое путешествие утомило меня.

— Хорошо, отдохнем! — согласились Параду и Камарэ.

Дантист спросил, каким чудом они так быстро прошли большое расстояние. Он ровно ничего не понимал в тех событиях, которые происходили перед его глазами.

— Это очень просто! — ответил доктор. — Мы воспользовались движением сока в растении. Когда вы поливаете засохшее растение, что вы замечаете?

— Поднятие воды из корней в листья.

— Сколько же нужно времени, чтобы вода поднялась от корня к листьям?

— Час, полчаса. Ах, теперь я понимаю, — мы вошли в одну из трубок, через которую циркулирует сок, и были увлечены течением, которое принесло нас к листьям куста.

— Верно, верно! — ответил ему доктор. — А теперь, прежде

чем уйти из этой клетки, я хочу узнать, действительно ли мы находимся в листе.

— Как же вы узнаете это? — спросил Камарэ.

— Клеточки листа имеют совершенно особенное строение, — ответил ему оптик. — Доктор хочет узнать, есть ли в этой клеточке зерна хлорофилла и крахмала…

Отправились во внутренность клеточки искать зерна хлорофилла и крахмала. Зерен оказалось мало, но каждое было размером с большую тыкву.

В тот момент, когда они приготовились изучать свою находку, лампа погасла.

Путники пробили отверстие в клеточке и быстро пустились в путь. Направо и налево, повсюду были трубы, примыкавшие к той, по которой они шли. Вскоре канал сделался таким узким, что пришлось идти гуськом.

— Вот и конец! — вскричал вдруг дантист, шедший во главе колонны. — Я не могу более идти вперед!

Камарэ так внезапно остановился, что Солейя, шедший позади него, толкнул его всей своей тяжестью вперед. Доктор, в свою очередь наткнувшись на оптика, усилил толчок, так что Камарэ был отброшен на дно трубы. Его голова и руки стукнулись и пробили стенки трубки. О, удивление: три освещенных отверстия появились в глубине узкого прохода!

— Мы спасены! — вскричал Солейя, заметив свет. — Вот и край листа.

Через две секунды было сделано большое отверстие, и путешественники покинули длинный ход.

Джеймс Барр. Мир испаряющейся капли [2]

Илл. У. Рейнольдса

I

Когда Вильдинг Лир вошел в кабинет своего старого друга, профессора Гейлора, его внимание было привлечено каким-то странным сооружением, конструкцию и назначение которого Лир совершенно не мог определить. По форме оно напоминало гигантские песочные часы с широким основанием и плоской вершиной, суживающейся посередине. Оно достигало высоты старинных стоячих часов, а по обеим сторонам его было поставлено по высокому табурету.

— Дорогой друг, я рад, что вы пришли, — сказал профессор. Он выглядел усталым и нервным, как человек, переутомленный длительной работой, а концы пальцев его дрожали, когда он откидывал с изборожденного морщинами лба прядь седых волос, свешивавшихся ему на глаза.

Когда он снова заговорил, казалось, будто он думает вслух.

— Четыре года напряженной работы увенчались успехом. Мощный микроскоп закончен.

— Так вот в чем заключался ваш секрет! — воскликнул Лир. — Микроскоп!

— Я еще не испытал его, — сказал профессор. — По правде сказать, я боялся заглянуть в микроскоп без вас, мой старый друг. С самого начала я решил разделить с вами мой триумф, а в случае неудачи надеялся на вашу дружескую поддержку.

— Я с гордостью буду свидетелем вашего первого опыта.

— Вы будете более, нежели простым зрителем Мы оба в одно и то же время будем смотреть в микроскоп. Здесь, — и при этих словах он с любовью погладил вершину огромного инструмента, — здесь есть два зрительных стекла, две пары линз: одна для вас, другая — для меня.

— Отлично! Что мы будем рассматривать?

— Крошечную каплю воды из полузамерзшего утиного садка.

— Во сколько раз увеличивает микроскоп?

Профессор Гейлор недоумевающе развел руками.

— В бесконечное число миллионов раз, — ответил он.

Без дальнейших разговоров оба друга взобрались на высокие

табуреты и одновременно склонились над зрительными стеклами.

Их глазам представилось огромное водное пространство, напоминающее Тихий океан своим невозмутимым спокойствием. Однако, здесь не было ни коралловых островов, ни белых песчаных отмелей, ни лагун, сияющих яркими красками; перед ними лежало холодное чистое море с ледяными горами, озаренными солнцем. Солнечные лучи раздроблялись ледяными глыбами и отражались к небесам, как огненные лезвия пылающих мечей. Темный синий океан занимал центральную часть панорамы. На западе профессор и его друг Вильдинг Лир заметили темную полосу земли, по-видимому, начало какого-то неведомого материка. К югу лежал большой скалистый остров, а далеко на севере, там, где горы сливались в одну ледяную громаду, виднелись какие-то черные тени, странно выделяясь на яркобелом фоне снега и льда. Эти черные пятна привлекли внимание ученого и его друга.

— Мне кажется, это — китобойные судна, затертые льдами, — воскликнул Лир. — Ого! А это что такое?

— Где, где? — спросил профессор.

— Слева от центра и вправо от той двойной ледяной горы. Если я не ошибаюсь, это — шлюпка. А в ней — человек. Он спит… Или умер?

Оба друга впились глазами в маленькую парусную лодку. Они видели ее так ясно, как будто наблюдали с палубы корабля за плывущей борт о борт шлюпкой.

— Нет, я думаю, он не умер, — сказал с облегчением профессор. — Он лежит слишком удобно. Заснул, вероятно. Похоже на то, что он потерпел крушение.

Не успел профессор выговорить последнее слово, как спящий человек внезапно сбросил с себя одеяло и вскочил на ноги. Он стоял прямо, как статуя, на скамье лодки, следя за ледяной горой, величаво плывшей к западу, на небольшом расстоянии от него.

— Можно поклясться, что это шотландский матрос, — заявил Лир.

Голова этого парня была покрыта шапкой ярко-рыжих волос; лицо с грубыми чертами, большим ртом и выдающимся подбородком дышало энергией и решимостью, а руки по длине и силе напоминали лапы гориллы. Ноги были кривые, как у всех моряков, но твердо держали все его крепко сбитое тело. Он медленно поднял большую красную волосатую руку и, заслоняя ею глаза от ослепительного блеска солнца, зорко смотрел в сторону ледяной горы.

— Тут какой-то оптический обман, — забормотал

профессор. — Этот человек принадлежит, несомненно, к нашему миру.

— Здесь нет ни обмана, ни иллюзии, — возразил Лир. — Весь этот огромный океан, — и он коснулся концами пальцев рамки микроскопа, — вместился в одну крохотную каплю замерзшей воды, извлеченной из утиного садка. Мир, заключенный в сердце одного атома, поистине — мир испаряющейся капли.

За это время моряк совершенно ожил. Он сел на переднюю скамью и изо всех сил налег на весла. То и дело он оборачивался через плечо, чтобы убедиться, правильное ли направление он взял. По-видимому, целью его плаванья была двойная ледяная гора, самая большая из всех, покрывающих этот усеянный горами океан. Страшное физическое и духовное напряжение ясно выражалось на его лице, и постепенно заметное беспокойство начало переходить в ужас. Мускулы на его руках, груди и спине двигались и извивались, как змеи. Он прикусил зубами нижнюю губу, и белая полоска зубов ярко выделялась на его загорелом обветренном лице. Лодка быстро неслась вперед, оставляя за собой белую пену. Было ясно, что он спасается от какой-то смертельной опасности. Но от какой?

II

Гейлор и Лир начали внимательно осматривать океан, ища объяснения непонятного им ужаса. Искать им пришлось недолго.

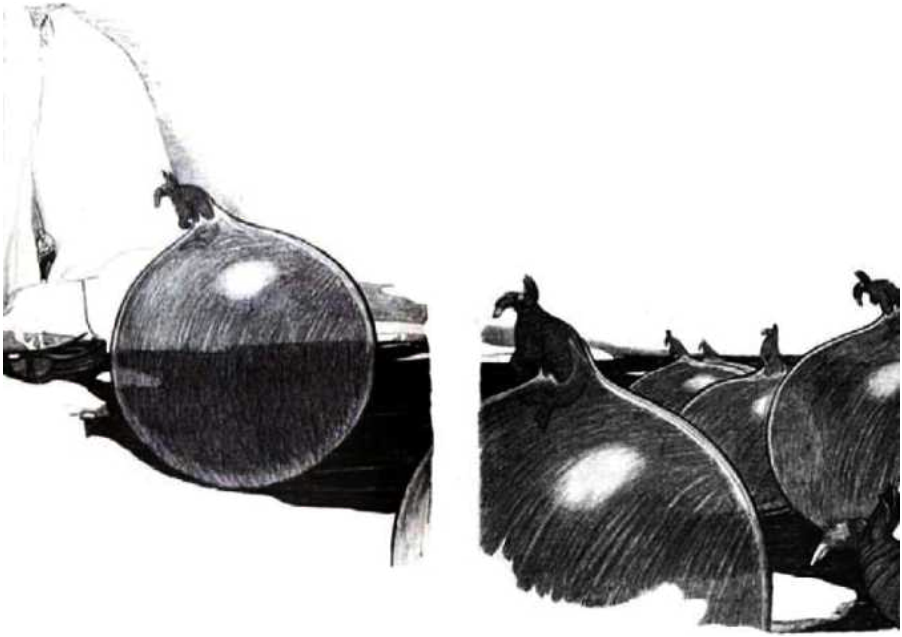
Немного южнее той горы, от которой удирал матрос, внезапно вынырнуло из глубин штук двадцать голов каких-то чудовищ, похожих на моржей. В их отвратительных мордах было что-то напоминающее человека; из-под верхней челюсти спускались ужасные клыки, как огромные сабли из слоновой кости; морды были обведены, как бахромой, грубой бородой. Как только чудовища вынырнули из-под воды, на их головах развернулись огромные уши, напоминающие крылья летучей мыши или странно выкроенные паруса. Они могли поворачивать головы во все стороны, а их острые красные глаза внимательно всматривались в рябь на поверхности океана.

— Настоящие ищейки, выслеживающие дичь, — проворчал профессор. — Интересно знать, заметили ли они матроса?

— Я думаю, еще нет, — ответил Лир, и голос его задрожал от с трудом сдерживаемого волнения. — Но матрос, конечно, знает, что они близко. Смотрите! он уже пристал к горе.

Подплыв к ледяной громаде, матрос выпрыгнул из лодки на отлогий низкий берег, укрепил лодку, навалив глыбу льда на конец каната, и начал метаться по сторонам, выискивая местечко, где бы он мог скрыться от длиннобородых чудовищ. Ледяные края были отточены волнами, и единственным убежищем для беглеца могла служить только узкая расселина, глубоко промытая ручейком, сбегавшим с вершины горы. В нее-то и забился матрос, почти скрывшись из поля зрения обоих ученых, которые обратили свое внимание на моржеобразных чудовищ у второй горы.

Двадцать голов виднелось на поверхности океана. Внезапно одно из чудовищ высоко подпрыгнуло над водой, вроде того, как прыгают дельфины, и тут произошла необычайная вещь. Пока животное находилось в воздухе, из его перепончатых ног выделился круглый шар около ста футов в диаметре и, с легкостью мыльного пузыря, опустился на поверхность океана. Ужасный морж высился на нем, как статуя на пьедестале. Зорко оглядевшись по сторонам, чудовище опустило плечи, вытянуло вперед свою ужатую голову и уставилось немигающими глазами на двойную ледяную гору. В следующий момент его движения заставили Лира громко расхохотаться. Казалось, крошечный комар балансирует на футбольном мяче и, забавно подпрыгивая, подвигается вперед. Очевидно, субстанция шара отличалась поразительной упругостью, так как чудовище, то приседая, то снова внезапно выпрямляясь, гигантскими шагами двигалось по поверхности воды, направляясь прямо к лодке матроса. Вслед за ним и все его товарищи выпрыгнули из воды и очутились каждый на своем шаре. Еще никогда ни один смертный не видел такого поразительного похода чудовищ, действующих дружно и согласно. Их вождь, великан по сравнению с остальными, легко опередил своих спутников и, приблизившись к лодке, начал разбивать ее на куски.



Вскоре все чудовища присоединились к своему вождю и с бессмысленной яростью накинулись на лодку. Они вырывали друг у друга доски и разбивали их в щепки. Схватив доску передними лапами, они поднимали ее высоко над головой и с силой ударяли о выступы льда. Когда последняя доска была разбита, они остановились, покачиваясь на своих плавучих шарах, и с диким наслаждением любовались результатами своей бессмысленной ярости. Их вождь-великан ловко выпрыгнул из воды на берег, но, как только его шар коснулся твердого ледяного основания, он лопнул, как лопаются мыльные пузыри. Чудовище неуклюже опустилось на свои задние лапы-плавники. Как раз во время очутилось оно на твердой почве — снизу, из неведомых морских глубин, нажигалась смертельная опасность.

Ледяная гора слишком глубоко погрузилась в море; ее основание своими выступами бороздило мрачное дно океана, и огромная глыба льда в пять тысяч тонн оторвалась, зацепившись за неровности дна. Выше и выше поднималась она, с каждым футом скорость движения увеличивалась и, наконец, она вылетела на поверхность, как разорвавшаяся граната, как раз в том месте, где собралось страшное стадо моржей. Море закрутилось в водовороте и вышвырнуло в воздух чудовищ, которые, с распростертыми лапами, барахтались в вышине. А гигантская глыба тяжело рухнула обратно в море. Океан у подножья горы вздымался и ревел, как мальстрем[3]. Куски льда, сталкиваясь, разбивались на мелкие осколки, а чудовищные

моржи превращались в бесформенные искалеченные массы в этом круговороте. Одни были поглощены непроницаемыми глубинами, других волны выбросили на откос горы, как мертвых рыб.

Великан-вождь действовал быстро и обдуманно. Как только глыба взлетела на воздух, он, вытянув шею, бросился в море, нырнул и исчез под водой. Ярдах в двухстах от водоворота он снова выплыл на поверхность, наполнил свой шар и выждал, когда волнение прекратилось. Тогда он вернулся назад к своим убитым товарищам, распростертым на льду. Отвратительная гримаса удовольствия стянула его морду сетью морщин, и быстро, как будто радуясь своей работе, он начал сбрасывать трупы обратно в море.

— Какое мерзкое создание! — воскликнул Лир, поднимая голову и мигая усталыми глазами. — Он безжалостнее всякого животного.

С трудом оторвавшись от микроскопа, профессор Гейлор тяжело вздохнул.

— Я забыл, что это не реально. Я забыл, что смотрю в микроскоп, — сказал он.

— Нет никаких оснований сомневаться в реальности, — возразил Лир. — И чудовище, и матрос действительно существуют и скоро заметят друг друга.

Лир не ошибся. Когда ученые снова склонились над зрительными стеклами, чудовище уже забыло о своих погибших товарищах и стояло неподвижно, прислушиваясь к чему-то.

— Безумный! — воскликнул Лир. — Почему он не подождет, пока животное уйдет?

Ледяная глыба, оторвав кусок льда, открыла убежище матроса. Только благодаря узкой щели волны не смыли его в океан. Когда вода сошла, рыжий человек вскочил на ноги и начал бешено долбить гладкую ледяную стену своим складным ножом.

— Он потерял рассудок от страха перед чудовищем, — воскликнул Гейлор. — Он накинулся с ножом на ни в чем не повинную гору!

— Нет, очевидно, у него есть какой-то план, — возразил Лир. — Кажется, он хочет сделать ступени в ледяной стене, чтобы взобраться на верхнее плато. А это что такое?

III

Восклицание Лира заставило профессора обратить внимание на плато, находящееся высоко над тем местом, где стояли матрос и чудовище. Поразительное зрелище представилось его глазам. Из расщелины горы вышла девушка с непокрытой головой. И

какая это была прелестная головка! Масса волнистых волос, отливающих золотом, окружала сияющим ореолом ее лицо, поражающее необычайной красотой. Лоб ее был цвета слоновой кости, щеки нежно-розовые, глаза горели, как звезды, а зубы отливали жемчужным блеском. Ученые, с сильно бьющимся сердцем, затаив дыхание, следили в экстазе за ее движениями.

С минуту девушка стояла неподвижно; казалось, она боялась покинуть свой ледяной дворец. Глаза ее выражали удивление. Очевидно, она так же, как и отвратительное чудовище, услышала царапанье ножа по льду и не могла понять причину этого звука. Наконец, девушка решилась двинуться вперед и на цыпочках скользнула по плато в ту сторону, где моряк пробивал себе путь. Она казалась таким эфирным созданием, что лучи солнца, отраженные льдом, как будто пронизывали ее насквозь. Настоящая нереида девственного льда, вся сотканная из воздушной паутины. Лучезарная девушка остановилась; приложив пальчик к губам и наклонив головку, она внимательно прислушивалась. Из расщелины во льду появилась группа девушек, таких же прелестных, как первая, вокруг которой все они сгруппировались, встревоженные и удивленные.

Рыжий загорелый моряк по-прежнему с озлоблением долбил лед своим ножом. Омерзительный морж все еще не мог разобрать, откуда идет звук.

Внезапно руки и плечи ледяной нереиды начали дрожать и, как у стрекозы, впервые раскрывающей свои крылья, два великолепных крыла из разноцветного газа появились за ее спиной. Они высоко поднимались над ее головой и, колеблясь, спускались к ногам. Легко подпрыгнув, она бросилась в воздух и, рассекая его своими лучезарными крыльями, полетела с горы к океану. Там она остановилась, паря в воздухе, как пчела, собирающаяся опуститься в чашечку цветка, и зорко огляделась по сторонам.

Первым она заметила матроса, который привлек ее внимание царапаньем своего ножа. Любопытство пересилило робость, и она, порхая, направилась к нему, вся охваченная волнением, которое, однако, не могло пересилить очаровательную любознательность, свойственную ее полу. Ближе и ближе подлетала она, сосредоточив все внимание на незнакомце, который, не замечая ее присутствия, продолжал долбить лед.

— Девушка, оглянись! — неожиданно крикнул Лир с тревогой и ужасом.

Профессор побледнел, увидев, какая опасность угрожает робкой и нежной девушке-фее.

Страшный морж бросился в океан и теперь притаился на

своем раздутом шаре. Когда девушка остановилась в воздухе, паря как раз над его головою, чудовище подняло морду к небу, выставило клыки и приготовилось прыгнуть.

В тот самый момент, когда шар отделился от воды, взгляд девушки упал на кидающееся на нее животное. В одно мгновенье она сообразила, что надо делать. Она не была настолько глупа, чтобы пытаться подняться выше — для этого у нее не было времени; она не могла лететь вперед, боясь разбиться о ледяную гору; она не смела опуститься, боясь попасть прямо в пасть чудовища. Оставался только один путь к спасению — порхать и кружиться на месте; это она и сделала, втянув крылья, чтобы они не мешали ее круговым движеньям. Она не потеряла ни одной секунды на колебания, но все же не успела вовремя свернуть крылья. Клык чудовища прорезал, как саблей, нежный газ ее левого крыла. Он хотел нанести второй удар, но промахнулся на какой-нибудь дюйм. Однако рана уже была нанесена. Правое крыло пыталось рассекать воздух, а левое беспомощно повисло, как сорванный ветром парус корабля. Прелестное лицо, за минуту еще такое розовое и оживленное, покрылось смертельной бледностью, и девушка начала медленно опускаться к воде. Чудовище, выпустив воздух из шара, погрузилось в море, выставив на поверхность голову и плечи, и, раскрыв пасть, поджидало свою жертву.

IV

Профессор Гейлор, как ужаленный, отскочил от микроскопа и сумрачно зашагал по комнате.

— Я не могу вынести этого отвратительного зрелища! — воскликнул он. — Как я смел изобрести микроскоп, обнаруживающий подобные ужасы?

Радостный крик Лира заставил его снова броситься к микроскопу. С бьющимся сердцем он склонился над зрительным стеклом, и глазам его представилось трогательная картина. Спутницы красавицы смело бросились в воздух и окружили свою раненую подругу. Они поддерживали ее руки, ноги, крылья и волосы ее золотой головки. Они рассекали воздух крыльями с невероятной быстротой и, не давая девушке опуститься ниже, постепенно влекли ее все ближе и ближе к ледяной горе.

При виде этой попытки спастись, моржеобразное чудовище пришло в настоящее бешенство. Оно снова надуло свой шар и начало яростно прыгать в воздух, пытаясь достать своими клыками рой хрупких фей. Во время одного из таких прыжков ему посчастливилось порезать ножку одной из девушек, летевшей

ниже всех. Она, смелое, хорошенькое существо, продолжала лететь, как будто и не была ранена, взмахивая крыльями наравне с остальными и не выражая никакого желания покинуть своих подруг.

— Почему это чудовище не взберется на берег? — спросил профессор. — Оттуда оно, несомненно, достало бы их.

— Его шар слишком нежен и лопается от прикосновения ко льду, — ответил нетерпеливо Лир.

Морж не прекращал своих бешеных прыжков, но счастье было не на его стороне; девушки, собрав последние силы, опустили свою раненую сестру на выступ горы, где она была в полной безопасности, и сами упали в изнеможении.

— Они спасли ее! — крикнул с восторгом профессор. — Все они заслуживают медаль за спасенье погибающей!

— Если и матрос доберется до этого выступа, я буду дышать спокойно, — отозвался Лир со вздохом.

Профессор и его друг сосредоточили все внимание на матросе; его рыжая голова высовывалась из расщелины, глаза расширились от ужаса — очевидно, и он был свидетелем смертельной битвы. Придя в себя, он снова кинулся в свою нору и с удвоенной энергией начал выдалбливать ступени во льду. Морж не обращал ни малейшего внимания на шум, он продолжал прыгать в воздух для того, чтобы хоть бросить алчный взгляд в сторону девушек, спасшихся от его клыков.

Мало-помалу девушки одна за другой собирались с силами. Вскоре они поднялись на ноги и с величайшей осторожностью помогли своим раненым подругам добраться до ледяной пещеры.

Профессор и его друг решили сделать передышку. Глаза их утомились, мозг нуждался в отдыхе, нервы были напряжены. Они несколько раз прошлись по комнате, пока их мысли и чувства не пришли в нормальное состояние, и снова вернулись к микроскопу.

За это время чудовище прекратило свои прыжки. Оно опять стояло неподвижно на ледяном откосе, внимательно прислушиваясь. Моряк отбивал лезвием ножа куски льда, которые падали к его ногам, как осколки бриллиантов, Он уже сделал три ступени: и принимался за четвертую, когда чудовище медленно ринулось по откосу, осматривая ледяную стену. Наконец, оно добрело до расселины и заглянуло в нее. При виде человека губы его скривились в отвратительную гримасу. Хотя щель была очень узкая, оно несколько раз пыталось пролезть в расселину. Убедившись в бесплодности своих усилий, оно выпрямилось во весь рост и начало разбивать своими крепкими клыками ледяную стену почти на одном уровне с головой моряка. Было очевидно,

что животное намеревается перерезать матросу путь к плато. С каждым ударом его клыков ледяные осколки разлетались во все стороны. Услышав шум, моряк обернулся и увидел страшное чудовище. От ужаса он потерял равновесие, сорвался со ступенек и упал на дно расщелины. Но в следующий момент он уже вскочил на ноги, вскарабкался на ступени и неистово продолжал работу.

Хотя ученые не могли услыхать ни малейшего звука, однако, они не сомневались, что удары клыков чудовища и стук ножа по льду наполняли этот зачарованный мир испаряющейся капли оглушительным шумом. Их уверенность вскоре подтвердилась: толпа девушек-фей снова выглянула из ледяного дома. Очевидно, они хотели выяснить причину шума. Чтобы придать друг другу храбрости, они взялись за руки и на цыпочках подбежали к краю плато. Наклонившись над краем пропасти, они заглянули вниз. Бешеная работа чудовища страшно взволновала их: они испуганно смотрели друг на друга, прижимая руки к груди.

Внезапно одна из них, высокая и стройная, отделилась от своих сестер и начала расправлять нежные воздушные крылья. Казалось, подруги отговаривали ее от какого-то поступка, но она ласково сняла их руки со своих плеч, улыбнулась им на прощанье и, взмахнув крыльями, поднялась в воздух. Быстро, как стрела, понеслась она по направлению к западу. Ученые следили за ее полетом, пока она не скрылась из виду.

Между тем, на ледяной горе происходила уже другая сцена. Самая крошечная из всех фей распустила свои крылья с общего одобрения всех подруг, которые танцевали вокруг, чтобы придать ей бодрости. Эта девушка полетела прямо через океан туда, где должен быть север. Остальные, проводив ее немного, вернулись в свой ледяной дом, может быть, для того, чтобы рассказать обо всем своим раненым подругам. Вскоре вторая девушка скрылась из виду, как и первая, дав возможность обоим ученым сосредоточить все свое внимание на ледяной горе.

Матрос только что окончил четвертую ступень и теперь выбивал во льду пятую. Морж работал с еще большим ожесточением, и осколки льда разлетались, как стружки из-под строгальной машины. За короткий промежуток времени он успел выбить большую впадину над самой головой моряка.

V

Время шло. Девушки-феи то и дело выбегали, держась за руки, на плато, свешивались над пропастью и следили за человеком и чудовищем Они были в большом волнении.

Ученые снова сделали перерыв.

— Боюсь, что моряк обречен на гибель, — вздохнул Вильдинг Лир. — Животное скоро доберется до него. Его песенка спета.

— Я не могу спокойно смотреть, как живое существо борется за свою жизнь и знать, что оно обречено на смерть, — сказал профессор. — Мои нервы не выдержат этого зрелища. Если бедный парень проиграет, я скорее откушу себе палец, но не буду свидетелем его поражения.

За время перерыва ничего нового не произошло. Матрос по-прежнему долбил ступени, а чудовище расщепляло лед. Одна из девушек только что вышла из пещеры, она поднялась на воздух и стала кружиться над горой, всматриваясь вдаль. Опустившись на плато, она, казалось, позвала подруг. Группа девушек выбежала на ее зов. Все они поднялись на воздух и кружились, как лучезарные ангелы, на небольшом расстоянии от горы.

— Что это виднеется там, на западе? — спросил Лир.

Профессор также заметил тусклую темную точку на небе. Она быстро приближалась, принимая форму расплывчатого облачка, и очертания ее становились все яснее по мере приближения к фокусу.

— Что-то летит! — воскликнул возбужденно Гейлор.

Феи пришли в страшное смятение; самые маленькие и хрупкие бросились к ледяной горе и скрылись из виду, как школьницы, испугавшиеся волка. Более сильные рассеялись по сторонам и поднялись выше. Летящая с запада точка становилась все отчетливее. Полет ее был странно-неровный. Она то опускалась, то поднималась и, казалось, не могла лететь по прямой линии.

— Она преследует кого-то! — воскликнул Лир, зрение которого было острее, чем у Гейлора. — Кажется, крылатую девушку!

Она была такая тонкая и прозрачная по сравнению с большим темным пятном, что Гейлор не сразу нашел ее. Она прыгала и ныряла в воздухе, как пескарь в реке, кружилась, то поднимаясь, то опускаясь, но все время неизменно двигалась вперед, к ледяной горе. За ней гналось чудовище, черное, как ворон, с головой грифона; лапы его заканчивались огромными когтями длиною с клыки моржеобразного животного. Черный дракон следовал неотступно за девушкой, пытаясь достать ее своими когтями, и малейшее прикосновение их было бы гибелью для измученной девушки. Но воздушная фея, дрожа от ужаса и усталости, ускользала от страшных лап и неслась вперед.

Внезапно весь рой лучезарных девушек с быстротой стрелы понесся над синими волнами наперерез черному дракону,

заслоняя от него их усталую подругу. Дракон метался во все стороны, сбитый с толку порхающими вокруг него фигурами; то одна, то другая привлекала к себе его внимание, ловко ускользая от удара страшных когтей. Лир расхохотался с облегчением, поняв остроумную выдумку. Измученная девушка, освободившись от преследования, полетела прямо к ледяной горе и, шатаясь, вошла в ледяные двери, в то время как ее сестры продолжали свою воздушную игру, шаг за шагом увлекая вампира к горе.

— Теперь мы увидим битву! — воскликнул Лир. — Эти смелые девушки хотят устроить состязание двух чудовищ.

VI

Лир сказал правду. Заманив вампира как раз к тому месту, где работал морж, девушки с быстротой молнии кинулись в расселину и опустились у самых ног матроса. В следующее мгновение черный вампир расправил свои страшные когти и глубоко вонзил их в плечи чудовищного моржа. Огромные крылья начали бешено ударять по воздуху, и удивленный морж почувствовал, что его подымают со льда.

Придя в себя от изумления, он начал с яростью извиваться и биться в воздухе. Вытянув свои страшные клыки, он с силой ударил прямо в грудь вампира. Пораженный ударом вампир перестал рассекать крыльями воздух, и одну секунду казалось, что оба рухнули вниз, в океан. Но в следующее мгновение сильные взмахи огромных крыльев подняли вверх обоих чудовищ, наносящих друг другу жестокие раны зубами, когтями и клыками. В воздухе летали клочья шерсти и куски кожи моржа и вампира, тело которого было покрыто густым мехом.

На верхнее ледяное плато выбежали девушки, большие и маленькие, старые и молодые. Все они наблюдали за битвой в воздухе, а среди них стояла их прекрасная королева, раненое крыло которое было аккуратно перевязано. Из расщелины выглянула рыжая голова матроса; он повернул свое обветренное лицо к небу, следя за чудовищами, поднимавшимися все выше и выше. По силе оба противника были равны, но вампир имел то преимущество, что сражался в воздухе, своей родной стихии. Однако было ли это преимуществом! Если бы битва происходила на льду, вампир пустил бы в ход свои страшные когти и растерзал ими моржа, а здесь, в вышине, он только впился когтями в противника, поддерживая его в воздухе и защищаясь ужасными челюстями. Своей крепкой головой, покрытой роговой оболочкой, он, как молотком, долбил голову врага, который, в свою очередь, наносил ему глубокие раны клыками. Кровь с обоих чудовищ

лилась ручьями. Это была битва не на живот, а на смерть, и долго она не могла тянуться.

Морж, предчувствуя победу, с удвоенной силой наносил удары клыками, но вампир, не желая сдаваться, не выпускал своего врага. Крутясь в воздухе, они спускались все быстрее и быстрее. Ученые, затаив дыхание, следили за последними моментами борьбы. Девушки-феи бросились к своей ледяной пещере, а моряк притаился в расселине. Сплетенные тела падали вниз с головокружительной быстротой. Ударившись об острый выступ ледяной горы, они упали на поверхность океана, искалеченные, разбитые, с широко раскрытыми мертвыми глазами. Волны увлекли их в пучину.

VII

Профессор Гейлор спрыгнул на пол с высокого табурета; его пергаментные щеки впервые сморщились в улыбку. Лир, сияющий, последовал за ним. Его восторг не знал пределов.

— Благородные создания! — говорил он, радостно потирая руки. — Прелестные, хрупкие, как бабочки, и храбрые, как львы. Они рисковали своей жизнью, спасая простого матроса.

Целых пять минут прошло, прежде чем друзья снова взобрались на свои табуреты и заглянули в зрительные стекла. Группа девушек готовилась к полету, когда к ним подлетела их крошечная подруга, отправившаяся на север перед самым появлением вампира. Маленькая фея показывала в ту сторону, откуда она прилетела, и ученые увидели крепкое неуклюжее китобойное судно, направляющееся прямо к ледяной горе.

— Спасательный корабль! — воскликнул Лир.

Держась за руки, одна за другой, девушки начали спускаться пестрой вереницей с верхнего плато на отлогий берег горы. Они манили к себе моряка, и он вылез из своей расщелины. На цыпочках закружились они в хороводе вокруг него; все быстрее и быстрее становились их движенья, так что нельзя было различить отдельных фигур. Рыжий моряк, радостно скаля зубы, стоял в центре круга. В это время новый свет озарил мир испаряющейся капли, свет, похожий на северное сияние. Ледяные горы высились как алмазы среди темно-синих вод океана. Льдины горели и искрились разноцветными огнями.

Ученые застыли, как очарованные. Старое китобойное судно подошло к ледяной горе; танец прекратился, моряк был поднят на борт. Девушки, посылая ему на прощанье воздушные поцелуи, одна за другой исчезали в ледяном дворце. Мир испаряющейся капли погрузился во тьму.

— Прежде, чем этот чудесный мир, в который нам было суждено заглянуть, не испарился, вольем эту каплю обратно, в утиный садок, — сказал Вильдинг Лир, с трудом переводя дыхание. Он был охвачен благоговейным чувством перед бесконечно великим в бесконечно малом.

Профессор Гейлор дрожащими пальцами передал Лиру стекла, между которыми находилась капля из утиного садка.

Морган Робертсон. Битва чудовищ [4]

Извлечение из истории болезни Джона Андерсона, пациента д-ра Брауна, корпус 3, палата 6:

> *3 августа. Пациент прибыл в больницу в состоянии крайнего нервного возбуждения, будучи за три часа до этого укушен в запястье собакой, страдавшей бешенством. Рослый, сильный, полнокровный человек. Упитанность удовлетворительная. Темперамент сангвинический. Пульс пациента учащен, температура повышена по причине волнения и беспокойства. Немедленно (2 ч. пополудни) каутеризировал рану, произвел вакцинацию.*
>
> *Пациент изолирован и помещен в карантин, так как признался, что некоторое время назад бежал (выплыл на берег) с недавно прибывшего холерного судна. Одежда продезинфицирована. Наблюдаю пациента на случай появления симптомов холеры.*
>
> *3 августа, 6 ч. вечера. Микроскопическое исследование крови подтверждает гипотезу Мечникова о защитной роли лейкоцитов. Белые тельца жадно поглощают бацилл.*

Он был амфибией и, в качестве таковой, бесспорно прекрасен — ибо солнечный свет, растворенный и преломлявшийся в воде, придавал его прозрачному, иссиня-жемчужному телу все изменчивые цвета спектра. Ловкий и изящный в движениях, формой он напоминал трехмерную запятую, чуть изогнутую спиралью в состоянии покоя; путешествуя, он распрямлялся быстрыми последовательными рывками, и каждый посылал его вперед на расстояние, в несколько раз превышавшее длину тела. Так он плавал, помогая себе волнообразными движениями длинного хвоста, и с успехом избегал врагов, а иногда держался в потоке неподвижно, выбрасывая, словно якорь, похожий на канат придаток; в этом состояли его главные занятия в жизни. В наслаждении пищей ему было отказано; природа даровала ему ротовое отверстие, но он пользовался им лишь для нападения и защиты, пищу же поглощал самым неслыханным образом — впитывая ее сквозь мягкие стенки тела.

И все же его жизнь была не лишена кое-каких удовольствий

социального свойства. Хотя органы пяти чувств у него отсутствовали, он обладал шестым, внутренним чувством, которое заменяло их все и наделяло его даром речи. Он беседовал и обменивался новостями и наблюдениями с созданиями своего вида, да и не только с ними, при условии, что те обладали такими же размерами и силой; однако он не готов был впустую тратить время на разговоры с существами, стоявшими выше или ниже его на социальной лестнице. Созданий поменьше он преследовал, когда они начинали действовать ему на нервы; те, что побольше, охотились на него.

Солнечные лучи, делавшие его таким красивым, он находил неприятными; вдобавок, на свету он становился слишком уж заметным. Битвам за выживание он предпочитал полутьму, пылу сражений — уравновешенность: появлялась возможность оценить скорость и окружность поворота врага, прежде чем перейти к бегству или атаке. Но неприязнь к солнцу на самом деле диктовалась более весомыми причинами: он с дрожью вспоминал, как однажды, на исходе особенно долгого периода яркого света, пролежал три часа без сознания на иссохшем берегу. Связь между этими явлениями ускользала от него, но само воспоминание с тех пор легло на его жизнь печальной тенью.

Теперь ему казалось, что малоприятное событие может повториться. Солнце светило уже давно и очень ярко, вода была отвратительно тепла, толпа вокруг густела — дошло до того, что он так и не смог как следует заняться социально нижестоящим индивидуумом, который нагло переплыл ему дорогу. Стоило ему осознать всю близость опасности, как наступила внезапная тьма, масса воды содрогнулась и задрожала, раздался ужасный грохочущий раскат грома. Нижестоящий индивидуум выскользнул у него изо рта, толпу понесло куда-то прочь, и он почувствовал, что и его влечет неумолимое течение. Он бился о выступы складчатой стены, отсвечивавшей белым в темноте. Вода приобрела отталкивающий привкус, а рядом, заметил он, кишели создания, каких он никогда не видывал — маленькие чудовища примерно вдесятеро меньше его, быстро метавшиеся взад и вперед; их были тысячи, черных и жутких на вид, с рыбоподобными телами и квадратными собачьими головами; с нервно щелкавшими пастями; с крючковатыми плавниками посередине и пучком вытянутых и расправленных щупалец спереди. С десяток их угрожающе окружили его, но он был молод и силен, он был больше их и немного напуган. Ударом хвоста он убил двоих, и остальные отступили.

Поток продолжал нести их; затем светлая стена описала округлый поворот и исчезла из виду, скрытая скопищем черных

созданий. Вода здесь была стоячей, и он с отчаянными усилиями поспешил назад, разбрасывая по пути мелких врагов; сопротивляясь, они нанесли ему несколько укусов. В конце концов он обнаружил углубление в стене, где можно было на время затаиться и подумать. Он так и не нашел никакого ответа. Он не мог понять, где очутился, что случилось, кем и чем были эти незнакомые черные существа и почему они угрожали ему.

Его размышления были прерваны. Донесся еще один раскатистый удар, все погрузилось в кромешную тьму; напор воды вытолкнул, вымыл его из убежища, что-то швыряло, бросало и сдавливало его, пока он не оказался в тускло освещенном, забитом пловцами туннеле, достаточно узком, чтобы можно было разглядеть обе стены. Они были темно-коричневыми, с голубыми прожилками, и повсюду виднелись провалы и пещеры, причем некоторые уходили так глубоко, что казались тупиковыми ходами. Везде, куда ни кинь взгляд, мелькали и существа с собачьими головами, но помимо их здесь были и другие, еще более странные создания неизвестного ему вида.

Медленное течение вскоре вынесло их в туннель пошире. Он подплыл к стене, схватился за выступ и стал с удивлением и страхом рассматривать скользившую мимо процессию. Затем он увидел, откуда исходил тусклый свет. Рядом, шевеля бесчисленными ножками или щупальцами, проплыло небольшое бочкообразное существо. Его тело то сжималось, то раздувалось: раздуваясь, существо испускало фосфоресцирующий свет, а при сжатии делалось красноватым. За ним последовала группа других, потом еще одна живая лампа, после еще одна, и еще: они плыли с равными промежутками, освещая туннель.

В воде проплывали чудовищные, живые, но вялые, сонно пульсирующие создания, настолько же крупнее его, насколько меньше были псоглавцы — громадные, неуклюжие, округлые массы живой ткани, светло-серые по краям и темно-красные в середине. Они были многочисленнее прочих и порой мешали разглядеть остальных. Между ними вились и скользили ужасные твари: одни были больше его, другие меньше. Были там змеи, которые плыли, изгибая свое тело в воде. Некоторые внешне напоминали змей, но были скручены, как живые штопоры; они быстро крутили хвостами и разрезали воду с удивительной скоростью. Иные походили на бочки или шары, окруженные роем щупалец. Ими они прокладывали себе путь в толпе, а время от времени забрасывали извивающиеся змеевидные отростки назад и плыли, вращая ими, как винтами. Были и существа, напоминавшие удлиненные цилиндры; у некоторых имелись щупальца, и они перекатывались, точно бревна в реке; другие,

лишенные конечностей, вяло и беспомощно, как исполинские красно-серые диски, тащились по течению. Мимо проплыли четыре сцепленных вместе круглых создания, после восемь, потом двенадцать. Все они, казалось, так или иначе пребывали в состоянии чрезвычайного возбуждения и тревоги.

Причина была очевидна. Туннель, откуда он приплыл, по-прежнему тысячами извергал песьеголовых существ; теперь он понял, зачем они здесь появились. Это была война — война на истребление. Они разъяренно бросались на процессию, расшвыривая и кусая всех, до кого были способны дотянуться. Временами сотни их одновременно атаковали одно из больших красно-серых существ, почти скрывая его своими шевелящимися телами; затем они быстро отскакивали и рассеивались, исчезая из глаз и оставляя клочки жертвы, которая только что была живой, колыхаться в воде. Проворные пловцы размером поменьше пытались скрыться, но пойманным приходилось плохо: мгновенный рывок, путаница щупалец, объятие жутких плавников, укус — и по воде плывет труп.

Затем в битву вступила грандиозная машина защиты и мести. Гигантское, громоздкое, пульсирующее существо, белое и полностью прозрачное, за исключением темного деятельного мозга, просвечивавшего сквозь мембраны, ужасное в своей медленной, безжалостной решимости, плыло вниз по течению. Оно было крупнее красно-серых созданий. Бесформенное, оно отражало всю иронию этого определения — ибо принимало все формы. Оно было длинным и бочкообразным; сжималось в сферу и раздувалось по бокам, а после сверху и снизу. Оно было то шаром, то диском, пирамидой, пентаэдром, многогранником. У него не было ни ног, ни щупалец, ни плавников; но из того или иного участка грузного, раздутого тела оно то и дело высовывало гибкие руки, которыми существо гребло или подтягивало себя вперед. Незадачливый захватчик, прикасавшийся к одной из них, едва успевал дернуться: белесая масса мгновенно ощетинивалась целым лесом рук. Они хватали, сдавливали и убивали противника, а после проталкивали мертвеца сквозь тонкие стенки внутрь тела, где животное переваривало добычу. Зияющий проем сразу затягивался, как раны у сражающихся ангелов Мильтона[5].

Первое белое чудовище плыло, сея смерть по пути; за ним последовало еще одно и тотчас вмешалось в битву; показались еще два, после три, потом десятки. Похоже, был подан какой-то сигнал, и армия собиралась теперь на защиту своей крепости.

Не помня себя от ужаса, он наблюдал мрачное зрелище, скрываясь за уступом, пока его не охватило острое чувство опасности. Но грозили ему вовсе не воины. Он зацепился хвостом

и чуть покачивался в потоке, как вдруг ощутил прикосновение снизу, затем сверху. Мощное боковое течение вливалось в реку и увлекало его за собой. Пещера, в которой он прятался, захлопывалась, словно огромная пасть — как будто ею руководил скрытый за стенками разум. Он испуганно взмахнул хвостом, вырвался наружу и поплыл по течению, напрягая все силы. Стены пещеры сошлись — хорошо еще, что он вовремя бежал.

Течение уносило куски тел некогда живых существ, и повсюду метались, ныряли и кусались яростные черные захватчики. Они не обращали внимания ни на него, ни на созданий поменьше. Они расправлялись с большими красно-серыми существами, их в свою очередь проглатывали белые чудовища; всякая секунда отмечалась смертью новой жертвы, разорванной в клочья, и ужасной гибелью не менее половины ее убийц. Туннель мало-помалу расширялся, по сторонам виднелись устья боковых туннелей, но из каждого появлялись все новые пловцы, и толпа не редела.

Плывя посреди буйного сборища, он осознал, казалось, главную цель атаки. Ею являлись пещеры, усеивавшие стены туннеля. Одни были неподвижны, другие двигались. К зеву одной из последних подтолкнули большое красно-серое существо; стенки тут же сдвинулись, однако затем разошлись и выпустили существо, вялое и бесцветное, но живое; за ним потянулся в воде шлейф обломков стены, не выдержавшей давления. Так происходило снова и снова. Ни одно из больших существ не погибло — пещеры лишь сдавливали их. Эти мирные существа, как и громадные белые воины, видимо, давно познали на горьком опыте коварный нрав пещер и держались подальше от стен туннеля; но их песьеголовые враги словно искали смерти и стремились пробиться к пещерам. Иногда по двое, часто вчетвером или целой толпой они бросались в отверстия, но все было тщетно: даже объединив усилия, они не могли помешать действию механической утробы, и та выбрасывала их раздавленные тела в поток, к прочим останкам.

Вскоре обезумевшая толпа скрыла стены, но повсюду продолжалась страшная безмолвная война, пока не наступил миг, когда сражение прекратилось — каждому пришлось заботиться о себе. Они очутились в колоссальной пещере; поток разбился на поперечные течения, сталкивавшиеся друг с другом под звуки ритмичных раскатов грома. Воды переворачивали их, дрожащих, помятых, разбрасывали в стороны и швыряли друг на друга; мелкие создания сотнями гибли в давке. После все на мгновение затихло, и битва возобновилась. Мимо пролетели стены широкого туннеля. Затем они миновали лабиринт небольших пещер со

странными стенками, поросшими спутанными губчатыми ветвями. Было нелегко уклоняться от сети ветвей. Они раздирали на куски больших серо-красных существ, тогда как белые гиганты продирались сквозь них только благодаря своей силе. Снова летящие мимо стены туннеля, еще одна обширная пещера, водовороты, ритмичный грохот и дикий полет в колоссальном туннеле, чьи стены выгибались одновременно с раскатами грома.

Гром стих в отдалении, хотя стены меньших туннелей, куда уходили, разделяясь, воды реки, продолжали подрагивать. Ниже по течению туннели снова ветвились, и чем уже они становились, тем медленнее несся поток. Наконец, в сплетении небольших, коротких проходов, захватчики — умевшие нападать и убивать и не в таких благоприятных условиях — вновь атаковали пещеры.

Итог был все тем же: пещеры давили их и выбрасывали наружу изуродованные тела. В этой местности число самоубийств значительно превысило количество жертв белых воинов. И однако, несмотря на огромную смертность, нападавшие все прибывали. Место погибшего занимали двое других; причина, как и прежде, скоро стала ясна — они размножались. Вот показалось одно из черных созданий — оно было длиннее своих собратьев и отличалось затрудненными движениями, как будто его сковывала большая округлая выпуклость посередине тела, делавшая существо похожим на проглотившую яйцо змею. Оно угодило в лапы белого чудовища; взметнулся рой длинных рук. После недолгой борьбы добыча распалась надвое; обе части ускользнули от удивленного воина и, извиваясь, поплыли прочь. Выпуклость превратилась при этом в голову задней части, и та немедленно вступила в сражение, щелкая челюстями и раздавая налево и направо укусы. Странное явление повторялось снова и снова.

Продолжалась и битва. Освещенный живыми лампами, на глазах у испуганных зрителей, жуткий карнавал кружился в непреходящей ярости. Менялись лишь декорации — то устья боковых туннелей, где шумела и пенилась река, придавая воинам новые силы, то сводчатые проходы, и снова водовороты, гром, губчатый лабиринт, мелькающие стены широких туннелей: там, в относительно стоячей воде, возобновлялась осада пещер. Час за часом продолжалось сражение, захватчики гибли сотнями, но число их увеличивалось в геометрической прогрессии, тысячи становились десятками тысяч, их живые и мертвые тела загромождали проходы, пока наконец в битве не произошел неизбежный перелом. Погибло белое чудовище.

На него, пресытившегося жертвами, истощенного и еле передвигавшегося, накинулись сотни врагов. Вскоре оно скрылось из виду под живым черным покровом, который пульсировал и

содрогался в такт агонии. Высунулась рука — и сразу была откушена, после другая — напрасно! Чудовище теряло силы, а нападавшие впивались в него и вгрызались в его тело. Когда они дошли до жизненно важных органов, белесая масса превратилась в шар и перестала содрогаться. Враги отпрянули, изуродованный шар поплыл по течению, а захватчики, ободренные победой, с новым рвением и мужеством ринулись на другого врага. С ним они расправились не менее быстро.

Словно предвидя такое развитие событий и выполняя заранее задуманный маневр, белая армия покинула открытые места и выстроилась вдоль стен для защиты неподвижных пещер. Стражи не приближались к работающим челюстям прочих пещер, где в гарнизоне не было нужды; медленно дрейфуя в водных вихрях, они сражались, как могли — но лишь теряли силы и гибли. Тогда-то и случилось так, что наш осмотрительный зритель, который очутился на середине протока, попал в самую гущу черных захватчиков, а те не нашли ничего лучше, как напасть на него.

Так они и сделали. Все, кто были вокруг, вдруг впились зловещими челюстями в его плоть. Корчась от боли, он хлестал их в ответ хвостом с утроенной страхом силой, убивая по двое и по трое. Он отчаянно извивался, сбрасывая их с себя, но место упавших занимали новые. Он бросался из стороны в сторону, нырял, резко подскакивал, метался взад и вперед, сгибался почти вдвое, молниеносно распрямлялся и тотчас совершал обратный изгиб. Он знал, что сражается за свою жизнь. Порой он сжимал челюсти; на врага хватало одного укуса. Словно в тумане, он иногда замечал, что белые чудовища наблюдают за ним; но ни одно из них не пришло на помощь, а времени позвать их у него не было.

Он подумал, что сам стал средоточием войны — отовсюду на него бросались орды врагов, пытаясь вонзить в него зубы. Постепенно большие красно-серые существа, прочее мирное население и светящиеся животные были оттеснены в сторону, и он, в середине шевелящейся черной массы, в безумной ярости неодолимого страха, сражался теперь в одиночку, в полной темноте. Он не знал, сколько прошло времени, как далеко находился от стен, не понимал, куда течет нескончаемый поток. Но наконец — ему казалось, что миновала вечность — он смутно расслышал громыхающие раскаты. Бешеные течения и водовороты оторвали от него врагов, и он испытал мгновенное облегчение. Затем, все еще в темноте, он услышал, как бьются и распадаются на части тела, сталкиваясь со стенами и острыми выступами, повторный раскат грома и рев потока; он понял, что находится в большом туннеле. На миг вспыхнул живой факел,

враги заметили его — и снова он стал сражаться, как гибнущий кит, медленно умирающий от боли и упадка сил, но все еще способный убивать и ужасный в своей агонии. В тот день он не считал скальпы; едва ли хоть одно из белых чудовищ в армии защитников могло похвастаться таким количеством убитых врагов. Волнующееся черное облако неустанно выплевывало мертвые тела, и живые карабкались по умершим.

Они рвали его плоть, а он все больше слабел; все еще в темноте, сражаясь, он пересек ветвящиеся проходы и оказался в новом лабиринте узких туннелей; промелькнули стены и бесстрастные белые стражи. На открытом пространстве он ощутил, что бороться больше не в силах. Враги навалились на него со всех сторон, и ему никак не удавалось стряхнуть их с себя. Тогда он прекратил сражаться; оцепенев от боли, раздавленный отчаянием, он ждал конца.

Но смерть все не приходила. Он изнемог и не почувствовал ни удивления, ни радости, когда враги внезапно отхлынули; но инстинкт самосохранения еще теплился в нем, и он поплыл к стене. Мелкие суетливые создания, занятые своими делами, не обратили на него никакого внимания. Дрожа от боли, он неосмотрительно протиснулся между двух белых стражей — один из них любезно подвинулся, освобождая проход — и уцепился за выступ. К счастью, стены пещеры остались недвижны.

— В бурю сгодится любая гавань, а, сосед? — заметил вежливый страж, оценив его потрепанный вид. — Ничего, скоро тебе станет лучше. Ты дрался как лев, вот что я тебе скажу!

Он не ответил, и дружелюбный часовой вернулся на свой сторожевой пост. Через несколько минут, однако, он пришел в себя и бросил взгляд на поток. В бой вступила новая армия, подкрепление все прибывало. Стена неподалеку от него разошлась громадной трещиной. Смятые, раздавленные пещеры вокруг яростно разевали пасти. Из трещины на половину ширины туннеля выдавалась колоссальная масса грубо-цилиндрической формы, состоящая из какого-то неизвестного вещества. Она была полой, и изнутри тысячами и сотнями тысяч выплывали солдаты вспомогательной армии. Черные захватчики в страхе бежали от них, спасая свою жизнь.

Прибывшие на поле боя солдаты в целом напоминали существ, которых преследовали, но были гораздо крупнее их и отчетливо делились на два вида. Оба имели светло-коричневый окрас; но в то время как одни обладали чрезмерно развитыми головами и челюстями и маленькими плавниками, у других дело обстояло ровно наоборот — маленькие головы и длинные мощные плавники. Они мчались за жертвами и хватали их

вытянутыми щупальцами. Солдаты действовали безошибочно — никаких уловок, никаких ложных выпадов; жертвы даже не сопротивлялись. Стоило солдатам заметить врага, и он был обречен. Щупальца обвивали его и подтаскивали к смертоносным челюстям или влекли в гибельные объятия.

Наконец, когда приток солдат иссяк и туннель заполнился миллионами коричневых убийц, огромный пустотелый цилиндр медленно повернулся вокруг своей оси и втянулся в трещину в стене, которая тут же закрылась, обрушив в реку горы обломков. Хотя союзники высадились сравнительно далеко, в нижнем течении, война была практически завершена: белые часовые застыли у стен, а черных захватчиков, уносимых неодолимым потоком, охватила паника; все они пытались выплыть против течения, чтобы оказаться как можно дальше от врагов. Но вскоре из боковых туннелей хлынул авангард коричневой армии, и отступающие ринулись в противоположную сторону. За авангардом последовали тысячи солдат. Бойня возобновилась.

— Горяченькое дельце, а? — произнес дружелюбный сосед.

— Д…д…дда, полагаю, что так, — рассеянно ответил он. — Н… не знаю. Я в этом ничего не понимаю. Я никогда такого не видел. К чему все это? Что все это значит?

— Ничего особенного. В жизни всякое бывает. Правда, скажу честно, нам пришлось бы туго — да и тебе тоже — если бы не подоспело подкрепление.

— Но кто они? Что? Они похожи на сородичей и тем не менее убивают друг друга.

— Клянусь бессмертной тенью Дарвина! — воскликнул второй часовой, до сих пор хранивший молчание. — Где ты только воспитывался? Разве ты не знаешь, что вариации основного типа — смертельные враги родительского поголовья? Эти коричневые виды — стоюродные братья черных. Когда они расправятся с общими родственниками и начнут делить добычу, они истребят друг друга, и мы навсегда от них избавимся. Закон природы. Понятно?

— Д…д-да, я понимаю, конечно. Но почему черные напали на меня? И что им вообще нужно?

— Исполнить веление своей судьбы, я так думаю. У таких всегда в запасе какая-нибудь миссия. Мы называем их реформаторами. Они хотят навязать другим собственные привычки и представления. Иногда мы называем их экспансионистами, так как им нравится колонизировать земли, которые им не принадлежат. Они задумали пробраться через клетки в лимфатические туннели, а оттуда в головной и спинной мозг. Знаешь, чем это могло закончиться? Гидрофобией!

— Это еще что такое?

— Послушай, да ты глуп, как пробка!

— Ладно тебе, — добродушно сказал другой, — не смейся над ним. У него не было в жизни наших преимуществ. Видишь ли, приятель, мы получаем эти сведения прямо из мозга, который знает все и дает нам указания. Мы представляем собой белые кровяные тельца — фагоциты, как именуют нас ученые. Мы должны охранять кровеносные сосуды и убивать непрошеных пришельцев. Те красно-серые парни сами не могут о себе позаботиться, и мы обязаны их защищать. Понятно? Однако против этого вторжения мы оказались бессильны; поэтому понадобилась помощь извне. Ты, видать, попал сюда с первой волной — кажется, я тебя тогда приметил — сразу после укуса. Вторая волна пришла через шприц, впрыснувший вакцину. Случилось это как раз вовремя, и ты был спасен.

— Ничего не понимаю, — сказал наш ошеломленный приятель. — Укуса? Какого укуса? Я спокойно плавал, довольный жизнью, и вдруг раздался ужасный шум, а потом была огромная белая стена, а потом…

— Вот именно. Собачий зуб. Ты очутился в плохой компании, дружок, и правильно сделал, что держался от нее подальше. Первая свора — это микробы бешенства. Они еще недостаточно изучены, потому что они очень мелкие и мало в какой микроскоп удается их разглядеть. Но ученые сумели узнать, что колония давностью в несколько сотен поколений — они называют такую колонию культурой или сывороткой — смертельна для исходных микробов. Ее-то они и ввели и тем самым помогли нам. Пастер, как назло, умер, но старина Кох когда-нибудь откроет то, что нам давно известно — это всего лишь вариация основного типа.

— Кох! — поспешно и гордо вставил он. — Как же, я знаком с Кохом; мы встречались. И про микроскопы мне известно. Я ведь как-то побывал под микроскопом у Коха. Он открыл мое семейство и назвал нас запятовидными бациллами — спириллами азиатской холеры.

В немом ужасе часовые отодвинулись от него и принялись тихо совещаться. Проплывавшие мимо белые воины останавливались и присоединялись к собранию. Вскоре сотня или больше белых чудовищ окружили его тесным полукольцом.

— В чем дело? — он спросил нервно. — Что случилось? Что это вы затеяли? Я ничего не сделал, ведь так?

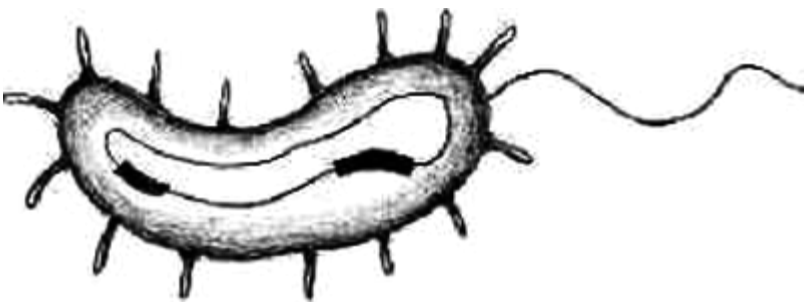
— Речь не о том, что ты сделал, незнакомец, — ответил его бывший друг, — или что намерены сделать мы. Речь идет о том, что сделаешь ты. Ты умрешь. Одного не пойму, как ты сумел пробраться через карантин?

— Что… почему… я не хочу умирать! Я ни в чем не провинился! Мне нужен только мир и покой, и еще место, не слишком темное и не слишком светлое, где я смог бы спокойно плавать. Я никому не мешаю. Отойдите от меня — слышите — оставьте меня!

Они не отвечали. Медленно и непреодолимо строй их начал сжиматься, надвигаясь на него. Он все еще издавал крики протеста, когда его втолкнули в ближайшую движущуюся пещеру. Стены сомкнулись, и его жизнь прервалась. Зев пещеры открылся и изверг его тело, ставшее теперь пятью бесформенными кусками плоти.

Так наш кроткий, осмотрительный, миролюбивый холерный микроб, который желал лишь спокойно и привольно плавать, не вмешиваясь в чужие дела, встретил жестокий конец, пав жертвой предрассудков и враждебного окружения.

18 августа. Поскольку инкубационный период как холеры, так и гидрофобии истек и не было выявлено никаких начальных симптомов одной из означенных болезней, пациент был сочтен выздоровевшим и сегодня покинул больницу.

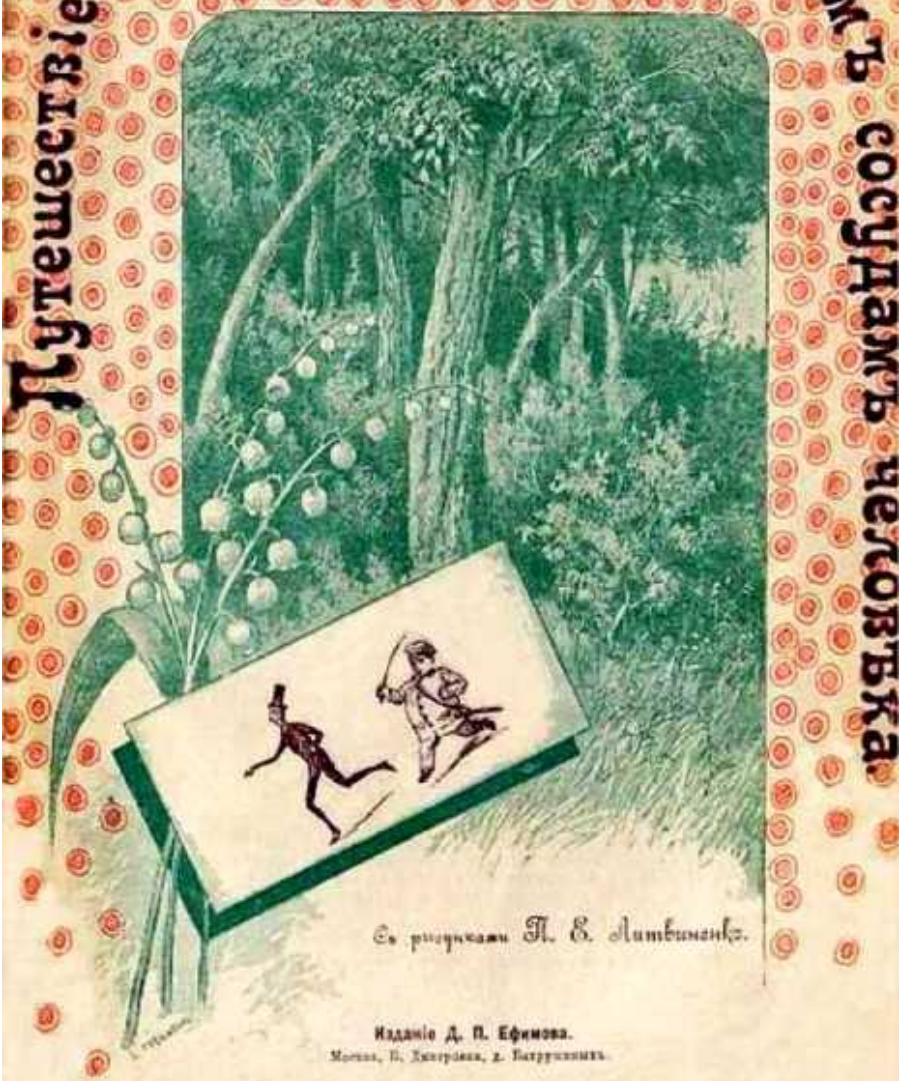


Алексей Ачкасов. Путешествие эльфа [6]

Рис. П. Литвиненко

А. П. Ачкасовъ.

Путешествіе Эльфа по кровеноснымъ сосудамъ человѣка.



Съ рисунками П. Е. Литвинова.

Изданіе Д. П. Ефимова.
Москва, Б. Дмитровка, д. Патрушевыхъ.

В самом укромном уголке богатого сада росли ландыши. Они были со всех сторон защищены лопухами и крапивой, потому что эту часть сада, как слишком отдаленную от барского дома, не чистили и не пололи, так что никто из людей не знал о существовании здесь прекрасных пахучих цветов. Но не только люди, даже бабочки редко забирались в такую глушь; да и остальные насекомые нечасто жаловали в эту Палестину: только муравьи, которые, как известно, ползают всюду и забираются даже в банки с вареньями, к великому ужасу хозяек, — только они посещали иногда эти «подлопушные» страны.

А между тем здесь было хорошо: уютно, прохладно… Тут

росла какая-то крохотная травка с прелестными чуть видными голубыми цветками, и среди этой-то травки, как царь, возвышался благовонный кустик ландышей. А над ландышами наклонялись громадные лопухи, в солнечные дни защищавшие это место от жарких лучей и бросавшие зеленую тень на приютившиеся под их сводами скромные цветки. Лопухи составляли как бы своды залы, и по этой зале гулял каждую ночь маленький Эльф.

Это был крошечный цветочный дух, такой маленький, что его нельзя было бы рассмотреть даже в самые сильные микроскопы. Он жил в одном из ландышей, в благовонной чашечке цветка, питаясь чудным его ароматом. По ночам он вылетал из цветка и порхал под лопухами, никем не видимый, любуясь лунным светом и пугаясь всякого встречного муравья, который, разумеется, казался ему исполинским чудовищем.

* * *

Эльф думал, что нет ничего на свете, кроме лопухов, голубых цветков, ландышей да крапивы, окружавшей со всех сторон его подлопушное царство. И жил он так много лет, засыпая зимой в теплой постели из громадных ландышевых листьев (каждый лист казался ему целой страной!), — а на лето переселяясь, как на дачу, в чашечку ландыша… И думал он так прожить вечно в счастливом уединении от всего мира, никому не делая зла и ни от кого не терпя обиды…

Как-то раз сын хозяина этого сада, ребенок лет семи, воображая себя заблудившимся в каких-то таинственных лесах, попал в только что упомянутую чащу лопухов и крапивы. Заглянув случайно под один из лопухов, он увидел там ландыши, чему очень обрадовался, и тотчас принялся составлять из них букет. Сорвал он при этом и тот ландыш, в котором жил Эльф.

В этот момент Эльф спал сладким сном в своей чашечке, как вдруг его разбудил сильнейший толчок. Он инстинктивно схватился за одну из тычинок цветка и только благодаря этому не вывалился и не переломал себе ноги. Под его лопухи обыкновенно и ветер никогда не заглядывал, а теперь ужасный вихрь хлестал ему в лицо. Выглянув из чашечки, он с ужасом увидел, что его цветок находится в руках какого-то громадного животного, величина которого во много сот раз превосходит величину муравья. Это чудовище быстро бежало, размахивая цветами, среди которых сидел наш Эльф. Перепуганный Эльф тотчас же выпорхнул из цветка, — разумеется, никем не видимый.

Тяжелое чувство легло на сердце маленького Эльфа. «Где же правда», думал он: «где же справедливость? За что, за какие провинности этот злой человек отнял у меня мой дом? Нет, скажите мне, где же правда?»

И он полетел по саду отыскивать правду. Но нигде он не нашел ее. Не было ни одного растения, которое не преувеличивало бы своих заслуг. Роза кричала, что она красивее всех на свете, как будто бы не было на небе зари и радуги… Жасмин кричал, что он лучше всех цветов пахнет, как будто благоухание ландыша, бедного, убитого злым мальчишкой ландыша, в чем-нибудь уступало благовонию жасмина. Каждое дерево непременно считало себя полезнее, и крепче, и лучше всех

других. Но это еще ничего, а были в саду даже ядовитые растения: злая волчья ягода только о том и говорила, что она хотела бы отравить собой какого-нибудь человека. Сонная одурь привлекала доверчивых детей своими похожими на вишни ягодами: они наедались ягод и умирали. Более честно поступал дурман, отталкивавший от себя детей неприятным запахом своих листьев и некрасивым видом своих колючих, несколько похожих на конский каштан плодов. Но беда тому, кто вздумает поесть находящихся в этом плоде семечек!

Да и мужиковатый, такой невинный на вид картофель оправдывал собой пословицу «В тихом омуте черти водятся»: его незрелые корневища и молодые побеги содержали в себе яд и потому были небезопасны для человека.

Еще больше неправды было в животных. Насекомыми беспощадно поедались растения, воробьи, ласточки и другие птицы клевали семена и насекомых, кошки пожирали птиц, собаки воровали еду у хозяев, волки имели злой умысел против принадлежавших человеку овец, коров и лошадей.

Но злее и несправедливее человека не было существа, по мнению Эльфа. Вся жизнь человека есть ведь сплошное умерщвление других существ: он беспрестанно убивает насекомых, топчет и косит травы, рубит деревья, ест плоды, стреляет птиц и зверей и питается их мясом. И что всего хуже — сплошь и рядом обижает даже своего брата-человека… Много видел зла Эльф за эти несколько дней, в продолжение которых он разыскивал по саду правду… Но правды не видел нигде, нигде…

Отчаяние овладело его маленьким сердцем, и он уже думал улететь на луну…

— Ты не знаешь, где живет правда? — спросил он у одуванчика.

— Я не знаю, — отвечал тот, — но когда я еще был крылатым семенем и летал по саду, я слышал, что есть тут в саду колдунья-ворона. Спроси у нее: она все, говорят, знает.

Полетел Эльф к вороне.

— Тетенька ворона, скажите мне, — вы, говорят, все знаете: где живет правда?

— Правда-то? — отвечает ему ворона. — Не знаю. Слышала я однажды, как один старый человек учит другого, молодого: «правда», говорил он, «должна быть у нас не только на языке, но и в сердце». А есть ли там эта правда на самом деле, или нет, — этого я не знаю.

Эти слова поразили Эльфа. Он никак не ожидал, чтобы где-нибудь у человека могла быть правда. Однако, не смея перечить тетеньке, он спросил ее только:

— А где это, тетенька, у человека язык?

— Язык-то? А вон, — ответила ворона, — бежит по саду мальчишка, тот самый, что сорвал твой ландыш: бежит он, разиня рот, и галок считает: влети ему в рот, там сейчас за зубами и сидит язык, сказывают.

Эльф так и сделал: в одно мгновенье ока влетел он в рот ребенка. Тот, конечно, этого и не заметил: ведь Эльф был во много раз меньше любой пылинки.

* * *

Влетевши в рот, Эльф тотчас стал исследовать язык ребенка: но никакой такой правды там не нашел; на нем была только слюна да остатки молока, которое мальчик пил незадолго перед этим.

— Ворона еще говорила, что правда — в сердце… Ну, пойдем, если так, в сердце, — сказал сам себе Эльф.

И, не зная дороги к сердцу, он пополз наугад вдоль по языку в направлении от зубов вглубь.

И вдруг провалился в какую-то пропасть. Пролетев немного кубарем вниз, он попал в жарко натопленную баню. На самом деле, это он изо рта попал в пищевод: так называется та трубка, по которой проглоченная пища проходит в желудок. То, что Эльф принял за баню, был желудок: тут, действительно, было около 40 градусов Цельсия. Здесь его начало вертеть во все стороны: это желудок совершал кругообразные движения с целью привести находящуюся в нем пищу в возможно большее соприкосновение с его стенками. Из стенок при этом всегда выделяется так называемый желудочный сок, в состав которого входит соляная кислота и особое вещество, называемое пепсином. Желудочный сок превращает белки, находящиеся почти во всякой пище, в растворимое состояние, при котором они могут всасываться в тело человека через стенки желудка и кишок. Кроме того, желудочный сок превращает обыкновенный сахар в виноградный. Что касается жира, то он становится способным всасываться под влиянием желчи, которая изготовляется в печени и изливается отсюда в двенадцатиперстную кишку, составляющую продолжение желудка. Крахмал сам по себе тоже не способен всасываться и превращается, отчасти под влиянием слюны, а главным образом под влиянием сока находящейся под желудком *панкреатической* железы, — в виноградный сахар.

Все эти превращения, претерпеваемые пищей в желудке и кишках и называемые *пищеварением,* ничуть не повредили Эльфу:

ведь в нем не было ни белков, ни сахара, ни жира, ни крахмала — поэтому он остался таким же Эльфом, каким был и прежде, тогда как переваренная пища превратилась в молочного цвета жидкость, которая и начала тотчас всасываться в тело человека. «Всосался» вместе с жидкостью и маленький Эльф.

* * *

Там было не видно ни зги, но ведь Эльфы видят хорошо в темноте, и наш Эльф правильно определил цвет жидкости. Этот полученный из пищи сок так и называется по своему цвету «млечным».

Из желудка и кишок млечный сок всасывается тоненькими трубочками, которые затем соединяются в более крупные трубки, называемые *лимфатическими сосудами.* А желтоватая жидкость, движущаяся в этих сосудах по телу, называется здесь уже *лимфой.* Лимфатические сосуды снабжены большим количеством заслонок, которые показались Эльфу громадными заставами. Всякому дозволяется пройти сквозь эти заставы вперед, по пути к сердцу, но застава тотчас же захлопывается от тяжести самой лимфы, как только лимфе вздумается пройти назад, от сердца.

За одну такую заслонку зацепился Эльф и стал ждать, что будет дальше, с любопытством рассматривая текущую мимо него

лимфу. Он скоро увидел, что лимфа состоит из жидкости и из крошечных белых телец. И вдруг Эльф видит, что одно из этих телец остановилось около него и начало его внимательно разглядывать.

— Где это я, дяденька? — обратился Эльф к этому тельцу с вопросом, не в силах будучи далее выносить на себе его внимательный взгляд.

— Вы, милостивый государь, — в лимфатической системе одного ребенка, — ответило тельце, — но как вы сюда попали и кто вы, этого, признаюсь, я не знаю. Пожалуйте ваш паспорт.

— Позвольте вам представиться, — заметил Эльф, — меня зовут Эльфом Ландышевым.

— Ах, очень приятно познакомиться, молодой человек, — ответило белое тельце, — позвольте вам с своей стороны представиться: я — Фагоцит Фагоцитович Фагоцитов, офицер армии Белых телец… Если не ошибаюсь, вы — из внешнего мира… Скажите, пожалуйста, если, конечно, не сочтете нескромным с моей стороны такой вопрос: что привело вас в нашу горячую и темную страну?

— С особенным удовольствием удовлетворю вашему желанию, любезнейший Фагоцит Фагоцитович, — ответил Эльф, — видите ли, я жил в чашечке скромного ландыша…

Но тут Эльф остановился и разинул рот от удивления, увидев, что Фагоцит Фагоцитович, который до сих пор внимательно слушал Эльфа, вдруг начал осматриваться по сторонам, как бы нюхая воздух, — потом ринулся на пробиравшегося мимо господина с чрезвычайно зловредной физиономией и проглотил его.

* * *

— Что это? — спросил Эльф, вне себя от изумления.

— Ничего-с, — спокойно возразил Фагоцит Фагоцитович, — это я проглотил микроба.

— Как вы говорите: *микро…?*

— Микроба, — повторил Фагоцит. — Но сначала, господин Эльф, расскажите вы мне вашу историю. Вы говорите, что жили в чашечке ландыша: зачем же вы ушли оттуда?

— А видите ли: мой ландыш сорвал злой мальчишка…

Эльф хотел было сказать и про то, что тот мальчишка — тот самый, в котором он теперь сидит, но вовремя спохватился и решил утаить от Фагоцита это обстоятельство. «Ведь кто его знает, — может быть, он рассердится и проглотит меня за это:

ведь, как-никак, а этот Фагоцит составляет маленькую частичку самого мальчика». Так подумал Эльф.

— Обиженный, я улетел искать правду, — продолжал Эльф свой рассказ: — и для этой цели облетел весь сад… Но правды не нашел нигде… Я уже в отчаянии хотел лететь на луну, но, так как тетушка ворона объявила мне, что правда сидит в сердце человека, я вскочил в рот одного очень милого мальчика…

Здесь Эльф сам пошел против правды, называя в угоду Фагоциту милым того мальчика, которого в глубине души называл скверным мальчишкой.

— И… и попал сюда, сам не знаю как… И теперь обращаюсь к вам с всепокорнейшей просьбой, Фаго… Фаго… Извините, я забыл и ваше имя и отчество…

— Зовите меня просто Фагоцитом: так нас и в книжках зовут.

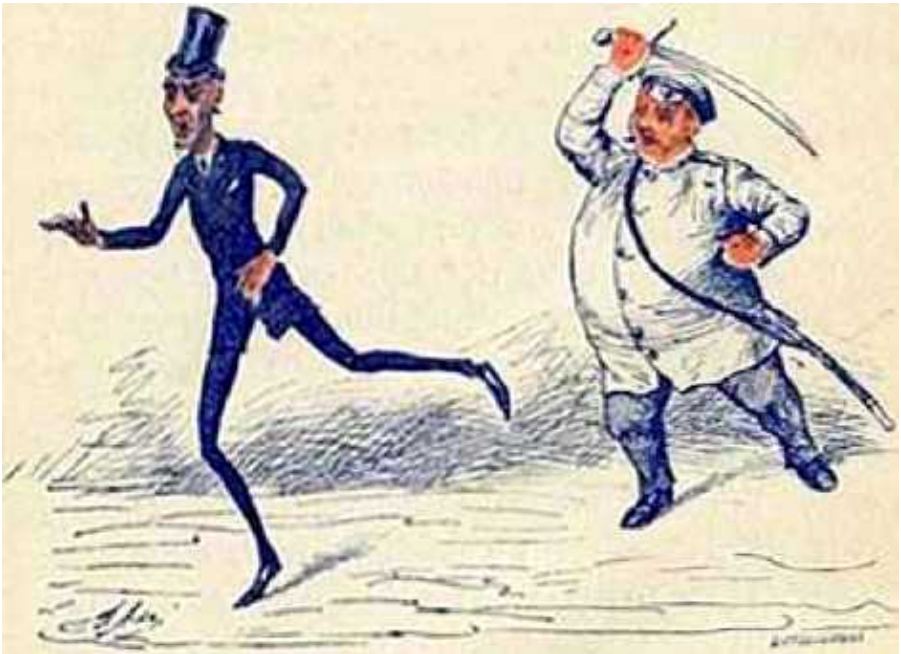
— Прошу вас, милый, добрый Фагоцит Фагоцитович, расскажите мне, как я могу отсюда пробраться к сердцу человека?

— Молодой мой друг, — заметил Фагоцит, — ваше искреннее стремление к правде делает вам честь и заслуживает всякой похвалы; я полюбил вас сильно и готов сопутствовать вам в вашем дальнейшем странствовании. А без моего сопутствия ваше путешествие по человеческому телу было бы небезопасно… Дело в том, что иной близорукий Фагоцит может сослепу принять вас за микроба и вступить с вами в борьбу, от которой вам не поздоровится…

— А что это такое — микробы? — спросил Эльф.

— Микробы — это крошечные, видимые человеком только в сильно-увеличительное стекло растеньица, близкие к водорослям, попадающие в тело человека, как и вы, снаружи, — размножающиеся в человеческом теле с невероятной быстротой и причиняющие ему всевозможные болезни: холера, чума, тиф, дифтерит и еще очень, очень многие болезни, — все это причиняется микробами. Видели ли вы, как я сейчас проглотил микроба, скорчившегося в виде запятой. Бог его знает, как он сюда попал, а только ведь этот микроб есть так называемая «холерная запятая»: если бы дать ему пожить с минутку и размножиться, человек бы заболел холерой… И какая их масса, этих микробов, везде, всюду… В каждой капельке воды, в каждом глотке воздуха, в каждой пылинке заключаются зародыши микробов. Можно даже сказать, что нет на земле места, где бы не было микробов. Знаете ли вы, что в одном плевке человека заключается их несколько миллионов? А вон, вон, — видите, идет господин микроб, тонкий как палка, чахоточного вида: этот микроб и есть так называемая чахоточная палочка — бацилла чахотки *(бацилла* по-латыни и значит палочка). И чтобы человек

как-нибудь не заболел чахоткой, я этого микроба сейчас съем…



Проглотив микроба, Фагоцит продолжал: — Одна седьмая часть рода человеческого погибает от чахотки. Одна седьмая! Это ужасно!

— Но как вы его ловко проглотили, — заметил Эльф.

— Да, — отвечал Фагоцит. — Но не думайте, однако, что нам, Фагоцитам, легко дается борьба с микробами: они ведь тоже борются с нами, и иногда побеждают, — и не один из нас, храбрых воинов, погиб в борьбе с этими врагами человека. Вот я только что проглотил микроба и теперь перевариваю его внутри себя: у меня силы много, а он попался слабенький, но иногда проглоченный микроб начинает — что бы вы думали? — размножаться внутри Фагоцита, и тогда Фагоциту — конец…

— Скажите, пожалуйста, — спросил Эльф, очень заинтересованный рассказами Фагоцита, — ведь, если не ошибаюсь, Фагоцитами называются воины, посвятившие свою жизнь борьбе с микробами?

— Вы угадали. Должен вам сказать, что все тело человека состоит из мельчайших, невидимых простым глазом частиц, называемых клеточками. Одни из этих клеточек всю свою жизнь остаются на одном месте, ведут, так сказать, жизнь оседлую: это, если можно так выразиться, крестьянское сословие человеческого организма, и из них-то и составляется тело: из них состоит и кожа, и мясо, и кости, и внутренности человека… Другие

клеточки несут казенную службу, это — чиновники или военные: они доставляют оседлым клеточкам необходимые для их жизни вещества, причем одни из таких блуждающих клеток разносят по всему телу воздух (собственно говоря, ту часть воздуха, которая нужна клеточкам, именно кислород, захваченный ими в легких человека), — а другие развозят питательные вещества. Первые клеточки носят присвоенный им по службе красный мундир и называются красными кровяными тельцами, или красными шариками, или, по-гречески, *эритроцитами,* вторые ходят в белых мундирах и зовутся белыми кровяными тельцами или белыми шариками, или, по-гречески, *лейкоцитами.* Мы, Фагоциты, очень близки по мундиру и происхождению к лейкоцитам и представляем лишь разновидность этих последних, но, отличаясь среди них, в общем, большей величиной, мы несем обязанности военные или, еще правильнее сказать, полицейские: мы боремся с воришками и разбойниками — микробами, этими исконными врагами нашего отечества. Впрочем, и в жидкой части крови сильного и здорового человека заключаются вещества, ядовитые для этих мошенников… Ведь если бы не эти свойства кровяной сыворотки, да если бы не помогали ей мы, храбрые Фагоциты, я уверяю вас, что давно бы ни одного человека не осталось на свете. Их съели бы микробы!

— Вы меня извините, — промолвил Эльф, — я не совсем понимаю, что это такое — кровь…

— А вот пожалуйте сюда: мы сейчас увидим ее.

И они вошли из лимфатических сосудов через большой сосуд, называемый *грудным протоком,* в громадный кровеносный сосуд, так называемую «нижнюю полую вену». Это они заметили по изменившейся окраске жидкости: она из желтоватой стала темно-красной. Такая разница в окраске лимфы и крови объясняется присутствием в крови красных кровяных телец, которых совсем почти нет в лимфе.

— Обратите внимание, — закричал Фагоцит Эльфу, — мы сейчас входим в сердце… Как вы увидите сейчас, ваша тетушка-ворона очень ошибалась, говоря, что «правда в сердце», или сказала так только в переносном смысле, разумея под сердцем — душу человека, его мысль и чувство. А, собственно говоря, сердце есть просто-напросто сделанный из мяса насос, притягивающий к себе кровь и опять разбрасывающий ее по всему телу. С помощью этого насоса движемся по всему телу вместе с кровью и мы, кровяные шарики: красные тельца разносят кислород, Фагоциты хватают за шиворот микробов и исполняют еще другую свою полицейскую обязанность, — подбирают трупы клеточек…

— Так значит, клеточки умирают? — перебил его Эльф.

— Ничто не вечно под луною, — с грустью сказал на это Фагоцит, — но, быть может, нет на свете более хрупкого создания, чем клеточка. Ежеминутно одни клеточки умирают, другие рождаются… Рождаются новые клеточки оттого, что старые, достигнув известной величины, распадаются на новые, так называемые *дочерние* клеточки, которые, в свою очередь, начинают расти и, выросши, опять распадаются на новые. Так увеличивается и число, и объем клеточек, а от этого увеличивается и объем всего человека: он становится больше и выше, и про него говорят тогда люди, что он растет… Вместе с тем, повторяю, ежеминутно гибнут в борьбе с врагами и умирают своей смертью целые поколения клеточек, и их-то трупы отчасти вбираем в себя мы, Фагоциты, отчасти выносит кровь в почки, где собираются отбросы организма в виде мочи, выбрасываемой через мочевой пузырь наружу…

Между тем Эльф с Фагоцитом очутились внутри какой-то залы с мясными стенками.

— Это *первая зала* сердца, — сказал Фагоцит, — это правое предсердие; оно сейчас расширилось и всосало нас в себя, а вот сейчас оно сожмется и выжмет нас в следующий отдел сердца, *правый желудочек.*

Так и случилось: предсердие сжалось, и наши путешественники очутились в следующей зале, гораздо большего размера, чем первая. Это был правый желудочек. Затем сократился и он и выбросил кровь вместе с Эльфом и Фагоцитом в большую трубку, кровеносный сосуд, называемый *легочной артерией.* Оттуда они попали в громадный мех, разделенный множеством перегородок на отдельные комнатки.

— Это легкое, — сказал Фагоцит, — вот оно раздулось и вместе с тем вобрало в себя воздух… А вот оно спалось и вытеснило воздух… Это человек дышит. Сядем здесь, около одной из комнаток легкого… Запомните: эти комнатки называются *альвеолами.*

— Сядемте, — согласился Эльф. — А скажите, пожалуйста, — спросил он после паузы, — зачем это человек дышит?

— Да как же ему не дышать? Ведь клеточкам нужен кислород, ведь кислород входит в состав клеточек, и часть этого кислорода постоянно уходит из клеточки в виде воды и особого газа — *углекислоты.* Вода состоит из водорода и кислорода, а углекислота из углерода и кислорода… Значит, клеточкам нужен бывает постоянно новый запас кислорода. Вот этот-то запас, еще раз повторяю, и доставляют клеточкам маленькие чиновники в красных мундирах — красные кровяные шарики: всюду они путешествуют по крови, бывают, между прочим, и в легком, и тут-

то, в момент вдыхания человеком воздуха, они захватывают в себя кислород и несут его всем клеточкам тела. Взамен этого кровь отдает легкому отбросы клеточек, именно воду в виде пара и углекислоту, — а легкое выпускает эти отбросы в момент выдыхания через дыхательное горло из носа человека наружу…

* * *

Путешественники сидели в одном микроскопическом кровеносном сосуде (такие крошечные сосуды называются *капиллярами*), близко подходящем к альвеоле, и рассматривали сквозь его прозрачные стенки внутренность этой маленькой легочной комнатки. Туда беспрестанно вбегали из внешнего мира крошечные воздушные пузырьки и вместе с ними также разные пылинки. И вдруг Эльф вскрикнул, — среди пылинок он узнал старую знакомую: пылинку из пыльцы того самого ландыша, в котором он жил. Очевидно, мальчик, сорвавший ландыш, нюхал его и при этом втянул себе в нос, а затем вдохнул и в легкое маленькую, легкую, как воздух, пыльцу.

— Здравствуй, сестрица! — закричал Эльф сквозь перегородку сосуда, — как поживаешь?

Пылинка очень удивилась и обрадовалась, найдя Эльфа здесь. Это была очень трогательная встреча. Они разговаривали очень долго и никак не могли наговориться, — и, вероятно, долго еще не кончили бы своего разговора, если бы не стал торопить Эльфа Фагоцит.

— Я взял отпуск только на пять минут, — сказал он, когда они тронулись в путь, — а затем должен спешить в левый мизинец на руке: там теперь идет большая война между нашим организмом и микробами. Палец обрезался обо что-то, туда попали микробы: следует истребить их во что бы то ни стало; если же мы не успеем этого сделать, на пальце может образоваться нарыв.

— Это что ж такое?

— Это уж настоящее поле битвы: в нарыве вы найдете и микробов, и их зародыши, и Фагоцитов, живых и мертвых… И все это борется на жизнь и смерть, плавая в просочившейся из кровеносных сосудов сыворотке.

— А много вас, кровяных клеточек? — спросил Эльф.

— В одном кубическом миллиметре крови (а это будет гораздо меньше капли) заключается около пяти миллионов красных и около десяти тысяч белых шариков.

— Боже мой, сколько же вас во всем теле!

— Да, цифра получится солидная… Но вот мы с вами входим в сердце.

— Как в сердце? Да ведь мы уже там были!

— То мы были в правой половине сердца, а теперь пойдем в левую. Левая половина отгорожена наглухо от правой, и между ними нет никакого непосредственного сообщения. Из легкого насыщенная кислородом, так называемая *артериальная кровь* бежит по сосудам, называемым легочными венами, сначала в левое предсердие, потом в левый желудочек, а отсюда разгоняется по всему телу по особым сосудам, называемым *артериями,* питая ткани тела кислородом и всосанными из кишечника пищевыми веществами. Взамен этого клеточки отдают крови свои отбросы — воду и углекислоту, отчего кровь темнеет и, получая уже название *венозной,* возвращается по особым сосудам, называемым венами, в правую половину сердца, — сначала в предсердие, потом в желудочек (помните, ведь и мы с вами вошли в сердце из нижней полой вены). Итак, венами называются вообще те кровеносные сосуды, по которым кровь бежит к сердцу; артериями называются сосуды, по которым кровь бежит от сердца. Кроме того, вообще говоря, по венам бежит кровь темно-красная, так сказать, испорченная, насыщенная углекислотой, а по артериям — ярко-красная, чистая, насыщенная кислородом. Из этого последнего правила составляют исключение только легочные сосуды: по легочным артериям идет кровь грязная из правого желудочка в легкое, чтобы отдать легкому углекислоту и запастись его кислородом. Очистившись в легком и набравшись кислорода, чистая кровь идет из легкого по легочным венам в левую половину сердца…

— Господи, какой вы ученый! — с удивлением воскликнул Эльф, — где это вы получили воспитание и образование?

— Для кровяных шариков есть три главных воспитательных дома, где они родятся и растут: это — селезенка, печень и костный мозг. Кроме того, я видал много видов, путешествуя по кровеносным сосудам. Поживете у нас, побываете в головном мозгу, — узнаете и вы, Эльф, все доподлинно… А всего не расскажешь: дело это не так просто, оно гораздо сложнее, чем я здесь описал… Но пока мы с вами болтали, нас выбросило из левого желудочка… Заметили ли вы, что, когда он нас выжимал из себя, часть крови полилась было назад, к левому предсердию, — но тут, между левым предсердием и левым желудочком, помещается заслонка, которая тотчас же захлопнулась под давлением крови и не пустила кровь назад, так что вся кровь поневоле должна была идти вперед; такие точно заслонки — вы, вероятно, заметили это — существуют и в остальных частях сердца, например, у входа из правого предсердия в правый желудочек, при входе из вен в сердце и при выходе из вен в артерии. Все эти заставы устроены для того, чтобы кровь не застаивалась: если бы их не было, часть крови при каждом сокращении сердца шла бы туда, откуда только что пришла, то есть назад; в результате получился бы застой крови и — водянка. Действительно, болезненное состояние, известное под именем водянки и состоящее в просачивании жидкой части крови из сосудов в окружающие ткани тела, часто является результатом отсутствия или недостаточности *сердечных клапанов* — так называются только что упомянутые заставы или заслонки. Чтобы покончить с сердцем, упомяну еще, что оно сокращается не все разом, а поочередно: сначала сокращаются оба предсердия и выгоняют в растянутые желудочки кровь, а потом, тотчас же

вслед за этим, сокращаются желудочки, выгоняя кровь в артерии, между тем как растянутые предсердия получают свою порцию крови из вен. Таких сердечных двойных сокращений бывает у здорового человека около 75 в минуту…

* * *

Из левого желудочка Эльф и Фагоцит попали в *аорту*; это главная артерия и притом единственная, выходящая прямо из левого желудочка; уже из аорты кровь расходится по другим, меньшим артериям, от этих меньших отходят еще меньшие, от тех — еще более маленькие; — словом, артерии отходят одна от другой, как ветки от стволов. Таким же порядком и вены: начинаясь в разных местах тела самыми маленькими сосудцами, они постепенно сливаются все в большие и большие вены, пока не соберутся в две самые большие, так называемые *полые* вены (верхняя и нижняя), которые и вливают кровь в правую половину сердца…

Итак, пройдя по аорте, Эльф и Фагоцит достигли распутья: аорта разветвлялась, — один сосуд шел прямо вверх, два другие — в стороны. Эльф направился было в сторону, но его остановил Фагоцит:

— Не туда, не туда! Нам надо идти вверх! Ведь мы должны держать путь к головному мозгу.

— А что это такое — головной мозг?

— Головной мозг — это важнейшая часть человеческого тела, находящаяся в голове: это, так сказать, столица нашего государства… Там находится университет человеческого тела, потому что человек *узнает* все, что происходит во внешнем мире и в его собственном теле, именно с помощью мозга. Там находится и правительство человеческого организма, потому что человек распоряжается своим телом опять-таки с помощью мозга. Из этой столицы идут во все части тела телеграфные проволоки — крепкие белые нити, называемые нервами: по этим нервам мозг приказывает той или другой наружной части тела совершить то или другое движение: когда, например, человек ходит, он ходит потому, что из его мозга беспрестанно посылаются в его мышцы (мясо) сигналы, вследствие которых эти мышцы сокращаются и, сокращаясь, тянут за собой кости, к которым прикреплены, в результате чего и получается движение. С другой стороны, со всех мест тела идут в мозг другого рода телеграфные проволоки, — тоже в виде крепких белых нитей: это те нервы, по которым подчиненные мозгу области сообщают ему о своем

состоянии, и в результате этих сообщений является то или другое ощущение: например, наш мальчик, в крови которого мы теперь гуляем, чувствует теперь небольшую боль в левом мизинце от пореза: он чувствует эту боль потому, что ежемгновенно в его мозг передается по нервам раздражение из пораненного места. Первого рода нервы, с помощью которых части человеческого тела производят всевозможные движения, называются *двигательными,* а другие нервы, с помощью которых возникает в мозгу то или другое ощущение, называются *чувствительными.* Кроме головного мозга, есть еще *спинной,* заведующий непроизвольными движениями человеческого тела. Когда вы были в желудке, вы, конечно, почувствовали, что вас перебрасывает в разные стороны: это происходило от движений желудка, и эти движения совершались совершенно помимо воли и сознания человека. Другой пример: если поднести огонь к глазам человека, его зрачки сокращаются, — это движение зрачков тоже происходит помимо сознания человека. Так вот, такие движения, называемые непроизвольными, находятся в распоряжении спинного мозга. Прошу не смешивать с этим мозгом, находящимся внутри позвоночника и состоящим из нервной ткани, другой, так называемый костный мозг: тот помещается внутри всех длинных костей и нервной ткани в себе не заключает. Там, в костном мозгу, как и в селезенке, главным образом, выращиваются кровяные тельца: там родился и ваш покорнейший слуга…

Пока они так говорили, за Эльфом гнался какой-то громадный Фагоцит и вдруг, налетев на него с громкими криками «ура!», — схватил его и чуть было не проглотил. К счастью, спутник Эльфа, Фагоцит Фагоцитович, вовремя остановил его, сказавши:

— Протрите свои очки. Какой это неприятель? Это невинный маленький любознательный дух, совершающий поездку по кровеносным сосудам с образовательной целью.

Тогда незнакомый Фагоцит выпустил Эльфа, но не только не извинился, а еще стал ворчать:

— Шляются здесь какие-то привидения…

Бедный перепуганный Эльф всю остальную дорогу держался как можно ближе к своему проводнику.

Но, впрочем, скоро они уже очутились в головном мозгу, где мыслит, чувствует и желает заключенная в человеческом теле человеческая душа.

Эльфы не как простые люди: приблизившись к тем клеточкам, из которых состоит головной мозг, наш Эльф стал слышать мысли того мальчика, в котором они путешествовали. И случилось так, что как раз в это время мальчик думал:

«Зачем я сорвал ландыш? Кто знает, — может быть, там жило какое-нибудь бедное маленькое существо, и я лишил его домика… Нехорошо я сделал…»

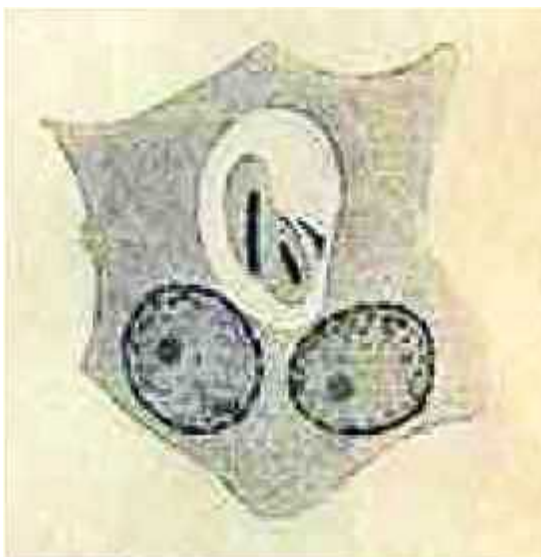
— Правда! правда! правда! — закричал Эльф, — о, наконец-

то я нашел правду! Так вот она где! в человеке! Теперь я вижу, что, действительно, в том самом человеке, в котором гнездится и ложь, и коварство, и жестокость, — живет и высшая правда! Все в человеке!

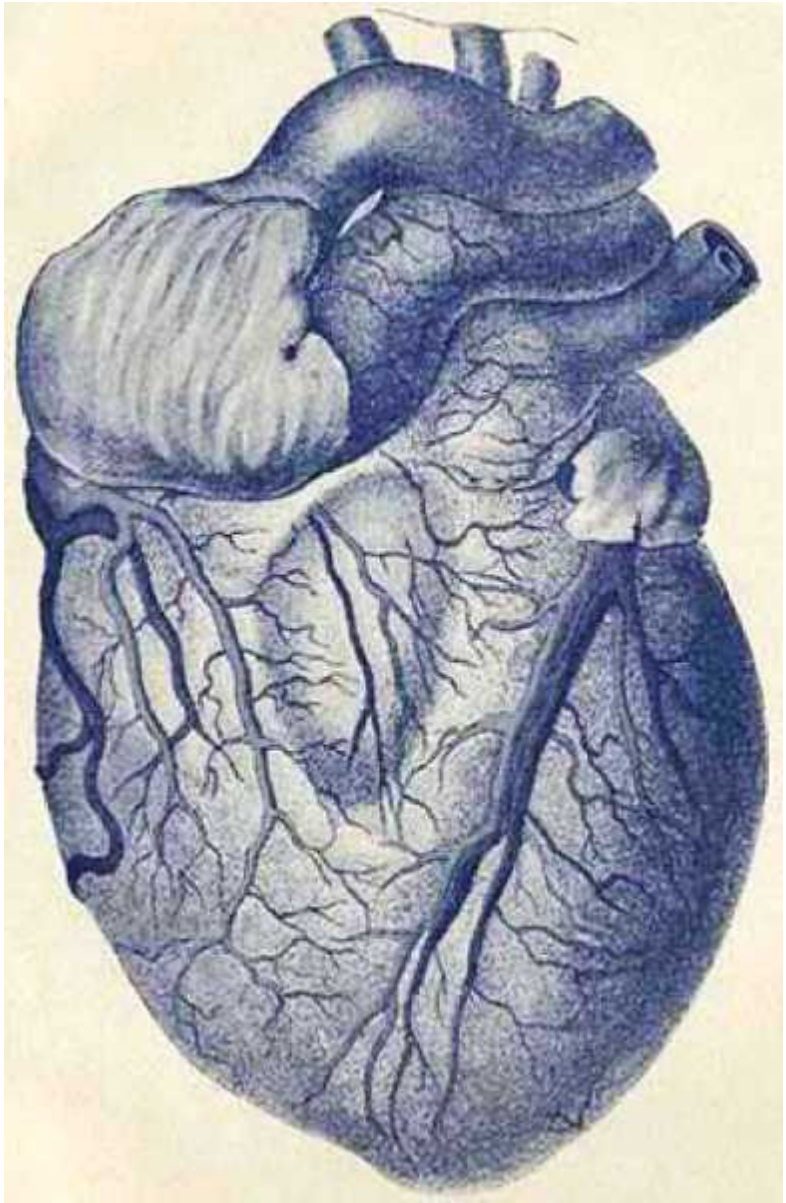
И он стал на колени и поклонился невидимой правде, живущей в человеческой душе.

* * *

Эту сказку я еще совсем маленьким ребенком слышал от одного седого старика, — но и тогда знал уже, что это сказка, стало быть, неправда. Однако, выросши и научившись кое-чему, я удивлением узнал, что далеко не все, рассказанное здесь, — выдумка. Конечно, я знаю, что в благовонной чашечке ландыша не живут маленькие кроткие Эльфы; невозможным представляется мне также и путешествие Эльфа по кровеносным сосудам. Кровяные шарики вовсе не имеют мундиров, а просто отличаются окраской друг от друга; еще менее верно сообщение этой сказки о том, что будто бы эти шарики носят очки, смотрят, говорят, думают, да еще отличаются такой большой ученостью. Но это уж сам читатель различит, что в этой сказке правда и что ложь. А в заключение на этой странице помещается действительное изображение Фагоцита в тот момент, как он поглотил микроба, а на следующей странице помещено изображение действительного человеческого сердца. На обложке нарисованы красные кровяные шарики.



Черные палочки внутри рисунка и есть микробы.



В. Ланцев. Путешествие внутри атома [7]

Рис. С. Лодыгина

Когда колба профессора Чаттериджа опорожнилась, он хмуро сдвинул брови и вдруг, едва не уронив со стола препараты, быстро повернулся ко мне.

— Ага, нашел! — в лихорадочном возбуждении закричал он. — Я открыл! Уменьшитель профессора Чаттериджа действует превосходно!

Я смотрел на колбу, ничего не понимая. Профессор только что собирался приготовить внутреннее для больного и, вместо этого, пришел в такое возбуждение, что я подумал, не сошел ли он с ума.

Между тем, профессор достал из аквариума лягушку и, придвинув ко мне стакан с бесцветной жидкостью, сказал:

— Смотри!

Я внимательно осмотрел стакан, но не нашел в нем ничего особенного. Это был самый обыкновенный стакан, наполненный до краев водой. Я попытался окунуть палец в эту жидкость, чтобы исследовать ее свойства, но профессор поспешно отдернул мою руку от стакана и пододвинул последний себе под нос. С напряженным вниманием следил я за его действиями, а он, между тем, взял лягушку за задние лапки и, улыбнувшись мне, опустил ее в бесцветную жидкость.

Тут произошло нечто необыкновенное…

Тело лягушки начало быстро уменьшаться, словно растворяясь в жидкости, и через минуту микроскопический комочек, представлявший из себя тело лягушки, совершенно исчез в стакане.

Еще с минуту смотрел я на стакан, не смея оторваться от его гладких прозрачных стенок, хранящих в себе необъяснимую загадку. Потом перевел взгляд на лицо профессора Чаттериджа, который все еще улыбался сквозь очки.

— Опыт удался блестяще. Не правда ли, Александр? — обратился он ко мне, щелкнув пальцем по стакану.

— Вы… Вы растворили ее в этой жидкости? — воскликнул я, не зная, что ответить ему.

— Да, почти так. Она достигла теперь, если не ошибаюсь, размеров центрального ядра атома и уменьшается дальше со скоростью бесконечного ряда извлечений из числа. Извлечем,

например, квадратный корень из шестидесяти пяти тысяч пятьсот тридцати шести.

Профессор схватил карандаш, придвинул блокнот и принялся производить вычисления.

$\sqrt{65536} = 256$;

$\sqrt{256} = 16$;

$\sqrt{16} = 4$;

$\sqrt{4} = 2$[8].

— Подобное же уменьшение происходит сейчас с телом лягушки, — заявил он торжественно. — Подумай, Александр, какой богатый вклад внесем мы в науку, если отправимся путешествовать в мир атомов, о жизни которых, в сущности, еще так мало знает человек.

— Что вы, профессор, опомнитесь! — в ужасе закричал я. — Ведь из такого путешествия нам нет возврата, и наука ничего полезного не приобретет от вашего исчезновения, а наоборот, только потеряет от этого.

— Нет, мы вернемся, — спокойно ответил Чаттеридж. — Действие жидкости продолжается всего две с половиной минуты. Достигнув размеров, которые нельзя измерить даже миллимикронами, мы приостановим свое уменьшение, и, по приблизительному расчету, часов через двадцать начнем увеличиваться с обратной скоростью, пока не достигнем первоначального нормального роста.

— Но неужели лягушка, которую вы окунули в эту отвратительную жидкость…

— Вновь появится в стакане через двадцать часов, — уверенно докончил профессор, погладив рукой края стакана.

— Мне бы хотелось увидеть эту лягушку вновь прежде, чем отправиться в путь, — нерешительно сказал я.

Объяснения профессора окончательно убедили меня в пользу опыта, и я лишь немного побаивался последствий.

Профессор взглянул на стрелку больших стенных часов, висевших над дверью. Часовая стрелка стояла на одиннадцати.

— Завтра около семи часов вечера лягушка появится в стакане, но сейчас нужно выкипятить жидкость, иначе путешественница никогда не вернется из царства атомов.

— Но ведь вы погубите этим лягушку! — воскликнул я.

— Нисколько. Лягушка совершенно не почувствует повышения температуры. Припомните, мой милейший товарищ-ассистент: тепло есть движение молекул, а в данный момент лягушка представляет из себя настолько микроскопическое существо, что для нее молекула — как вселенная для нас. Скажите, замечает ли человечество движение миров, если оно

только по школьным занятиям и научным книгам знает, что земля вертится вокруг своей оси и солнца, которое, в свою очередь, с огромной скоростью несется к созвездию Геркулеса?..

На такой довод профессора я не нашел что ответить, а потому предоставил ему кипятить лягушечью вселенную, заключенную в стакане, а сам отправился спать…

Не знаю, как у меня хватило терпения дождаться семи часов вечера, когда должны были подтвердиться обещания профессора. В тягостном ожидании я начал решать сложнейшие физические задачи и так увлекся одной из них, что не заметил подошедшего сзади Чаттериджа. Тяжелая рука, опустившаяся на мое плечо, моментально вернула меня к действительности.

— Пора! — заявил он, увлекая меня в лабораторию, где уже стоял на столе тот же стакан, но совершенно пустой и закрытый тонкой пластинкой, плотно прилегавшей к его краям.

Вычисления профессора оказались довольно точными. Едва я успел зазеваться на пробегавший по улице трамвай, как тотчас получил приличный удар в бок и, вперив взор в стакан, увидел необычайное зрелище — появление из «ничего» живого существа. На дне стакана образовалось едва заметное темное пятнышко. Спустя минуту оно превратилось в нормальную лягушку, — живую, невредимую и преглупо вращавшую огромными глазами. Профессор придвинул аквариум и спустил ее туда, чем лягушка, очевидно, осталась очень довольна. Вытянув задние лапки, она нырнула на дно аквариума, поглядывая на нас оттуда.

— Ну, теперь наша очередь! — решительно сказал профессор, доставая из шкафа мензурку и порошки, аккуратно закупоренные в стеклянных банках с притертыми пробками.

Я принес большую цинковую ванну и профессор велел поставить ее на газовую плиту.

— Мой уменьшитель чрезвычайно быстро испаряется при кипячении, и полную ванну можно выкипятить в течение полутора часов. Сейчас я приготовлю десять ведер уменьшителя, а ты пока приготовься зажечь газ в плите.

Я выполнял приказания Чаттериджа, с нетерпением дожидаясь конца приготовлений. Теперь, когда первый путешественник в мире атомов — лягушка — вернулся оттуда невредимым, меня страшно тянуло последовать его примеру.

Вскоре ванна наполнилась, и газ вспыхнул под плитой, приглашая нас в неведомый, невидимый мир…

Трудно передать те ощущения, которые я пережил вместе с профессором в последующую минуту… Мы крепко сцепились руками, чтобы не растерять друг друга, и погрузились в теплую жидкость, таившую в себе великую загадку превращения. Ванна

довольно быстро приняла необыкновенные размеры. Прошло не более десяти секунд, как отполированное дно ее оказалось словно усыпанным мелкими камнями, которые через мгновение вырастали в горы. На склонах этих гор образовывались громадные правильные трещины и, как мне после объяснил профессор, это были пространства, отделяющие молекулы друг от друга. Крохотные пылинки, бывшие на наших телах, отскакивали в виде громадных камней, и грязь отваливалась пластами необычайной толщины.

Через некоторое время я стал замечать среди молекул светящиеся точки, и в тот же миг тьма охватила нас.

— Где мы? — крикнул я профессору, но не расслышал своего голоса. Кругом стоял страшный холод, и дыхание становилось невозможным. Незнакомые созвездия окружали нас. Должно быть, мы достигли страшной скорости уменьшения, так как светившаяся вдалеке, подобно Сириусу, звезда быстро стала принимать гигантские размеры.

Материки, моря, необычайные строения промелькнули перед моими глазами, и мы очутились на мокрой земле среди ползучих растений, напоминавших стебли тыквы.

— Вот мы и приехали! — прервал молчание Чаттеридж, методически очищая себя от комьев грязи. — Счастье наше, мы, кажется, попали на обитаемый электрон, — добавил он, поднимая с земли фантастический предмет, напоминавший собою наперсток, но только величиною с добрую бадью, и сквозивший

отверстиями со стеклышками внутри.

— Что это за планета? — спросил я, безучастно глядя на заинтересовавший профессора предмет.

— Всякое живое существо, подвергнутое действию моего состава, уменьшаясь, неизбежно попадает в молекулу поваренной соли, которая находится в виде механической примеси в жидкости. При выпаривании кристаллы соли остаются на дне. Иначе мы рисковали бы улетучиться вместе с парами воды в облака. Итак мы находимся сейчас в молекуле соли. В атоме натрия или хлора? Пока неизвестно. Земля, находящаяся под нашими ногами, представляет из себя не что иное, как электрон, вращающийся с громадной скоростью вокруг центрального ядра атома — того солнца, которое вскоре взойдет над горизонтом.

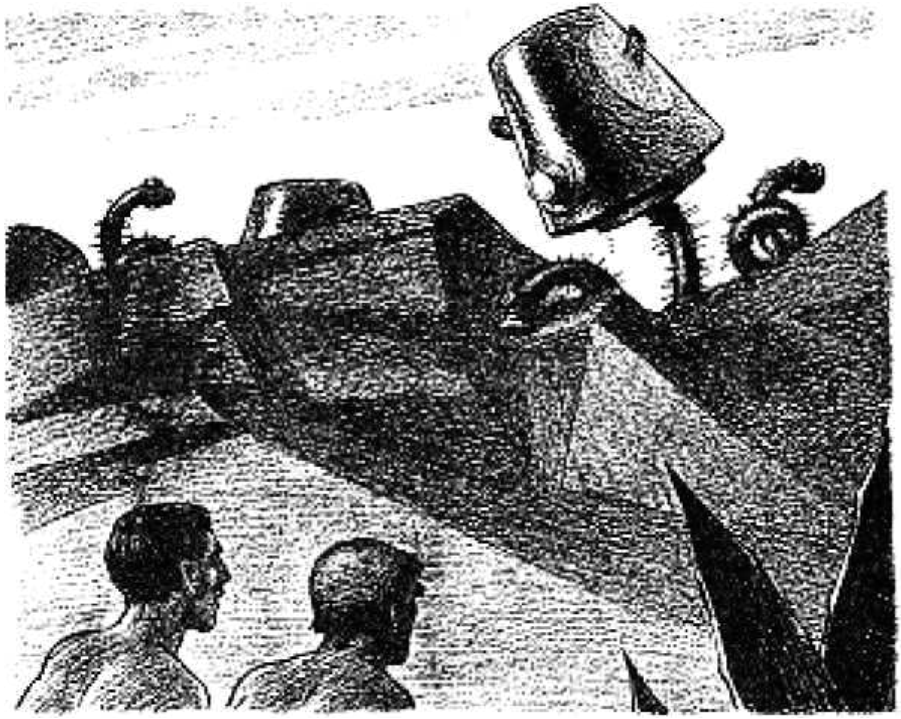
— А что это за растение? — спросил я, показывая на длинные разбросавшиеся по земле стебли необычайного вида.

— Это, очевидно, один из представителей флоры электрона. Я еще раньше допускал возможность существования на электронах жизни, подобной нашей.

Между тем, небо начинало светлеть, и через необычайно короткий промежуток времени ослепительно яркое солнце залило белыми лучами окружающий нас мир.

Мы пошли по направлению к небольшому холмику метров в 50 высотой[9], состоявшему из желтого песка и неизвестного ярко-красного камня, горевшего как кровь при свете солнца. По дороге нам попадались, кроме ползучих растений, другие, веерообразно раскидавшие ланцетовидные листья, поставленные ребром к солнцу. Кстати, это солнце так быстро пробегало свой путь над горизонтом, что, когда мы подошли к намеченному пункту, оно уже достигло зенита.

Профессор только что собирался взобраться на холмик, как сверху послышалось странное кудахтанье, и из-за красной скалы высунулся предмет, подобный найденному профессором. Огромный наперсток качался на тонкой волосатой шее, обладатель которой скрывался за скалой.



Желая выказать мирные намерения, профессор поднял найденный им предмет и начал махать им над головой. Мгновенно его выбили у него из рук чем-то, чего я не мог видеть, так как в ту же секунду меня больно ударило в грудь. Я закричал и, поглядев наверх, увидел машинку, похожую на камеру фотографического аппарата и состоявшую из трубок, вставленных одна в другую. Отскочив в сторону, я услышал свист около левого уха, и видел, как профессор получил удар по подбородку. Он отшатнулся, едва не упав на песок, но того, что нанесло этот удар, я не видел.

— В нас стреляют сжатым воздухом! — прокричал профессор. — Не бойся… Они бессильны убить нас…

Ободренный этими словами, я бросился бежать вверх по склону, но в это время услышал внизу возню и, оглянувшись, увидел, как профессор нанес одному из приближающихся чудовищ изрядный удар кулаком по шее. В то же мгновение сильная струя воздуха ударила мне в затылок, и я упал с камня вниз, на голову одного из представителей населения электрона. Вскочив на ноги, я схватил его за длинную шею и с удовольствием почувствовал, как легко отделилась она от туловища.

Мой трофей оказался прекрасным оружием. На длинной, тонкой шее болталась тяжелая голова, снабженная

металлическими приспособлениями. Я начал раздавать удары направо и налево и так увлекся этим занятием, что даже не заметил, как наступил вечер и нападавшие куда-то скрылись.

Вокруг нас валялось более двадцати трупов этих небоеспособных существ. Тело их напоминало собою жирафу, но по размерам едва превосходило большую охотничью собаку, а лапы были снабжены щупальцами, имевшими на концах присоски. Я хотел осмотреть их головы, но мне никак не удавалось снять с них наперсткообразные приспособления, — кроме того, страшно хотелось спать…

…Я проснулся в ванне. Профессор, тоже проснувшийся и даже успевший одеться, заводил стенные часы.

— Однако, нам мало пришлось насладиться этим фантастическим путешествием, — разочарованно произнес он, услыхав, как я загремел ванной. — Ну, да ничего, быть может, мы в скором времени снова отправимся в этот, такой близкий и, вместе с тем, такой далекий мир атомов.

Рэй Каммингс. Девушка из золотого атома [10]

Рис. В. Финлея

Вселенная в атоме

— Таким образом, вы хотите сказать, что не существует даже самой маленькой частицы материи? — спросил Молодой Человек.

— Да, коль вам угодно, — ответил Химик. — Но если объяснить иначе, я считаю, что все предметы могут становиться бесконечно малыми и наоборот — бесконечно большими. Астрономы говорят нам о безграничности пространства. Я пытался размышлять о пространстве как о некоей завершенной конечной субстанции. Нет, поверьте, это невозможно. Каким образом можем мы представить себе границы пространства? За его пределами должно находиться еще нечто или ничего, но все равно образующее некое иное пространство!

Химик улыбнулся и продолжал:

— Итак, если не существует пределов в огромном пространстве, почему мельчайшая частица все же должна иметь границы? И как вы можете утверждать, что атом нельзя расщепить? Увеличьте данную материю в тысячу раз, в десять тысяч раз, и кто знает, что вы увидите?

Химик обвел взглядом людей, собравшихся в комнате и внимательно слушавших его. Это был еще довольно молодой мужчина с резкими чертами лица, носивший крупные очки в роговой оправе, одетый в твидовый костюм английского покроя, плохо сидевший на худощавом Химике.

Банкир допил содержимое стакана и позвонил в колокольчик.

— Весьма интересно, — заметил он.

— Не будьте глупцом, Жорж. Можно подумать, вы не понимаете, что все рассуждения господина Химика лишены всякого смысла, — сказал Бизнесмен.

Доктор пересел в более удобное кресло и тоже вступил в дискуссию:

— Позвольте нам узнать, что же необычайное открыли вы в безгранично малых материях? Вы расскажете нам об этом, не правда ли?

— Да, если вы настаиваете, — сказал Химик. — Итак, господа, утверждая, что мне удалось обнаружить нечто удивительное в ином мире — мире малых субстанций, вы правы лишь в известном смысле. Да, я мог бы увидеть нечто удивительное, но упустил случай. Не сомневаюсь, что вы не поверите мне, но это не имеет для меня никакого значения, — сказал Химик, бросив мимолетный взгляд на банкира. — Я расскажу историю, происшедшую с вашим покорным слугой.

Бизнесмен наполнил стаканы всех присутствующих, а Химик продолжал:

— Для начала я собрал самый мощный микроскоп из известных современной науке. Я отлично помню, что испытал,

когда собрался впервые направить свой взгляд в иной мир, неизвестный и незнакомый, куда еще не проникал человеческий взор.

Что я увижу? В какие области этого загадочного мира смогу заглянуть я, первый представитель человечества? Сердце мое готово было выскочить из груди, когда я сел за микроскоп и установил окуляр. Затем я стал искать вокруг подходящий для исследования предмет. На руке я носил золотое кольцо — обручальное кольцо моей матушки — и решил воспользоваться именно им. Кстати, оно и сейчас при мне.

Химик легко снял с безымянного пальца обычное золотое кольцо и положил на стол для всеобщего обозрения.

— Вы увидите на внешней стороне кольца легкую метку. Это именно то место, которое я исследовал под микроскопом.

Все присутствующие подошли к столу и наклонились, чтобы лучше рассмотреть маленькую царапину.

— И что же вы обнаружили? — не скрывая своего нетерпения, спросил Бизнесмен.

— Господа! — сказал Химик. — То, что я увидел, поразило мое воображение. Дрожащей рукой я положил кольцо под окуляр, готовый изучать небольшую царапину. В течение некоторого времени мне не удавалось что-нибудь увидеть. Я походил на человека, блуждающего в темной комнате, но знающего, что где-то совсем рядом находится огромное ослепляющее солнце. Я знал, что в поле моего зрения, несомненно, что-то происходит, однако мои глаза пока не реагировали ни на что и не давали никаких сигналов мозгу. Потом я понял, что прошло слишком мало времени и глаза мои не адаптировались к новой форме света. Я терпеливо ждал. Постепенно в темноте стали проявляться предметы определенной формы. Господа, я хотел бы, чтобы вы ясно отдавали себе отчет о своеобразном восприятии всего увиденного в микроскоп. Это сугубо субъективное восприятие.

Мне показалось, что я очутился в огромном гроте. Я отчетливо его видел. Стены грота были неровные и растрескавшиеся, со странным фосфоресцирующим светом, исходящим из заполненных чернотой многочисленных расселин. Я говорю о фосфоресцирующем свете потому, что данный термин наиболее точно описывает его природу… Странное излучение, абсолютно отличающееся от отраженного света, к которому мы все привыкли.

Я уже упоминал, что углубления на стенах грота были черны. Но это была не чернота, образующаяся при отсутствии света, обычная для нашей вселенной. Нет, это был мрак, который, однако, излучал некий свет, если такое вообще можно себе

представить. Мрак, который был не пустым, а скрывавшим свое содержимое за пределами, не доступными моему зрению.

Пока мои глаза расплывчато видели лишь потолок и пол грота. Но спустя несколько минут пол стал вырисовываться намного четче. Казалось, что он был из черного мрамора, гладкий, блестящий и полупрозрачный. Вблизи почва казалась жидкой субстанцией. Создавалось впечатление, что поверхность почвы находилась в каком-то постоянном движении.

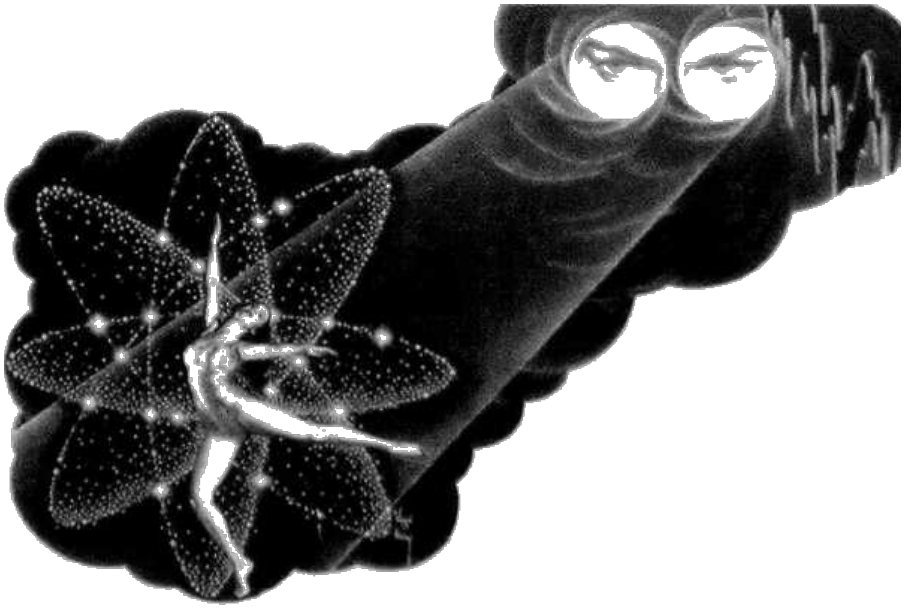
Другой странностью, поразившей меня, было то, что контуры всех представших перед моим взором предметов изменялись. Когда я долго смотрел на них, мне казалось, что они дрожали. Нечто похожее можно наблюдать, если глядеть на предмет в воде, но, естественно, без какого либо искажения. Скорее, это похоже на предметы, которые мы видим в морских волнах.

С другой стороны грота не наблюдалось ничего особенного. Только в одном месте струилось слабое излучение. Не знаю, сколько времени я глядел на эту сцену, но не меньше нескольких часов. Я, очевидно, очутился в некоем гроте или пещере, но, как ни странно, не чувствовал себя запертым в ограниченном пространстве. Напротив, через некоторое время у меня создалось впечатление, будто пространство передо мной было безграничным. Может быть, так случилось потому, что световая дорожка тянулась очень далеко. Дорожка напоминала мне хвост падающей кометы или свет Млечного пути, проникающего в самые дальние космические просторы. Возможно, я заснул или настолько погрузился в собственные мысли, что не заметил, в какой момент картина перед моими глазами изменилась. На переднем плане внезапно появилась расплывчатая форма, сливавшаяся с окружающим. По мере того как я старался рассмотреть загадочную форму, она становилась все отчетливей, и вскоре я с удивлением пришел к заключению, что данная форма представляет особый силуэт молодой женщины, сидящей на берегу водоема. Если не принимать во внимание постоянное изменение всех контуров, что являлось характерной чертой того мира, и необычайное фосфоресцирующее освещение, женщина имела обычную для нашей планеты внешность. Согласно общепринятым канонам, ее можно было назвать красивой. Длинные иссиня-черные волосы, заплетенные в мелкие косички, тонкие черты лица, красивые алые губы. Но должен признаться, я скорее чувствовал все цвета, нежели видел их. На девушке была лишь короткая туника, как мне показалось, из серого непрозрачного стекла, а ее белоснежная кожа, как перламутр, переливалась в лучах таинственного света. Создавалось впечатление, что женщина пела, но я, естественно, не слышал

ничего. В следующий момент она склонилась к водоему и, задорно смеясь, зачерпнула руками воду.

Господа! Не могу выразить все чувства, овладевшие мной, когда я вспомнил, что сижу за микроскопом. Меня настолько поглотило наблюдение за девушкой, что я совсем забыл об этом. С внезапно охватившим меня испугом я вдруг осознал до глубины души, что все увиденное мной происходило внутри обычного золотого кольца. На какой-то миг важность сделанного открытия повергла меня в неописуемый ужас и привела в замешательство. Когда я вновь посмотрел в окуляр микроскопа спустя некоторое время, необходимое для адаптации зрения к новой форме света, перед моим взором снова, как и в первый раз, появился грот, но девушки на этот раз не было.

В течение почти двух недель в одно и то же время по вечерам я садился за микроскоп и опять переносился в пещеру. Девушка приходила каждый вечер, садилась на берегу водоема. Все происходило, как и в первый раз. Однажды она даже танцевала с неподдельным очарованием дикой лесной нимфы, кружась и порхая, как легковесная пушинка. В десятый вечер и случилось нечто необычное. Я уже довольно долго ждал появления девушки, и наконец она пришла, незаметно выскользнув из тени. Но когда она наклонилась над водоемом, я заметил, что на этот раз девушка непривычно задумчива и грустна. Неожиданно раздались ужасный треск и грохот, произошел настоящий взрыв, и я оказался лежащим навзничь на полу. Когда сознание вернулось ко мне, я почувствовал довольно сильную боль в месте ушиба. Однако самочувствие волновало меня гораздо меньше того факта, что мой драгоценный микроскоп разбился вдребезги. Повсюду в комнате были разбросаны осколки его самой большой увеличительной линзы. Не знаю, как и почему я не погиб и остался жив. Золотое кольцо, нетронутое и не изменившееся, лежало на полу. Стоит ли говорить о том, что значила для меня потеря микроскопа. Я с горечью понял, что никогда не смогу заменить разбитую линзу или, по крайней мере, мне понадобится для этого несколько лет.



И к тому же, господа, я почувствовал нечто более ужасное: я осознал, что мое научное открытие мало значило для меня.

Но девушка!.. Надо такому случиться, что единственное существо, которое я смог бы полюбить, жило в своем собственном мире, в своей Вселенной, в атоме золотого кольца.

Химик замолчал и обвел взглядом напряженные лица слушателей.

— Почти невероятная история, — задумчиво произнес Врач.

— Но что послужило причиной взрыва? — спросил Молодой Человек.

— Я не знаю, — признался Химик. (Он обернулся к Врачу, лишь одному из присутствующих серьезно воспринимавшему рассказ Химика). — Я думаю, что молекулы увеличительной линзы расщепились под длительным воздействием излучения неизвестной природы, которое я подробно вам описал. А в тот злополучный вечер я засиделся за микроскопом дольше обычного.

Врач утвердительно кивнул головой, видимо, соглашаясь с высказанной гипотезой. Недоверчивый Банкир, пораженный против собственной воли рассказом Химика, налил себе немного коньяка и, слегка подавшись вперед в мягком кресле, задал мучивший его вопрос:

— Вы действительно полагаете, что в данный момент девушка по-прежнему находится внутри золотого кольца?

— А я утверждаю, что все это абсурд, — запротестовал Бизнесмен.

— У меня совершенно противоположное мнение, — сказал

Химик. — Я уверен, что любая частица нашей вселенной содержит в себе другую вселенную, не менее сложную и полноценную, которая достаточно просторна для обитателей. Я думаю, что и наше межпланетное пространство, и солнечная система, и даже самые далекие звезды являются атомами другой гигантской вселенной, точно так же, как наша планета кажется колоссальной по сравнению со вселенной золотого кольца.

— Боже мой! — прошептал Молодой Человек.

— В подобных условиях ощущаешь себя маленькой песчинкой, — заметил Бизнесмен.

Химик улыбнулся:

— Существование отдельного индивида, целой нации или вселенной не имеют никакого значения.

— Так значит, возможно, — вмешался в спор Врач, что наша огромная вселенная, частью которой мы являемся, представляет собой лишь атом другой вселенной, еще более колоссальной? И так до бесконечности…

— В этом и состоит суть моей теории, — подтвердил Химик.

— И в любом атоме скалы грота в золотом кольце может содержаться иной мир, еще более малых размеров?

— Я не вижу причины сомневаться в этом, — спокойно сказал Химик.

— Но, черт побери, у нас нет никаких доказательств, чтобы мы могли поверить в правдоподобность теории уважаемого Химика, — заявил Банкир.

— Я представлю вам убедительные доказательства, — заметил невозмутимый Химик.

— Как вы думаете, — спросил Врач, — все эти бесчисленные миры, самые большие и самые малые, заселены живыми существами?

— Я думаю, что большинство миров являются таковыми. Существование жизни — один из самых фундаментальных законов бытия, таких же, как и существование неживой материи, — ответил Химик.

— Можете ли вы объяснить, каким образом попала девушка в золотое кольцо? — спросил Молодой Человек.

— Но больше всего меня удивило то, — продолжал Химик, игнорируя вопрос, — что девушка была похожа на представителей человеческой цивилизации. Я долго размышлял по этому поводу и мучительно искал ответ. И наконец пришел к убеждению, что живущие во всех малых и огромных мирах в той или иной степени походят на нас, на людей. Наш внешний облик тождествен, хотя некоторые различия должны существовать. Посмотрите, ведь золотое кольцо находится в той же атмосфере,

что и мы с вами. На него воздействуют силы нашей вселенной. Но если бы это кольцо было создано, например, на Марсе, я уверен, что мир, содержащийся в нем, был бы заселен существами с внешностью, подобной внешности марсиан, если, конечно, существуют сами марсиане.

Естественно, за пределами нашего бытия, без сомнения, происходят большие или меньшие изменения, которые возрастают пропорционально степени удаленности от мира, в котором мы живем.

— А я хотел бы все же знать, как могла девушка попасть сюда? — сказал Молодой Человек, пристально глядя на обручальное кольцо.

— Девушка никак и не попадала внутрь кольца, — возразил Врач, — она живет там и могла быть рождена, как вы или я.

— Да, я разделяю ваше мнение, — с благодарностью посмотрев на Врача, спокойно сказал Химик. — И все же есть нюансы, на которые я пока не в состоянии дать ответ. Девушка была точно уменьшенной копией земной женщины.

— Ну, а все же, каким способом вы рассчитываете доказать жизнеспособность вашей гипотезы? — спросил Банкир, не изменяя и на этот раз здравому смыслу, что все время раздражало находящихся в комнате.

Химик взял кольцо и надел себе на палец.

— Господа! Я постарался изложить вам факты, а не голословную теорию. Все, что я наблюдал в сверхмощный микроскоп, — научный факт, а не теория. А отвечая на ваши вопросы, я изложил лишь предложение, требующее, безусловно, научных доказательств.

— Вы совершенно правы, — сказал Врач, — но я надеюсь, что мы услышим, каким образом вы думаете добыть эти доказательства?

У присутствующих создалось впечатление, что Химик решился на продолжение разговора только после некоторых колебаний:

— Я расскажу вам, господа, что было дальше. Когда мой микроскоп разбился, я стал похож на странника, сбившегося с правильного пути. Я не представлял себе, как продолжать свои научные исследования. Несколько недель я бился над решением столь внезапно вставшей передо мной проблемы. Наконец, я принял решение возобновить опыт в прямо противоположном направлении, опираясь на теорию… Я удивлен, что вы до сих пор не догадались об этом сами.

Химик замолчал и многозначительно посмотрел на своих друзей. Но никто из них не сказал ни слова.

— Я не готов представить вам необходимые доказательства сегодня вечером. Но не согласитесь ли вы поужинать со мной здесь, в нашем клубе, ровно через неделю в восемь часов вечера?

Все присутствующие выразили согласие.

— Вот и чудесно. Встретимся в семь часов, — сказал Химик, вставая с кресла.

— И все же, что представляет собой теория, о которой мы должны были догадаться? — спросил Молодой Человек.

Положив руки на спинку кресла, Химик улыбнулся:

— Единственно возможный путь разрешения данной проблемы — это найти средство, способное уменьшить меня до таких размеров, чтобы я смог проникнуть в неизвестный мир. И это средство я нашел! Ровно через неделю в вашем присутствии, господа, я собираюсь проникнуть внутрь кольца именно через то место, где его поверхность слегка поцарапана.

Путь в кольцо

Ужин подходил к концу. Все закурили ароматные сигары, когда Врач затронул вопрос, занимавший мысли всех присутствующих.

— У меня есть тост, господа, — сказал Врач, поднимая бокал. — Я предлагаю выпить за великого Химика, исследователя больших и малых вселенных. И пусть удача сопутствует ему в сегодняшнем предприятии.

Химик поклонился в знак благодарности:

— Сначала я хотел бы рассказать вам о том, чем занимался два года. Я постараюсь не усложнять мою теорию, а изложить основные тезисы в доступной для всех форме. У вас есть возможность сделать собственные выводы. Итак, вы помните о возникшей передо мной дилемме после того, как разбился микроскоп. Потеря микроскопа и невозможность его замены подтолкнули меня к решению более смелому, нежели просто визуальное наблюдение за микроскопическим миром. Как я уже говорил, благодаря физической близости, однородности окружения, если можно так выразиться, невидимый для нас крохотный мир должен содержать в себе жизнь, тождественную жизни на Земле. Существовало лишь единственное препятствие между мной и микроскопическим миром — различие размеров. Дистанция, разделяющая нашу Вселенную от мира, заключенного в кольце, или бесконечно велика, или бесконечно мала. Все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на проблему. Сейчас, сохраняя свои реальные размеры, я нахожусь лишь в нескольких метрах от золотого кольца, лежащего на столе. Но от

некоего жителя иной вселенной мы так же далеки, насколько удалены от нас небесные светила и звезды.

Химик прервал на секунду свою речь и жестом попросил официанта оставить их в комнате одних.

— Изменение размеров тела обусловлено сокращением тканей. Моя задача состояла в том, чтобы найти практически безвредный химический состав, действующий на клетки тела так, что их размеры уменьшаются, а сама структура не изменяется. В этом случае все части тела должны уменьшаться пропорционально во избежание непредвиденных деформаций. После относительно недолгих исследований я столкнулся с препятствием, казавшимся неразрешимым. Как вы знаете, господа, наше тело полностью контролируется духовной субстанцией, так называемым «сознанием». В любой момент подсознание посылает импульсы и влияет на жизнедеятельность каждой клетки человеческого организма. После смерти данная субстанция также отмирает, клетки, оставшиеся без контроля, погибают, и в конце концов тело полностью разлагается.

Итак, я понял, что не смогу воздействовать отдельно на каждую клетку, так как все они находятся под влиянием сознания. Но с другой стороны я отдавал себе отчет в том, что не могу обойтись без сознания, иначе бы я умер.

В течение нескольких месяцев я ни на йоту не продвинулся в своих исследованиях. Затем мне удалось все же найти решение проблемы. Я пришел к выводу, что после смерти тело не сразу начинает разлагаться. Этого времени было достаточно для уменьшения размеров клеток. Я старался разработать химический состав, способный отключить подсознание на период уменьшения размеров клеток, подобно тому, как подавляется сознание посредством гипноза.

Я не буду утомлять вас пересказом подробностей многочисленных химических опытов, которые я провел. Большей частью я экспериментировал на кроликах. По прошествии скольких-то недель мне удалось на несколько часов полностью погасить жизненные процессы у одного из них. Это был не транс, не кома, а скорее состояние, близкое к клинической смерти. При оживлении у кролика не было никаких побочных явлений. Сам процесс уменьшения размеров клеток был очень трудоемким, мои исследования я закончил чуть менее шести месяцев назад.

— И все же вам удалось сделать животное очень маленьким? — спросил Бизнесмен.

Химик мягко улыбнулся:

— На прошлой неделе я отправил четырех кроликов в неизвестность. Я сам рассчитывал проникнуть в неизвестный мир,

достигнув необходимых для этого размеров, но вскоре понял, что нужный мне результат нельзя получить, если я буду находиться в бессознательном состоянии. Только за счет последовательного введения доз моего препарата и эффекта замедления, на котором я остановлюсь чуть позже, я мог надеяться на достижение желаемых размеров тела. Необходимо было выполнить еще одно наиважнейшее условие — проникнуть в кольцо через точно выбранное мной место и сделать это за один раз, когда мои размеры будут подходящими для этого.

— Вы решили эту проблему? — спросил Банкир. — Я горю нетерпением увидеть все своими глазами!

Химик извлек из своего портмоне два бумажных пакетика:

— Эти химические препараты — результат моих исследований. Один из них способен вызывать уменьшение размеров клеток, другой, наоборот — увеличение. Принимаемые вместе, препараты не производят никакого эффекта. Небольшое количество одного препарата нейтрализует действие другого.

Химик вскрыл пакетики и достал из них два стеклянных пузырька.

— Как видите, я держу в руках маленькие таблетки, каждая из которых содержит совсем незначительное количество химического препарата. Так вот, я рассчитываю достигнуть необходимых размеров, последовательно принимая таблетки неравными дозами, чередуя противоположные по воздействию препараты.

В разговор вмешался Врач:

— Есть деталь, о которой вы так и не упомянули. Пузырьки с таблетками будут изменяться в своих размерах одновременно с вами?

— В ходе моих экспериментов я установил, что любой предмет, находящийся в тесном контакте с живым сокращающимся телом, сокращается в таких же пропорциях. Вы можете убедиться в непреложности открытого мной закона, наблюдая за моей одеждой. Что касается таблеток, то я положу их себе под мышки.

— А если вы умрете, если вас убьют, сокращение клеток прекратится? — спросил Врач.

— Да, почти мгновенно. Очевидно, я и буду действовать, управляемый импульсами подсознания, заторможенного под воздействием таблеток. Но когда смерть разрушит ментальную субстанцию, препарат уже не будет действовать на клетки, их уменьшение или увеличение станет невозможным и прекратится сразу же после моей гибели.

— Вы намерены принять таблетки сегодня вечером? —

хладнокровно поинтересовался Бизнесмен.

— Да, если вы захотите помочь мне в этом.

Химик не спеша закурил сигару и продолжал:

— Я сделал все необходимое. Клуб предоставил комнату в наше полное распоряжение на сорок восемь часов. По вашему требованию, господа, в любое время здесь для вас будет сервирован стол. У меня есть к вам единственная просьба — обязательно сменять друг друга, чтобы вести наблюдения и охранять золотое кольцо все сорок восемь часов.

— Итак, согласны ли вы выполнить мои просьбы? — спросил Химик.

— И вы столь опрометчиво решаетесь на это? — спросил в свою очередь Врач.

— Я поступаю так, чтобы убедить вас в моей абсолютной искренности. Именно поэтому я посвятил вас в свою сокровенную тайну. Ну что же, начнем, пожалуй, наш рискованный эксперимент. Хорошо ли заперты двери?

Молодой Человек запер все двери на ключ.

— Спасибо, — сказал Химик и начал снимать с себя одежду.

Вскоре он остался лишь в тонком нижнем белье. С помощью узких ремешков под мышками были закреплены два шелковых мешочка. В них Химик положил по флакону, предварительно достав из каждого пузырька четыре таблетки. В этот момент Банкир поднялся из-за стола, прошел в глубь комнаты и сел в мягкое кресло. Дрожащей рукой он провел по лбу, на котором выступили капельки пота.

— Я почти уверен, — снова заговорил Химик, — что моя одежда и это «снаряжение» начнут уменьшаться одновременно с моим телом. Но если все же кожаные ремни будут «сопротивляться», мне придется держать пузырьки с таблетками в руке.

Химик расстелил на ковре черный шелковый платок и положил на него обручальное кольцо. Затем взял маленькую чайную ложечку и протянул ее Врачу.

— Слушайте меня внимательно, от этого зависит успех предпринятого нами эксперимента, да и моя жизнь тоже будет полностью зависеть от ваших действий в ближайшие минуты. Вы прекрасно понимаете, что наступит момент, когда я приму такие размеры, что вы не сможете услышать мой голос. Именно поэтому я хочу сейчас объяснить вам, к чему вы должны приготовиться. Когда мой рост будет приблизительно в двадцать пять сантиметров, я встану на черный шелковый платок. На черном фоне вы легко сможете различить мою белую майку. Как только мой рост уменьшится до двух сантиметров, я подойду к кольцу

совсем близко. И, наконец, когда, по моим расчетам, я смогу уменьшиться до размеров чуть более полсантиметра, я взберусь на кольцо и по-прежнему буду идти по поверхности, пока не найду место, где на кольце есть царапина.

Так вот, я хочу, чтобы вы внимательно следили за моими перемещениями. Я рискую все-таки ошибиться в своих расчетах и уменьшиться быстрее, если у меня не хватит сил взобраться на кольцо. Или случится так, что я неожиданно упаду с кольца. И в том, и в другом случае подставьте мне ложечку, и я смогу по ней подняться. Постарайтесь учесть все мои просьбы. Все ли вам понятно?

Врач утвердительно кивнул головой.

— Вот и великолепно! Ваша основная задача — наблюдать за мной, пока я буду находиться в поле вашего зрения. Если произойдет что-либо непредвиденное, я приму таблетки, вызывающие рост клеток, и снова окажусь среди вас. Вы должны быть готовы к этому в любой момент в течение ближайших сорока восьми часов. Что бы ни случилось, если останусь живым, я вернусь до того, как истечет указанный срок.

И последнее, господа. Я заклинаю всех вас не прикасаться к обручальному кольцу в ближайшие двое суток. От этого также будет зависеть моя безопасность. Я могу рассчитывать на ваше благоразумие, господа?

— Ну конечно, — ответили все хором.

— Когда я начну принимать таблетки, — снова заговорил Химик, — я не скажу больше ни слова, если только в этом не будет крайней необходимости. Я не собираюсь описывать вам свои ощущения, хотя и буду внимательно контролировать их. Именно поэтому я должен находиться в полной тишине.

Химик погасил все лампы в комнате, оставив лишь один светильник, свет от которого падал прямо на черный платок и золотое кольцо. Он обвел внимательно взглядом своих друзей.

— До свидания, господа! — сказал исследователь и пожал руку каждому из собравшихся в комнате. — Пожелайте мне удачи!

Без колебаний Химик положил в рот четыре таблетки и запил их водой. В комнате воцарилась тишина. Тем временем Химик сел на пол и обхватил голову руками. Все присутствующие хранили молчание, прерываемое лишь тяжелым дыханием Банкира, развалившегося в кресле.

— Но, Боже мой, посмотрите, он действительно начинает уменьшаться, — испуганно прошептал Бизнесмен, поворачиваясь к Врачу.

Химик приподнял голову и улыбнулся им. Он не спеша встал

и оперся на стул. Теперь его рост составлял чуть более одного метра. Тело Химика постепенно уменьшалось под взглядами оцепеневших наблюдателей. Экспериментатор сделал знак, указывающий на то, что он хочет что-то сказать Врачу. Врач присел на корточки рядом с Химиком.

— Все прекрасно! До свидания! Помните о ваших действиях! — произнес Химик тоненьким голосом.

Затем он встал на черный платок, расстеленный на полу. Врач присел на пол совсем рядом с платком, держа в руке ложку. Все, за исключением Банкира, последовали его примеру. Неподвижная фигурка Химика, походившая на деревянную игрушку, была теперь менее двух сантиметров.

Подняв руку и улыбнувшись, маленькая фигурка начала быстро двигаться, а затем бежать по направлению к кольцу. И когда наконец, запыхавшись, она добралась туда, размеры тела Химика были лишь в два раза больше ширины обручального кольца. Легко вспрыгнув на кольцо, он сел на его ребро, крепко держась двумя руками. Затем осторожно встал, стараясь не потерять равновесия, и, имитируя движения канатоходца, стал перемещаться по окружности кольца к тому месту, где находилась царапина.

Бизнесмен положил руку на плечо Врача и сделал попытку улыбнуться, чтобы как-то скрыть охватившее его волнение:

— Однако, молодец! Он не ошибся в расчетах.

И словно в ответ Бизнесмену, едва видимая фигурка помахала руками. Все присутствующие уже плохо различали белую крохотную точку на золотой поверхности кольца.

— Я уже не вижу его, — растерянно прошептал Молодой Человек.

— Он подошел совсем близко к царапине, — ответил Врач, наклонившись к платку. — А вот теперь Химик исчез.

Врач поднялся с колен и воскликнул:

— Как же мы не догадались взять микроскоп?!

— Я не подумал об этом, — признался Бизнесмен. — Это дало бы нам возможность наблюдать за Химиком намного дольше. А теперь он исчез, и нам ничего не остается, как только ждать его возвращения.

Молодой Человек тяжело вздохнул:

— Я надеюсь, что Химику удастся встретиться с девушкой, поющей у реки.

Сорок восемь часов спустя

Банкир громко храпел, удобно расположившись на мягком

кожаном диване, стоявшем в углу комнаты. Рядом с ним в кресле, забросив ноги на стол, безмятежно спал Молодой Человек. Бизнесмен и Врач сидели на полу около черного платка, на котором по-прежнему лежало обручальное кольцо.

— Сколько времени прошло с тех пор, как он отправился в свое путешествие? — спросил Банкир.

— Ровно сорок часов, — ответил Врач, взглянув на часы. — Он сказал, что сорок восемь часов — это предел. Я думаю, наш друг вернется к десяти часам.

— А я мучаюсь вопросом, вернется ли он вообще, — пробурчал Бизнесмен.

Некоторое время они молчали. Затем Бизнесмен снова возобновил разговор:

— Вам необходимо отдохнуть. Постарайтесь заснуть, у вас усталый вид. А я буду продолжать наблюдение.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Врач. — Надо разбудить мальчишку, а то он ничего не делает, только спит.

— Не надо, пускай спит. Я буду бодрствовать. Располагайтесь здесь.

Врач послушался совета. А Бизнесмен, взяв диванную подушку, устроился на полу поудобнее и продолжил несение караульной службы.

Врач заснул мгновенно, не произнеся больше ни слова. Бизнесмен не отводил беспокойных глаз от кольца, наклоняясь иногда к нему совсем близко. Каждые десять-пятнадцать минут он сверял время по своим наручным часам. Прошел час. Молодой Человек проснулся. Позевывая, он с недоумением озирался по сторонам.

— Они вернулись? — спросил он сонным голосом. Бизнесмен, слегка удивленный, шепотом уточнил:

— Кто это они? О ком вы говорите?

— Мне приснилось, что Химик привел с собой девушку из кольца.

— Будет лучше, если вы опять уснете. Впереди еще семь часов ожидания, — любезно предложил Бизнесмен.

Молодой Человек поднялся с кресла и прошелся по комнате.

— Нет, я тоже хочу внести посильную лепту в общее дело, — решительно заявил юноша, садясь рядом с Бизнесменом на пол. — Сколько сейчас времени?

— Без пятнадцати три.

— До десяти еще много времени. А я горю нетерпением увидеть девушку.

Бизнесмен поднялся с пола и подошел к накрытому столу:

— Черт побери, я хочу есть. Я так увлекся, что забыл о еде.

Он приподнял серебряную крышку. Наверно, то, что увидел Бизнесмен, показалось ему аппетитным, потому что он придвинул стул и с довольным видом принялся за еду.

Молодой Человек закурил сигарету.

— Если Химик не вернется, это будет трагедией всей моей жизни.

Бизнесмен улыбнулся. Он заканчивал трапезу и собирался тоже закурить сигарету, когда услышанное заставило его вдруг выскочить из-за стола.

— Идите скорее сюда! — кричал юноша, склонившись над кольцом. Дрожащей рукой он указывал на золотое украшение. — Смотрите, совсем рядом возле царапины лежит Химик. Я вижу его.

— Позвольте и мне взглянуть, наконец, — с раздражением сказал Бизнесмен. Он склонился над кольцом, а затем поспешил разбудить Врача.

Врач с любопытством посмотрел на золотое колечко, не скрывая всей гаммы охвативших его чувств. Бизнесмен разбудил Банкира.

— Но он не увеличивается в размерах. Он просто лежит. А может быть, он мертв? — спросил Молодой Человек.

— Что же мы можем предпринять в данной ситуации? — задал вопрос Бизнесмен. Он уже протянул руку, чтобы взять кольцо, но Врач решительно помешал ему сделать это.

— Не смейте! Вы хотите погубить нашего друга?

— Он медленно поднимается, а значит, он жив. Смотрите же! — радостно воскликнул Молодой Человек.

— Он, должно быть, пришел в сознание, — предположил Врач, — и сейчас начнет принимать свои таблетки.

— Его тело увеличивается. Смотрите же, — проговорил нетерпеливый юноша.

Почти крошечный человек сидел теперь на ребре кольца, свесив ноги. С каждым мгновением размеры его тела заметно увеличивались. Вскоре он спрыгнул с кольца и упал на шелковый платок.

— Да он ранен, весь исцарапан, — взволнованно сказал Молодой Человек, не отрывавший взгляда от движущейся белой точки.

Рост человека все увеличивался, и можно было различить суровое лицо Химика.

— Взгляните на его ноги, — прошептал Бизнесмен. Действительно, ноги их друга были покрыты ранами, синяками и кровоподтеками. Заметно было, что они сильно распухли.

Врач наклонился и заботливо поинтересовался:

— Чем я могу вам помочь?

Химик покачал головой. Когда он достиг высоты в двадцать пять сантиметров, Химик поднял голову и замахал руками, призывая Врача наклониться к нему поближе.

— Коньяк, прошу вас, налейте мне коньяка! — едва слышно прошептал Химик.

— Он хочет коньяка, — закричал Врач, — быстро принесите кто-нибудь!

Молодой Человек тотчас же вскочил, быстро открыл дверь и вышел.

Когда он вернулся, рост Химика составлял примерно метр. Он сидел на полу, опираясь спиной на колени Врача.

— Держите, — с улыбкой сказал Молодой Человек, протягивая Химику рюмку.

Тот одним глотком выпил коньяк. Заметно приободрившись, он встал с пола:

— Можно подумать, что я перестал расти. Поскорее покончим с этим. Я должен поспешить обрести мой нормальный рост.

Врач помог ему извлечь пузырьки с таблетками. Химик положил в рот две из них, затем снова лег на пол, закрыл глаза и прошептал:

— Этой дозы должно хватить.

В течение десяти минут никто не проронил ни слова. Постепенно тело Химика росло, что заставляло Врача много раз изменять положение, чтобы в любую минуту быть готовым оказать помощь. Наконец, Химик, казалось, почти достиг своих реальных размеров.

Первым заговорил Банкир:

— Все произошло так, как вы и предполагали?

— Даже в большей мере, — спокойно отозвался Химик. — Я расскажу вам все по порядку. После первых четырех таблеток у меня внезапно возникло головокружение, сопровождавшееся сильной тошнотой. Но вскоре это чувство прошло.

Химик замолчал и закурил сигарету.

— Вы помните, что я сидел на полу, закрыв глаза. Когда я снова их открыл, ощущение головокружения несколько смягчилось, но теперь на меня навалилась дремота, от которой невозможно было отделаться.

Моим первым ощущением было оцепенение при виде вас, таких огромных. Когда я стоял, опершись на стул, и вы, доктор, склонились надо мной, вы возвышались, словно четырехметровый гигант. Мне казалось, что комната со всем ее содержимым медленно поднимается. Меня клонило в сон, но мое самочувствие оставалось нормальным. Я не ощущал никаких перемен в моем

организме, но зато все, окружавшее меня, приобретало чудовищные пропорции.

Можете ли вы представить человеческое существо высотой в тридцать метров? Именно такими вы мне казались, когда я встал на шелковый платок и попрощался с вами.

Справа от меня располагалось кольцо. Я довольно медленно направился к нему, но кольцо в моих глазах становилось все больше и больше, расстояние между ним и мной не сокращалось, а все больше увеличивалось. Тогда я побежал и, когда мне удалось достигнуть кольца, без особых усилий подпрыгнул и зацепился за его край.

Я физически ощущал, как с каждой секундой кольцо увеличивалось в размерах. Затем мне удалось вспрыгнуть на поверхность кольца, и я осторожно, стараясь соблюдать равновесие, направился к месту, где на кольце была царапина. Я заметил, что перемещаюсь по узкой дороге, которая постепенно расширяется. Почва под моими ногами напоминала бугристый желтоватый кварц. У подножия выпуклой части простиралась черная блестящая равнина. Вершины окаймлявших ее хребтов загадочно светились. С одной стороны черная равнина доходила до горизонта, а с другой она представляла собой некую долину, окруженную желтой блестящей стеной.

С каждым шагом почва становилась все более бугристой, что представляло для меня определенные трудности. Мне приходилось постоянно наклоняться вправо, чтобы не упасть. Я ускорил шаг и вдруг с удивлением обнаружил тропинку, выложенную из камней. Пройдя по ней совсем немного, я убедился, что она ведет к расселине, через которую я мог проникнуть внутрь кольца.

Щель тянулась приблизительно метров на тридцать. Итак, моя первая цель была достигнута. Я находился внутри золотого кольца. Но это было лишь начало моего путешествия. Я сел на край пропасти и внимательно изучил расселину, которая на моих глазах становилась все шире и глубже. Мне необходимо было спуститься вниз, если я хотел достигнуть самого дна. Почти шесть часов я спускался по довольно крутому склону. Предметы, окружавшие меня, перестали увеличиваться и расти в моих глазах, из чего я сделал единственно верный вывод, что действие таблеток прекратилось. Размеры моего тела уже не изменялись. Небесный свет едва проникал в каньон. Над головой я видел лишь узкую полоску тусклого голубого цвета. Но больше всего меня поразило то, что, хотя в расселине царила почти полная темнота, меня окутывало странное свечение, исходящее от скал, камней, почвы.

Я не сказал вам, господа, что, выбирая кольцо как предмет изучения под микроскопом, на месте царапины я сделал дополнительное углубление. Именно в это место я направлял каждый вечер окуляр моего микроскопа. Теперь моей задачей было отыскать эту выемку. К счастью, мне не составило большого труда найти ее. Это была почти круглая впадина со светящимися стенками, диаметр которой составлял семь-восемь километров. Я не представлял себе, каким образом смогу спуститься туда.

Теперь к мучившей меня сонливости добавилась и естественная физическая усталость. Силы мои были на исходе, и я не в состоянии был противостоять натиску окутывающего меня сна. Мне казалось, я прилег лишь на секунду, но, очевидно, мгновенно потерял сознание и проспал очень долго. Отчетливо помню отвратительное ощущение скольжения, мучившее меня во сне. Мне казалось, что в течение многих часов я скольжу вниз головой. Поверьте, это было жутко и страшно. Я хотел проснуться, но все мои попытки так и не увенчались успехом. Затем наступило полное забвение.

Когда я вновь пришел в себя, то обнаружил, что лежу на незнакомой поверхности, усыпанной гладкими и блестящими камешками. С головы до ног я был покрыт кровоточащими ранами, синяками, порезами. У меня был еще более жалкий вид, чем после возвращения сюда. Усилием воли я заставил себя подняться и осмотреться. Почва склона, по которому я спускался во сне, представляла собой гладкую субстанцию, напоминающую черный мрамор, и отличалась разнообразием. Она была то ровной и блестящей, как поверхность металла, то бугристой и волнообразной. Вдалеке тянулась длинная цепочка гор. Превозмогая боль, которая охватила все тело, я решил двигаться в выбранном направлении. Я шел по местности, бывшей некогда густым лесом, но теперь почему-то полностью опустошенной. Иногда на пути изредка попадались уцелевшие деревья, но в основном повсюду были видны лишь стволы сломанных, раздавленных, вырванных с корнем деревьев, наполовину засыпанных землей. Не могу вам передать, господа, впечатление сверхъестественной мощи подобного явления. Никакие бури и молнии или другая природная стихия не могли бы породить и частично разрушение, которое я наблюдал перед собой.

Я осторожно взобрался на поваленный ствол. Отсюда, с высоты, можно было отлично обозревать всю панораму. В трехстах метрах от меня начинался густой девственный лес. За моей спиной приблизительно на километр простиралась полоса леса, уничтоженного таинственной силой.

Через час, а это был самый изнурительный час за все время

моего путешествия, мне удалось выйти на опушку густого леса. На одном из деревьев я заметил вьющееся по стволу растение с серыми ягодами, напоминавшими мне по виду и по вкусу черную смородину. Чтобы подкрепить силы, мне пришлось съесть достаточно большое количество этих ягод.

Поначалу мне показалось, что в лесу нет никаких признаков жизни. Но прислушавшись, я различил звуки, издаваемые насекомыми, а затем увидел и несколько пролетевших над моей головой птиц.

Возможно, господа, я описываю вам привычный земной пейзаж, но вопреки своей воле. Вы помните, что над моей головой не было голубого неба, кругом царили темнота, мрак. И тем не менее, благодаря таинственному свечению, о котором я уже неоднократно упоминал, у меня создалось впечатление, что все происходит при привычном дневном свете. Рассматривать и изучать окружавшие меня предметы не представляло ни малейшего труда. По отношению к моему росту деревья казались невероятно большими, с ровными стволами. За исключением самого верха, ветки отсутствовали на всем протяжении ствола. Многие из них, серо-голубого цвета, были обвиты уже упомянутыми мной растениями с серыми ягодами. Доминирующим цветом в лесу был голубой, а отнюдь не зеленый, как в привычном для нас мире. Землю покрывал ковер из сухих листьев и мягкого серого мха. Мне попадались и серо-голубые грибы, но я остерегался их пробовать. Пройдя в глубь леса около трех километров, я неожиданно вышел на берег реки, серебряная поверхность которой излучала характерное фосфоресцирующее свечение. Вода в реке была чистая и свежая, и я с огромным удовольствием утолил мучившую меня жажду. После длительного и изнурительного путешествия я чувствовал себя уставшим и не способным продолжать путь. Удобно расположившись на мягком сером мху на берегу, я заснул глубоким и крепким сном.

Лильда

Я проснулся от того, что кто-то ласково гладил мое лицо и волосы, мгновенно вскочил и протер глаза, еще не отдавая себе отчет, где нахожусь. Когда я смог, наконец, полностью прийти в себя и окончательно освободиться от сна, то увидел лицо девушки, сидящей на земле напротив меня. Вы, наверно, догадались, господа, что я тотчас узнал ее. Да, это была она, девушка, за которой я наблюдал в микроскоп. Она не испытывала страха или удивления при моем внезапном появлении. Об этом свидетельствовал ее спокойный и безмятежный вид. На девушке

была та же одежда. Меня поразила ее хрупкая красота, но теперь она показалась мне еще более привлекательной и очаровательной. Бросалась в глаза и другая деталь — молодая женщина выглядела значительно старше. Казалось, она постарела на несколько лет с тех пор, как я видел ее в последний раз. Однако, вне всякого сомнения, это была та прекрасная девушка, за которой я наблюдал через увеличительное стекло микроскопа.

Несколько секунд в тишине мы внимательно разглядывали друг друга. Потом она ласково улыбнулась мне и протянула руку, что-то говоря на непонятном языке. У нее был мягкий и мелодичный голос, а ее слова казались мне прозрачными; мне трудно подобрать более точное описание. Я ничего не понял из сказанного девушкой потому, что то ли слова были не известны мне, то ли интонация ее речи не походила ни на какую, ранее мне знакомую. Однако разделявший нас языковой барьер не стал непреодолимым препятствием. Вообразите, не я, а она впоследствии легко овладела нашим языком.

Молодой Человек облегченно вздохнул. А Химик, выпив еще одну рюмку коньяка, продолжал свой рассказ:

— Мы сразу стали добрыми друзьями. И по ее отношению ко мне было видно, что девушка догадалась, откуда и зачем я проник в ее мир. Наша первая попытка общения вызвала у нас смех. Но иногда по жестам, мимике она догадывалась о значении непонятных для нее слов и тогда радостно взмахивала руками, напоминая расшалившегося ребенка. Мне удалось понять, что девушку зовут Лильда и что живет она довольно далеко отсюда. Наконец Лильда с видом собственника, что доставило немалое удовольствие мне, взяла меня за руку и потащила куда-то.

Когда мы прошли несколько сот метров по лесу, я заметил, что Лильда подвела меня ко входу в грот или туннель, идущий вниз под углом около двадцати градусов.

Мы находились на глубине пятнадцати метров среди кристаллических скал. Вокруг я не заметил никакого источника искусственного света, однако все вокруг в пещере было хорошо освещено. Это объяснялось тем, что от каждой минеральной частицы здесь исходило фосфоресцирующее излучение, природа которого для меня оставалась пока тайной. Мы шли по многочисленным подземным туннелям. На своем пути мы встречали мужчин и женщин — жителей мира золотого кольца. Все они были одеты так, как и Лильда. Мужчины носили волосы до плеч. Позже я смог заметить, что кожа у них была более серой и грубой, чем кожа женщин, отличающаяся прозрачностью и перламутровым оттенком. По своему телосложению мужчины казались несколько худощавыми, но были стройными, с отлично

развитой мускулатурой.

Все, кого мы встречали на своем пути, вызывали у меня чувство симпатии. Они, не скрывая жгучего любопытства, рассматривали меня с головы до ног. Очень часто нас останавливали небольшие группы забавных людей. Бледность моей кожи, напоминавшей мел и разительно отличавшейся от привычной им, веселила их и одновременно смущала. Но все они относились ко мне с подчеркнутым уважением и почтительностью. Позже я догадался, что этому способствовала Лильда, представлявшая меня своим друзьям и объяснявшая цель моего визита.

Наконец мы добрались до одного из обширных подземных перекрестков, заполненного огромной толпой. В стороне, в нише скалы, местный оратор, страстно жестикулируя, выступал с речью перед народом. Мы обогнули толпу, чтобы пройти в другой туннель, еще дальше уходивший в глубь земли. Я настолько был поглощен необычностью всего увиденного, что даже не чувствовал усталости, хотя мы с Лильдой прошли большое расстояние. Я не испытывал также ни малейшего страха. Искренность и любезность всех этих людей, дружеская и наивная непосредственность моего гида очаровали меня.

Едва Лильда и я успели зайти в туннель, как за нашими спинами раздались глухой грохот барабанов, резкая музыка, крики и овации. Нас с радостными криками догоняла толпа. Лильда, крепко сжав мою руку, стремительно бросилась бежать, увлекая меня за собой. Толпа вокруг становилась все больше, люди давили и толкали друг друга.

Однако я быстро понял, что намного физически сильнее местных жителей. Мне без особых усилий удалось растолкать любопытных и расчистить проход для нас с Лильдой. Они не сердились на меня и не выражали своего неудовольствия, несмотря на решительность моих действий. Должен признаться вам, господа, что еще никогда мне не доводилось встречать у людей такого благодушия и чувства юмора.

Вскоре толпа образовала вокруг нас такое плотное кольцо, что мы ни на шаг не могли продвинуться вперед. Тогда Лильда, хлопнув три раза в ладоши, произнесла несколько слов твердым и властным голосом. Довольно быстро люди расступились, а мы с девушкой поднялись по узкой каменной лестнице и очутились на созданной самой природой площадке, в пяти-шести метрах над головами людей. На площадке торжественно восседали несколько важных сановников. Лильда приветствовала их. Нам уступили место напротив парапета. Осмотревшись, я понял, что мы находимся у поперечного прохода, намного более широкого, чем

те, которые мы с Лильдой уже пересекли. И здесь мне пришлось испытать настоящее потрясение. К этому туннелю торжественным маршем шли солдаты, которых толпа встречала несмолкающими овациями. Воинственный пыл жителей и то, что он в себе таил, вызвали у меня настоящий шок. До сих пор я был свидетелем лишь дружеской любезности миролюбивого народа, чья жизнь казалась лишенной той жестокой борьбы за существование, которой полностью подчинен наш с вами мир, господа.

Я был почти уверен, что этот мир достиг того золотого возраста, когда общество смогло избавиться, наконец, от страха, ненависти и зла. Казалось, все это исчезло здесь давно, если вообще когда-нибудь существовало. Разочарование мое было безграничным.

Когда солдаты скрылись в просторном туннеле, толпа стала рассеиваться. Сановники, восседавшие на площадке, собрались уже уходить, когда Лильда подвела меня к одному из них. Вельможа был приблизительно одного роста со мной и носил обычную тунику, предназначавшуюся для обоих полов, но богато украшенную разноцветными жемчужинами. На груди у него висел загадочный, слегка выпуклый каменный талисман — видимо, некий отличительный знак.

После объяснений Лильды он подошел ко мне вплотную, с улыбкой положил руки на плечи и произнес слова приветствия. Потом сановник протянул мне руку, показав ладонью некий знак, как и Лильда при нашей встрече. Я точно повторил этот жест, приветствуя его в свою очередь. Таким же образом Лильда представила меня двум другим важным лицам. Мы спустились с каменной лестницы и вошли в незнакомый мне, но такой же огромный, как и все остальные, туннель, где я увидел нечто похожее на повозку. Это средство передвижения было сделано из дерева, а куча сухих листьев заменяла подушки. Кивком головы Лильда предложила мне сесть в повозку и села сама. Это транспортное средство имело полозья, одно из которых, шириной в полметра, было из шлифованного камня, а два других, более узких и коротких, находились с обеих сторон повозки в задней ее части.

Два каких-то животных, похожих на наших северных оленей, но серого цвета и без рогов, были впряжены в это своеобразное средство передвижения. Слуга почтительно приветствовал Лильду низким поклоном. Он тоже сел в повозку, устроившись на небольшой скамейке. Наше путешествие длилось больше часа. Основание туннеля было гладким, и мы легко, с большой скоростью скользили по склону подземного прохода. Сопровождавший нас поддерживал равновесие, пересаживаясь то

на одну, то на другую сторону, когда повозка сильно наклонялась.

Наконец, туннель кончился и мы очутились на свежем воздухе. Перед моим взором появился привычный земной пейзаж. Мы вышли на берег спокойного озера. Вдали была видна холмистая равнина, заросшая деревьями. Чуть ближе, на берегу озера, я заметил группу низких домиков с плоскими крышами. Один из них, самый большой, располагался на высоком холме.

Над нами простиралось безоблачное небо. И я различил на небосклоне несколько тусклых звездочек, отражавшихся на гладкой поверхности озера.

Мир в кольце

Химик прервал рассказ и закурил новую сигару.

— Может быть, господа, у вас возникли ко мне вопросы?

Врач, сидевший, задумавшись, в кресле, первым прервал молчание:

— У вас уже, наверно, есть гипотеза о строении того мира. Например, когда вы вышли из туннеля, вы находились в нем или вне его?

— И вы увидели то же самое небо, что и в лесу? — спросил в свою очередь Бизнесмен.

— Нет, все было так, как вы наблюдали в микроскоп? — нетерпеливо спросил Молодой Человек.

— Все ваши вопросы можно свести в один. Но это будет вопрос вопросов. Нет, друзья мои, у меня еще нет никакой стройной теории. Надо сначала упорядочить и систематизировать свои наблюдения. Но одна деталь, отпечатавшаяся в моем сознании, указала мне признак, позволивший понять данную вселенную. Я могу дать объяснение того, что составляет веру местного народа.

— Что же? — спросил Молодой Человек.

— Когда я изучал окружающее меня, я заметил, что отличает этот мир от всего виденного мной раньше. Как вы прекрасно знаете, господа, на нашей планете горизонт представляет собой прямую линию на границе неба и земли. Мы находимся на выпуклой поверхности. Когда же я смотрел на тот пейзаж, несмотря на отсутствие лунного света, мой взгляд простирался на многие километры. У меня было ощущение, будто я нахожусь в центре огромной неглубокой впадины. Земля поднималась вокруг меня. Линия горизонта отсутствовала, все терялось в каких-то сумерках. Таким образом, я был на вогнутой поверхности внутри, а не вне мира.

Ситуация, как я сейчас ее понимаю, была следующей: если считать тот микроскопический рост, которого я достиг, за метр восемьдесят, обычный мой рост, то с момента моей встречи с Лильдой мы опустились с ней на несколько тысяч километров. А, кстати, где кольцо?

— Вот оно, — сказал Молодой Человек, протягивая его Химику.

— Оно теперь мне еще дороже, — мягко улыбнувшись, произнес Химик и надел кольцо на безымянный палец.

— Еще бы, конечно! — воскликнул Молодой Человек.

— Вы легко поймете, каким образом мне удалось преодолеть такое расстояние, если обратите внимание на тот факт, что в первые часы моего пребывания в кольце я все-таки сохранял относительно большой рост. Сначала я пересек засушливую пустыню, созданную из того, что мы называем золотом. Затем я проник в еще не исследованную область во внутренней части атома кольца. От того места, где я впервые увидел лес, как мне позже объяснили, местность была заселена на сотни километров. Со всех сторон ее окаймляла пустыня, через которую никто и никогда до меня не проходил.

Эта поверхность представляла собой внешнюю часть Ороиды, как называли свою страну жители кольца. Здесь между внутренней и внешней частями страны всего лишь несколько километров.

В городе Арит, куда Лильда привела меня сначала и где я впервые увидел внутреннюю поверхность, кривизна последней немного больше, чем на Земле, но, как я уже говорил, имеет противоположное направление.

— Каков размер неба и пространства, заключенных в этой чаше, как вы думаете? — спросил Врач.

— Судя по кривизне поверхности, в Арите он составляет около десяти тысяч километров в диаметре.

— А внутренняя часть полностью исследована жителями золотого кольца? — поинтересовался Молодой Человек.

— Нет, лишь небольшая территория. Жители Ороиды не склонны к приключениям и не любят подвергать себя риску. В стране живут только две национальности общей численностью около двенадцати миллионов. И ни одна из них никогда не испытывала недостатка в территории.

— Ну, а звезды? — рискнул задать вопрос Молодой Человек.

— Я думаю, что они формируют солнечную систему, подобную нашей. Существует центральная звезда — солнце, вокруг которой вращаются остальные. Но вы, надеюсь, понимаете, что миры, заключенные в звездах, бесконечно малы, если

сравнивать их с Ороидой. А жители звезд — столь же крошечные по сравнению с жителями золотого кольца, как малы последние по сравнению с нами.

— Ради всего святого! — воскликнул Банкир. — Остановитесь, я вас умоляю!

— Расскажите нам о Лильде, — взмолился Молодой Человек.

— Вы проявляете слишком откровенный интерес, — засмеялся Химик. — Итак, причудливая повозка доставила нас прямо в Арит. Низенькие домики с одинаковым архитектурным решением были построены из полированного камня. Этим же камнем были вымощены улицы города. Все блестело чистотой. Первое впечатление от города было таким, будто его строили из недавно отполированного, но непрозрачного стекла.

Вокруг нас собрались дети, с любопытством разглядывавшие незнакомца. Лильда ласково, но властно велела им разойтись и не мешать нам. В этот момент мы подходили с ней к зданию, похожему по своей архитектуре на замок или крепость. Я догадался, что Лильда скорее всего была дочерью знатного и влиятельного господина и придворной дамой.

— Так там существует монархия? — удивился Бизнесмен. — Я никогда бы не подумал!

— Лильда называла правителя страны королем. Но правильнее было бы назвать его президентом, так как он избирается народом на срок, соответствующий нашим двадцати годам. Во время пребывания в Ороиде мне посчастливилось получить много разносторонних сведений об этой республике.

Пища жителей не отличается особым разнообразием; она состоит из незнакомых нам овощей и фруктов. Лильда приходила ко мне каждый день, и я понял вскоре, что в глубине души жду, когда король соблаговолит принять меня. Всего за несколько дней девушка достигла такого стремительного прогресса в языке, что я с облегчением отказался от мысли выучить язык жителей кольца. Теперь мы с Лильдой прекрасно общались на нашем с вами языке.

Лильда рассказала мне простую и трагическую историю своего народа, вечную историю попрания прав людей, драму доверчивого народа, наивно полагавшего, что все другие народы придерживаются тех же правил и живут по законам справедливости. В течение тысячелетий, с того момента, когда творец жизни спустился со звезды, чтобы населить их мир мыслящими существами, жители Ороиды вели мирное и безмятежное существование, не опьяняемые жаждой заманчивых приключений, жаждой познания неосвоенных земель, в изобилии окружавших их страну. Никакие дикие и хищные звери не

обитали в лесах. Плодородная и благодатная земля, мягкий климат — все способствовало тому, чтобы жители питали друг к другу самые нежные и благородные чувства. Жизнь была такой счастливой, такой приятной и легкой, что почти отпала необходимость в составлении кодекса многочисленных законов. Нарушение установленного радостного и счастливого уклада жизни было просто невозможным. Удивительный и не доступный для нашего понимания факт, господа, — никто из жителей не стремился к власти над другими. В стране царило равноправие и равенство. Ею управляли мудрые и заслужившие авторитет старейшины, почитаемые и любимые народом.

И вдруг наступило страшное пробуждение после векового мирного сна!

Из неизвестности внезапно пришла другая нация, чтобы покорить людей Ороиды. Легко ранимый, как несправедливо наказанный ребенок, народ Лильды начал уступать натиску пришельцев. Похищение большого количества женщин, что, казалось, и было основным стремлением завоевателей, явилось достаточным раздражителем. В душах миролюбивых мужчин Ороиды впервые проснулся гнев, и все они в едином порыве окунулись в тот ужас, что называют войной.

После победы над малитами в стране снова наступил мир и покой. Но коренные жители Ороиды не извлекли из войны никакого урока. Их сердцами опять овладело чувство, свойственное детям, что жизнь — всего лишь приятная и безобидная игра. В отношениях между ороидянами и малитами произошли изменения: малиты со временем все больше и больше расширяли границы своего государства за счет Ороиды. Между двумя соседними народами установились торговые отношения. Однако малиты, ослепленные инстинктивным стремлением к власти, желанием покорять других, считали себя высшими существами и по-прежнему ненавидели простых и миролюбивых ороидян.

О дальнейшем ходе событий вы можете легко догадаться, господа. Лильда совсем мало рассказывала мне о малитах, но ее нежелание вести разговор на эту тему и плохо скрываемое отвращение были гораздо красноречивее слов.

Четыре года назад, согласно летосчислению жителей кольца, малиты совершили вероломное нападение, и сегодня их войска развернуты в полном боевом порядке всего в нескольких стах километрах от Арита. Вот в таких условиях протекает жизнь обитателей золотого кольца. Согласитесь, господа, ситуация не отличается оригинальностью.

— Да, весьма любопытно, — задумчиво заметил Врач. — Все-

таки, как с этой точки зрения влияет на внутренний мир кольца окружение планеты Земля?

— На третий день моего пребывания я удостоился чести получить аудиенцию у короля.

Мы с Лильдой застали монарха сидящим на троне в маленькой комнате, выходившей на широкий двор, где собралась и томилась в нетерпении толпа верноподданных.

Должен вам признаться, господа, что Лильда видела во мне мессию, пришедшего, чтобы спасти ее народ от уничтожения. Она принимала меня за сверхъестественное существо, но, если хорошо призадуматься, так ведь оно и было в действительности.

Несколько недель подряд, до того дня, когда Лильда впервые нашла меня спящим на берегу реки, она ежедневно приходила сюда, как фанатичная паломница в святое место. По словам девушки, уже не один год у нее было предчувствие нашей встречи, а научные предположения отца девушки привели ее к мысли, что ждать моего появления необходимо на внешней стороне их мира. Прелюбопытная деталь, господа, — Лильда прекрасно помнит, при каких обстоятельствах у нее впервые возникло таинственное предчувствие мессии. Рассказывая мне об этом, девушка с поразительной точностью описала сцену в гроте, происшедшую в тот самый день, когда разбился мой микроскоп.

Король милостиво принял меня и посадил справа от себя на верхней ступеньке лестницы, ведущей к трону. Девушка же села на полу возле наших ног. На вид королю было около пятидесяти лет. Длинные черные волосы волнами падали на его плечи. Он носил обычную тунику, украшенную различными металлическими предметами. На королевском поясе, расшитом жемчужинами и рубинами, висел меч. На ногах Его Величества были надеты кожаные сандалии.

Наш разговор длился около часа. Лильда прекрасно справлялась с ролью переводчика, но должен признаться, что иногда наш разговор заходил в тупик. К счастью, нас выручали природный ум и сообразительность девушки, которая помогала себе и нам жестами и мимикой. Очарование и благородство Лильды, естественность ее поведения, духовное богатство и красота придавали девушке все те качества идеальной женщины, о которой мы так часто спорим.

Да, друзья мои, Лильда очаровала меня и красотой, и умом. Хотя дальнейшее продолжение моего авантюрного путешествия может быть связано с опасностью… Но теперь Лильда — самое главное в моей жизни, и как только будет возможность, я вернусь туда, чтобы разыскать девушку.

— Браво! — воскликнул Молодой Человек. — Но почему же

вы не привели ее с собой на этот раз?

— Юноша, позвольте ему завершить свой рассказ, — запротестовал Врач. Молодой Человек разочарованно вздохнул.

— Во время нашего разговора я понял, что Лильда сказала королю, что именно я — тот человек, который поможет разгромить всех врагов, угрожающих независимости Ороиды. Улыбнувшись, король сообщил мне, что восхитительная переводчица заверила его в этом. Переведя мне последние слова, Лильда покраснела. В эту минуту она была так обворожительна, что я не удержался — обнял и поцеловал девушку. Столь смелое и своеобразное мое поведение очень удивило короля, а еще больше саму Лильду. Очевидно, ни Его Величество, ни Лильда не знали о значении поцелуя, но девушка догадалась (я это заметил по ее реакции), какие чувства владели моим сердцем.

В самых простых выражениях, чтобы Лильда могла перевести мои слова, я объяснил королю, что готов помочь ороидянам и сделаю это с радостью. Рассказал я королю и о своей способности изменять размеры своего тела за несколько секунд. Поначалу это было выше понимания короля, но наконец он понял меня или сделал вид, что понял. А может быть, просто поверил мне на слово.

Вскоре мы приступили к обсуждению практической стороны вопроса. Я не особо задумывался о каких-либо деталях, мне казалось, что я смогу справиться с порученной мне задачей. Достаточно, чтобы мой рост достиг тридцати метров, и я легко расшвыряю вражеские войска, как безобидные детские игрушки.

Король поинтересовался, каким образом я собираюсь реализовать свои необыкновенные замыслы. Я, как мог, описал наш мир, рассказал о Земле и о том, как мне удалось проникнуть в кольцо. Мне пришлось продемонстрировать свои таблетки. Именно они убедили Его Величество в моей искренности. Король встал с трона и вышел на балкон.

Собравшиеся во дворе верноподданные радостными криками приветствовали появление монарха. Он терпеливо дождался окончания бурной овации, затем поднял правую руку и начал говорить. Взявшись за руки, мы с Лильдой оставались вне поля зрения толпы. Речь Его Величества длилась около десяти минут и часто прерывалась восторженными возгласами и аплодисментами. Затем король сделал повелительный жест в нашу сторону, и мы с Лильдой заняли место рядом с ним на балконе. При нашем появлении толпа не скрыла своего восторга и какой-то исступленной радости.

Несколько позже я познакомился с отцом Лильды, одним из самых умных и образованных людей страны. Он проявил живой

интерес к моей скромной персоне и моей истории… Именно отец девушки объяснил мне основные принципы физического строения мира кольца. А я в свою очередь рассказал ему о строении нашей солнечной системы.

В ту ночь шел проливной дождь, это был настоящий тропический ливень. Лильда и я прекрасно понимали друг друга. Мы больше не скрывали своих чувств. Я назвал ей истинную причину своего появления в стране ороидян. С красноречием, на которое раньше не считал себя способным, я описывал Лильде красоты нашего мира, умоляя девушку пойти со мной и разделить мою жизнь. Когда я замолчал, Лильда протянула ко мне руки, словно желая обнять меня. Опьяневший от счастья, я бросился к ней и крепко прижал девушку к своей груди.

За окном по-прежнему лил дождь. Взяв за руку, Лильда подвела меня к окну. Картина ночи, представшая перед нами, поражала своей красотой и необычностью, которые невозможно описать никакими словами. Озеро, окутанное покрывалом серебристого тумана, переливалось мириадами огоньков. На его поверхности были мерцающие блики лунного света. Я взглянул на Лильду, которая, задумавшись о чем-то, любовалась ночным пейзажем. Свет, проникавший в окно, еще больше подчеркивал полупрозрачность ее кожи. В этой загадочной обстановке я был еще раз поражен странной и необычной красотой Лильды. Лицо девушки светилось от счастья, она ласково улыбалась мне.

Химик неожиданно замолчал и погрузился в свои мысли. Потом, как бы очнувшись от сна, он неторопливо продолжил свой рассказ:

— Да, друзья мои. До конца своих дней я не забуду того дождливого вечера, когда мы с Лильдой стояли у окна. На следующий день мне предстояло выдержать бой с малитами. Всю ночь мы разговаривали с Лильдой, и она согласилась идти со мной и покинуть свою страну. Утром дождь прекратился. По извилистой дороге, ведущей к фронту, двигалась вереница машин. Когда они проходили под нашими окнами, я заметил, что они были заполнены ранеными и убитыми солдатами. Лильда дрожала от страха, она крепко прижималась ко мне и умоляла помочь ее многострадальному народу.

Моему выходу из дворца предшествовала торжественная церемония. Я шел по правую руку Его Величества, за ним следовала Лильда. С обеих сторон нас сопровождал почетный караул, марширующий под звуки фанфар. На улицах жители города приветствовали нас радостными криками. Многие забрались на крыши домов, чтобы лучше видеть дворцовую церемонию. Наконец мы вышли за пределы города. Я выбрал

подходящее место для того, чтобы на глазах у сотен тысяч ороидян, застывших в ожидании у холма, совершить чудо превращения в великана.

Неожиданно меня охватил жуткий страх. Я вдруг представил свое положение: я был всего лишь чужак в почти незнакомом мне мире, самонадеянно взявший на себя роль мессии-спасителя. Для этого в моем распоряжении имелись химические препараты. Напомню вам, друзья мои, что действие препарата, вызывающего увеличение роста, я еще не успел опробовать на своем организме.

Я осмотрелся. Король терпеливо ждал обещанного подвига. Когда я обратил свой взор к Лильде, ее счастливое лицо, влюбленные глаза окончательно развеяли неуверенность и страх в моей душе. Не обращая внимания на собравшихся, я обнял и поцеловал свою возлюбленную. Затем, сделав королю знак рукой, что готов приступить к эксперименту, я принял совсем небольшое количество препарата. И точно так же, как это делал здесь, в комнате, сел на землю и обхватил голову руками. Я испытывал ощущения, которые уже описывал вам. Подняв глаза, я увидел, что все детали окружавшего меня пейзажа уменьшались так же стремительно, как некогда увеличивались вначале. Теперь Лильда и король едва достигали щиколоток моих ног. По толпе пронесся гул, в котором слышались страх и радость. Я посмотрел вниз и увидел тысячи людей, в панике разбегавшихся в разные стороны.

Все по-прежнему уменьшалось, но уже не столь быстрыми темпами. Вскоре действие таблеток прекратилось. С предельной осторожностью, чтобы не раздавить никого из людей, я опустился на колени. Через несколько минут я отыскал Лильду и короля. Теперь это были крошечные создания ростом, едва достигавшим двух сантиметров. В их глазах я был стопятидесятиметровым колоссом. Я положил на землю ладонь, и Лильда при помощи двух солдат взошла на нее. Я осторожно поднес ладонь к лицу и нежно погладил Лильду мизинцем другой руки. Но, увидев, что она испугана и дрожит, я вернул ее на землю.

В нескольких шагах от моих ног были чудесное озеро и сам город Арит. Теперь я видел также другой берег озера и длинную цепь гор. Смогу ли я точно описать вам противоречивые чувства, овладевшие мной? У меня сложилось впечатление, что я с воздушного шара обозреваю знакомую мне местность. Я чувствовал себя гигантом, попавшим в мир хрупких игрушек.

Я отправился по дороге в путь. Каждый шаг мой превращался в трудноразрешимую проблему, так как повсюду были рассыпаны мелкие деревушки, дома; я не хотел губить лес и наносить вред возделанным полям. Так прошел я около трех километров.

Накануне этот же путь казался мне длиной в пятьдесят-шестьдесят километров. Постепенно местность становилась все более необжитой. Мне пришлось пройти еще немного, чтобы увидеть удивительную картину. Перпендикулярно к дороге, по которой я двигался, равнину пересекала извилистая река. На правом берегу раскинулся маленький городок в обрамлении цепочки холмов. Мое внимание привлекло темное пятно на другом берегу. Видимо, это был лес. Оттуда вылетали маленькие камешки, обстреливавшие город. Я осмотрелся и сообразил, в чем дело. Город был осажден, и малиты подвергали его бомбардировке камнями с помощью катапульт. Я сделал всего несколько шагов в сторону леса, и дождь булыжников прекратился. Я склонился над городом, превращенным в руины под градом камней. Улицы были заполнены неподвижными телами. Осторожно приподнял я двумя руками крошечную фигурку. Она оказалась страшно изуродованным телом женщины, которая была мертва. И мне ничего не оставалось, как положить ее опять на землю.

Легкая боль в ноге заставила меня выпрямиться. Булыжник попал в мою берцовую кость. Я поднял камень с земли. Размером он был с ядро ореха, но в глазах Лильды камень был диаметром около четырех метров. Волна неудержимого гнева охватила меня при воспоминании о возлюбленной. Я с силой бросил камень на другой берег. Перепрыгнув одним махом реку, я мягко опустился на лес, словно под ногами находились не деревья, а ковер из папоротника и мха. В порыве ярости я топтал лес ногами, потом, наклонившись, я разбросал в разные стороны сломанные стволы деревьев. Малиты, раздавленные, как насекомые, валялись по всему лесу. Эта жуткая картина вызвала у меня приступ тошноты. Ведь все-таки передо мной лежали люди, хотя и с ноготь на моем мизинце. Я сделал несколько шагов. Крошечные существа, охваченные паникой, разбегались во все стороны. Некоторое время я колебался, не зная, что делать. Но, вспомнив о скором возвращении в наш мир с Лильдой и о своей клятве королю, в которой обещал вернуть независимость ороидянам, я решительно отбросил все терзавшие меня сомнения и угрызения совести. Завоеватели должны быть уничтожены и стерты с лица земли, как грязная нечисть.

Еще в течение двух часов я топтал ногами эту территорию, уже не всматриваясь в то, что происходит у меня под ногами.

Завершив свою жестокую расправу, я вернулся в Арит, терзаемый разными мыслями. Меня приветствовала восторженная толпа. Ороидяне перестали бояться меня из-за моего гигантского роста и совсем потеряли бдительность. Я боялся раздавить

ликующих жителей, поэтому каждый шаг давался мне с трудом. Мне потребовалось две дозы препарата, чтобы вернуть себе прежний рост. Я был окружен плотным кольцом ороидян. Каждый из них стремился дотронуться до меня или пожать руку. Радостная весть о моей победе распространилась уже по всему городу. К энтузиазму и чувству благодарности теперь добавилось чувство почти ритуального обожания, словно я был неким божественным существом.

Король и Лильда встречали меня у входа в город. Девушка бросилась в мои объятия, плача от счастья и от того, что она вновь видит меня.

Не стану останавливаться на подробностях торжественной церемонии в честь победы, одержанной над малитами. Жители страны, как мне показалось, не придают особого значения помпезным публичным церемониям и разного рода манифестациям. Король с балкона произнес весьма краткую речь. Ну а вечером народ пировал и встречал возвращавшихся солдат.

Химик подошел к столу и выпил стакан воды. Затем он продолжил свой удивительный рассказ:

— Да, друзья мои, я могу с уверенностью сказать, что в тот незабываемый день я был счастлив безмерно. Просто восхитительно сознавать, что ты — спаситель целого народа.

При этих словах Врач, едва не опрокинув кресло, подбежал к столу и ударил кулаком по нему так, что зазвенели стаканы.

— Вы представляете… вы отдаете себе отчет в том, что вы значите теперь для нашей цивилизации?! — закричал он.

На лице Банкира отразилось крайнее удивление столь странным поведением обычно хладнокровного Врача.

— Каких-нибудь несколько пилюль, — возбужденно продолжал Врач, — и вы сможете уничтожить одним ударом ноги все города и дома любого неприятеля.

В комнате установилась тишина. Присутствующие беспокойно переглядывались, пораженные теми безграничными возможностями, что открывались перед ними.

«Я должен вернуться…»

Фантастическая, немыслимая перспектива спасения человечества, собственного мира благодаря гениальному открытию их друга занимала мысли всех собравшихся в комнате. Однако спустя некоторое время, оправившись после своего рода потрясения, друзья Химика попросили его продолжить рассказ.

— Последний вечер я провел с Лильдой, мечтая о нашем возвращении и строя планы на будущее. Должен признаться,

господа, что за все время моего пребывания в мире кольца меня не покидали страх и беспокойство. Я пытался представить, как все должно произойти, и чем больше я думал об обратном путешествии, тем более опасным оно мне представлялось.

Вы должны понимать, что в первый раз, когда мой рост уменьшился, я должен был спускаться, скользить или катиться вниз. Но теперь, при возвращении, мне необходимо было подниматься вверх. Воображение рисовало мне тягостную картину мира, который готов раздавить меня, навеки похоронить под обломками скал, прежде чем я смогу достичь необходимых размеров.

Обсуждая все волнующие меня проблемы с Лильдой, я осознавал, какой опасный путь нам предстоит. Любуясь изящной фигурой девушки, я понимал, что не имею права подвергать ее тяжелым и рискованным испытаниям. Мысль о том, что с Лильдой может что-то случиться по моей вине, была невыносима. Помимо этих сомнений, меня мучил еще один весьма важный вопрос. Прошла неделя, как я расстался с вами в этой комнате, а вы по нашей договоренности должны были ждать меня два дня. Я предполагал, что время здесь течет быстрее и, вероятно, назначенный срок еще не истек, но полной уверенности у меня в этом не было. Чем это грозило мне, вы понимаете. Могло случиться и так, что я окажусь на поверхности кольца в тот момент, когда кто-то из вас будет прогуливаться по улице с кольцом на пальце. Нет, я был не в состоянии представить нас с Лильдой в подобной ситуации. И тогда я попытался поделиться с девушкой мучившими меня сомнениями. Удалось убедить ее, что будет лучше, если она останется и дождется меня. Я обещал моей возлюбленной, что обязательно вернусь. Она долго ничего не отвечала, а только внимательно слушала и смотрела на меня большими лучистыми глазами. Внезапно девушка бросилась ко мне, уже не пытаясь скрыть своих слез. Прижавшись ко мне, она рыдала, а я едва сдерживал слезы, готовые брызнуть из моих глаз. Я успокаивал ее, такую хрупкую и нежную, похожую в своей печали на земную женщину и вместе с тем такую загадочную и удивительную в своей таинственной красоте. Постепенно Лильда успокоилась, перестала плакать и вот уже ободряюще улыбнулась, надеялась утешить и себя, и меня.

На следующее утро я покинул город. Через все туннели меня провела Лильда. Она сопровождала меня до самого берега той реки в лесу, где мы впервые с ней встретились. Здесь мы расстались. И я еще долго смотрел на удаляющийся от меня маленький силуэт моей возлюбленной. Я принял решение возвращаться той же дорогой и пошел к опустошенному лесу,

лишь один раз сделав небольшой привал, чтобы восстановить силы. Кругом в изобилии росли ягоды, о которых я уже упоминал раньше. Вскоре я достиг леса, где повсюду валялись стволы сломанных деревьев. Здесь, в лесу, я принял первую дозу препарата. И через несколько минут огромные стволы деревьев превратились в маленькие веточки под моими ногами.

Теперь мне нужно было отыскать крутой склон, с которого я спускался. Через несколько часов я, наконец, дошел до того места, где обломки скал указывали, что я был здесь прежде. Скалы казались мне намного больше, чем в первый раз. А это значило, что еще не достиг нужных размеров.

Охваченный паникой, я выпил сразу двенадцать пилюль, что вызвало у меня приступ ужасной, дурманящей тошноты. Я впал в забытье. Когда же я открыл глаза, мне показалось, будто горы надвигаются на меня, но, слава Богу, они все-таки уменьшались, а склон укорачивался сам собой. Прямо передо мной появилась вершина возвышенности. Земля дрожала под ногами. Мне приходилось часто лавировать, чтобы не споткнуться о камни, сыпавшиеся на меня и крошившиеся под ногами. Я все время должен был отступать от надвигавшегося на меня склона. Когда я обернулся, жуткий страх сковал мою волю: черная зловещая стена окружала меня. Она возвышалась над моей головой примерно на двести метров. С дрожью во всем теле я наблюдал, как она все больше наклоняется в мою сторону, чтобы навеки похоронить меня под своими обломками. Обезумевший, не отдающий себе отчета в том, что происходит, я судорожно оглядывался по сторонам, пытаясь найти спасительный выход. Но повсюду на меня надвигалась только черная скалистая стена. В отчаянии я готов был плакать. Наверно, я потерял сознание. Тем не менее, когда я пришел в себя, окружавший меня пейзаж совсем не изменился. Я лежал на дне глубокой расселины. Черная стена, перпендикулярная ко дну, не исчезла. Я не знал, как выбраться наверх по гладкой и блестящей стене. Действие пилюль затормаживалось, поэтому теперь все вокруг перестало качаться и прыгать у меня перед глазами. Это, безусловно, позволило мне сориентироваться.

Постепенно сковывавший мою волю страх отступил. Теперь я прекрасно ориентировался в пещере и мог определить все необходимые мне расстояния. Приняв еще две пилюли, я решил дождаться окончания их действия и не предпринимать никаких попыток выбраться из злосчастной пещеры. После привычных ощущений тошноты и слабости, которые быстро прошли, у меня появилось достаточно сил и энергии, чтобы продолжить свой путь.

Теперь высота стены, окружавшей меня, составляла лишь около пятнадцати метров. Несколько шагов… и я смог уже коснуться руками гладкой стены. Поверьте мне, господа, насколько ужасающе это чувство — находясь на дне колодца (а пещера похожа именно на колодец), видеть, как на тебя, словно под действием непреодолимых сил, надвигаются скалы, готовые в любую минуту сомкнуться. После того как я принял последние пилюли, выход из пещеры приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки. Я подпрыгнул и зацепился за край колодца. Собрав последние силы, я подтянулся и навзничь упал на землю. Теперь я оказался на самом дне царапины на кольце, похожей на узкий длинный проход шириной в двадцать метров. Подняв глаза, я увидел над собой белое, залитое светом небо. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что это не что иное, как потолок нашей комнаты. Чтобы выбраться из царапины на поверхность кольца, я должен был принять еще одну дозу препарата, что я и сделал.

За час подъема мои кожаные сандалии порвались, везде на теле появились раны и ссадины. Я поднимался еще несколько часов. Мне пришлось еще два раза принять препарат, так как стены были настолько гладкими, что при небольшом росте мне трудно было найти точки опоры. Наконец, закончив подъем, обессиленный, я выбрался на поверхность золотого кольца. Ну а все остальное, друзья мои, вы знаете. Через несколько минут я был уже среди вас.

Химик замолчал и посмотрел по очереди на каждого из своих друзей:

— Теперь вы знаете все подробности моего путешествия. Что вы думаете об этом, господа?

— Жаль, что вы не смогли привести с собой Лильду, — пробормотал Молодой Человек.

— Было бы ужаснее, если бы я взял девушку с собой и подверг ее жестоким испытаниям, — спокойно возразил Химик. — К тому же я дал ей клятву вернуться.

— И когда вы предполагаете отправиться обратно? — поинтересовался Врач.

— Немедленно, как только это будет возможным. Думаю, через два или три дня, — ответил Химик.

— Но как же вы решитесь на это? Наша цивилизация нуждается в вашем открытии, это же настоящий переворот в современной науке. Вы не имеете права покидать нашу планету, — сказал Бизнесмен.

— Но ведь и Лильда нуждается во мне, — возразил Химик. — Я дал ей клятву, а вы совсем не принимаете в расчет мои чувства.

Поймите же меня, господа! Я не уклоняюсь от борьбы за демократию и справедливость. Это было бы абсурдным. Но мой долг найти Лильду, а через восемь дней я с ней вместе вернусь.

— Но эти восемь дней могут стоить жизни тысячам людей, тогда как в вашей власти спасти их. Вы задумывались над этим?

Химик покраснел.

— Друзья мои, я отдаю себе отчет в важности спасения целого народа. Но если передо мной стоит необходимость выбора между жизнью тысяч людей, чуждых мне, и жизнью Лильды, которая зависит только от меня, я выбираю последнее.

— Господа, пожалуй, наш друг прав, — спокойно заметил Врач, и Молодой Человек тут же согласился с этим.

Два дня спустя в том же клубе вновь собрались друзья Химика. Ужин проходил в молчании. Первым его нарушил Химик.

— На этот раз, господа, я прошу ждать меня ровно неделю. Вас четверо, а это значит, что каждый должен будет вести наблюдение по шесть часов в день. Да, в этот раз я предполагаю пробыть в мире кольца неделю. Ведь может случиться, что я уже больше не попаду туда. Поэтому в интересах науки я хочу узнать и увидеть как можно больше. Мой первый визит был таким кратким, удивительным и необычным. Мне практически ничего не удалось узнать. Я рассказал вам немного об истории Ороиды. Но у меня нет никакого представления об искусстве, науке, философии, экономических и социологических проблемах мира кольца. Без сомнения, уровень развития ороидян ниже, чем нашей нации. И все-таки жители золотого кольца владеют секретом, которым мы не обладаем, а может быть, и не обладали никогда. Секрет совсем простой, но пока не доступный для нас — всепрощающая любовь к людям, себе подобным, великое милосердие. Да, друзья, их мир, этот мир заслуживает внимания!

Банкир погрузился в свои мысли. Сегодня он выглядел как никогда озабоченным.

— А ваши формулы, хранящие секрет состава химических препаратов, где они? — спросил Банкир.

— Формулы здесь, — улыбнувшись, сказал Химик и показал на свой лоб. — Они у меня в голове.

— А вам не кажется, что будет лучше, если вы оставите формулы нам? В путешествии вы подвергаете себя опасным испытаниям… Непредвиденные случайности… И никто не знает… — запнулся на полуслове Банкир.

— Друзья мои, я очень хочу, чтобы вы поняли, — вновь заговорил Химик, заметно волнуясь, — я не в праве оставить разработанные мной формулы, если от них зависит моя жизнь и

жизнь Лильды, Здесь вы еще не ощущаете различий между жизнью индивидуума и существованием народа. Я прекрасно знаю всех вас, но при знании формул в вашей власти будет уничтожить целые нации, установить безграничное господство над вселенной, завладеть всеми сокровищами мира. Моим препаратам можно найти применение как в великих целях добра и справедливости, так и для удовлетворения самых низких желаний. Оставить формулы — это значит взять на себя слишком большую ответственность. Я могу рисковать собственной жизнью, но жизнью целых народов — никогда!

— О, я знаю, что бы я сделал, владея этими, поистине волшебными формулами! — воскликнул Молодой Человек.

— Но, к сожалению, я так и не узнаю этого, — спокойно возразил Химик. — Надеюсь, вы разделяете мое мнение?

Из присутствующих лишь Банкир не поддержал Химика и по-прежнему настаивал на том, чтобы ученый раскрыл формулы препаратов.

— Господа! Осталось совсем мало времени до моего отправления. Прежде чем мы снова расстанемся, вы, наверно, хотите еще что-нибудь сказать мне на прощание? — спросил Химик и начал снимать с себя верхнюю одежду.

— Очень вас прошу, передайте Лильде, что я горю нетерпением познакомиться с ней, — смутившись, произнес Молодой Человек. Все присутствующие в комнате громко рассмеялись.

Когда мебель была расставлена по углам, в центре комнаты расстелили черный шелковый платок и положили на него золотое кольцо. Химик попрощался с каждым из друзей, пожав им руки.

— До встречи через неделю!

Затем он принял пилюли. Все происходило точно так же, как и в первый раз. Не случилось ничего непредвиденного. Затем наступили бесконечные дни томительного ожидания. Каждый из друзей Химика бодрствовал по шесть часов в день, наблюдая за маленьким кольцом на черном платке. Наступил пятый день ожидания, и все надеялись, что Химик появится с минуты на минуту. Но день прошел, а ученый так и не появился. Шестой день тягостного ожидания. Наконец, наступил последний день обещанного возвращения Химика. Четверо друзей в тревоге следили за платком. Напряжение в комнате достигло апогея. Минуты казались часами. Настенные часы пробили полночь, как бы подводя черту под ожиданиями друзей, но они не теряли надежды и наблюдали за кольцом еще целую неделю. На четырнадцатый день они собрались, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Теперь все свидетели эксперимента находились в

плену страха и ужаса перед неизвестностью судьбы Химика.

Первым заговорил Врач и сказал то, в чем уже не сомневался никто:

— Я предполагаю, господа, что мы напрасно теряем время. Наш друг не вернется.

Он замолчал и пристально посмотрел на кольцо.

— Друзья мои, кольцо представляет огромную ценность и заслуживает того, чтобы к нему относились внимательно и осторожно. Я не могу даже представить, какие события протекают внутри кольца, зато отлично знаю, что происходит в нашем мире и что значит для нашей цивилизации возвращение Химика. Именно поэтому в сложившихся обстоятельствах я не хочу и не могу отказаться от возможности вести за кольцом постоянное наблюдение. Я собираюсь поместить его в музей и внести средства, необходимые для того, чтобы оно постоянно, день и ночь находилось под наблюдением. Согласны ли вы поддержать мои планы? — спросил Врач, поворачиваясь к Бизнесмену.

— Нет, нас будет трое, — громко сказал Банкир.

И сегодня, если у вас возникнет желание увидеть собственными глазами золотое кольцо, вы можете прийти в музей Американского общества биологических исследований. В самом центре третьего зала вы без труда найдете кольцо, размещенное на черном шелковом платке и накрытое стеклянным колпаком. Воздух под колпаком постоянно обновляется. У платка круглосуточно бодрствуют два служителя музея. И вот вы наклоняетесь, стараясь хорошо рассмотреть кольцо, и при этом невольно думаете о прекрасном мире, заключенном в его атомах. Возможно, вы испытываете священный трепет при мысли о бесконечности и скоротечности жизни, о незначительности и божественном всемогуществе каждого из нас…

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЕ • ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.

notes

Примечания

1

Впервые: La Science Illustré (1893, № 288–311), под назв. «Toujours plus petits» («Всегда меньше»). Данные отрывки были напечатаны в журнале Вокруг света (Л., 1930, № 21–22). Публикуется по этому изданию с исправлением ряда опечаток, а также устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В публикации сохранено редакционное предисловие и оригинальные иллюстрации Г. Фитингофа. Рис. на стр. 14 и 18 взяты из первого издания романа.

А. Бленар (1852–1905) — французский ученый, популяризатор науки, писатель-фантаст. Доктор наук, преподавал в Муниципальном институте Анже и был его директором (1885–1905). Был профессором физики в местном колледже и вице-президентом Научного общества Анже. Автор многочисленных научных работ, книг по истории науки и шести фантастических романов, опубликованных в 1888–1903 гг. Наиболее известный из них, «Электрический Вавилон» (1888), повествует о попытке возродить древний Вавилон с помощью электричества. Роман «Лилипуты», наряду с «Путешествием внутри тела, или Чудесными приключениями Люка и Белинды» Л. Куртене (А. Т. Шофилда, 1887) и «Доктором Мухоловкиным» Э. Маевского (1890) — один из первых современных научно-фантастических романов, где в целях «познавательной» НФ была разработана тема миниатюризации человеческих существ.

2

Впервые — The Strand Magazine (1922, март), под названием «The World of the Vanishing Point». Русский перевод впервые в журнале Мир приключений (19226 № 2). Публикуется по этому изданию с исправлением некоторых устаревших особенностей пунктуации. Иллюстрации взяты из первого английского издания.

Д. Барр (1862–1923) — британский писатель, уроженец Канады, автор ряда фантастических произведений, темы которых варьируются от «желтой опасности» до антиутопий. Младший брат известного журналиста и писателя Р. Барра.

Идея рассказа была, очевидно, навеяна рассказом ирландско-американского писателя Ф. Д. О'Брайена «Алмазная линза» (1858) — произведением классическим, но основательно подпорченным откровенным расизмом и антисемитизмом автора.

З

Мальстрём (употребляется также написание Мальстрим) (норв. Moskenstraumen) — водоворот в Норвежском море у северо-западного побережья Норвегии.

Пер. В. Барсукова.

Рассказ (под назв. «The Battle of the Monsters») вошел в авторский сборник «Куда боятся ступить ангелы и другие морские истории» (1899).

М. Робертсон (1861–1915) — американский писатель, автор морских рассказов и научно-фантастических произведений. Родился в семье корабельного капитана, в 1866–1877 гг. служил на торговом флоте, прошел путь от юнги до первого помощника капитана. Затем в течение 10 лет занимался огранкой алмазов. В связи с ухудшением зрения обратился к литературе, печатался в популярных журналах McClure's и Saturday Evening Post. Считал себя изобретателем перископа, описанного в романе «Подводный разрушитель» (1905); однако, перископ был усовершенствован за три года до выхода романа. Особое место в наследии Робертсона занимает повесть «Тщетность» (1898), в которой изображено крушение колоссального пассажирского корабля «Титан», совпадающее во многих деталях с трагедией «Титаника».

5

Джон Мильтон (англ. John Milton; 9 декабря 1608, Лондон — 8 ноября 1674, Лондон) — английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов.

Потерянный рай (поэма) — христианская эпопея о возмущении отпавших от Бога ангелов и о падении человека.

6

Впервые под назв. «Путешествие Эльфа по кровеносным сосудам человека: Сказка» в изд. Д. П. Ефимова (М., 1903). Публикуется по этому изданию в новой орфографии с исправлением некоторых устаревших особенностей правописания и пунктуации.

А. Н. Ачкасов (1870 — после 1913) — русский писатель, журналист, переводчик. Родился в дворянской семье, в 1894 г. окончил медицинский факультет Московского университета, с 1896 г. состоял земским врачом в Орловской и Курской губ. С 1895 г. выступал в печати как автор, переводчик («Веселая наука» Ф. Ницше) и составитель антологий, в 1900-х гг. сотрудничал с рядом московских периодических изданий.

7

Впервые в журн. Вокруг света (М., 1927, № 6) с редакционной пометкой: «Рассказ удостоен премии на литературном конкурсе „Всем. Следопыта“ в 1926 г. (под названием „В мире атомов“)». Публикуется по первому изданию.

Пример профессора не совсем удачен: при дальнейших извлечениях (√ 2, √√ 2 и т. д.) — получаемые результаты уже не так резко отличаются друг от друга (имея при уменьшении своим пределом 1). Но пример профессора понятен и показателен, поэтому редакция оставляет его.

Конечно, сравнительно с нашими тогдашними размерами.

Пер. А. Баранова.

Впервые: All-Story Weekly (1919,15 марта). Русский пер. впервые в одноименной антологии (1993). Публикуется по этому изданию.

Р. Каммингс (1887–1957) — один из основателей и самых заметных авторов американской пульп-фантастики, создатель сотен произведений, многие из которых были напечатаны под псевдонимом. Сведения о ранних годах его жизни представляются частично мистифицированными. В 1914–1919 гг. работал в компании Т. Эдисона, где писал рекламные аннотации к граммофонным пластинкам. В 1919 г. после молниеносного успеха «Девушки из золотого атома» стал профессиональным писателем-фантастом, писал также детективы и романы ужасов. К 1940-м годам его слава угасла, однако в 1960-70-х гг. его книги пережили второе рождение и до сих пор довольно широко переиздаются на волне ностальгического интереса к ранней американской фантастике.

Первая новелла Каммингса была любимым произведением самого автора, а многие читатели и критики считают «Девушку из золотого атома» его лучшей литературной работой. За успешной новеллой последовали продолжения — «Народ золотого атома» (1920), «Принцесса атома» (1929) и др.; некоторые из них принято объединять в цикл «Материя, пространство и время».

Основная идея новеллы восходит к упомянутой выше «Алмазной линзе» О'Брайена. Герои ее названы лишь по роду занятий — Химик, Доктор и т. д. Возможно, именно отсюда заимствовал данный прием Ст. Лем, у которого схожим образом названы герои романа «Эдем» (1959).